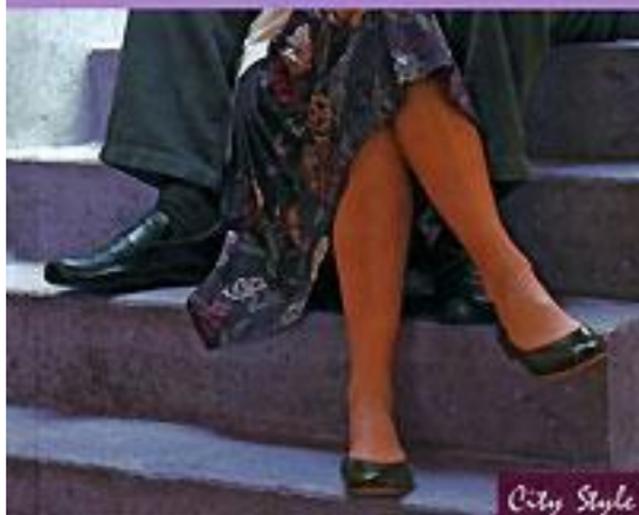

ЛЮСИ МОНРО

БЛАГОРОДСТВО
НИ ПРИ ЧЕМ

Люси Монро

Благородство ни при чем

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158833

*Благородство ни при чем: АСТ, АСТ Москва, Храниель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-041178-8, 978-5-9713-5155-9, 978-5-9762-3262-4*

Аннотация

Маркуса Данверса бросила женщина. Глубоко уязвленный, он мечтает отомстить обидчице.

И теперь наконец-то у него в руках все козыри против Вероники Ричардс, продавшей секретные сведения о компании, где она работала.

Сломать жизнь предательницы, как сломала она его жизнь...

Заставить ее страдать, как страдал он...

Маркус может сделать это в любую секунду... но не хочет. Он желает совсем другого – понять, почему Вероника оставила его, и вернуть ее любовь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	66
Глава 5	84
Глава 6	102
Глава 7	126
Глава 8	145
Глава 9	168
Глава 10	188
Глава 11	205
Глава 12	223
Глава 13	241
Глава 14	260
Глава 15	282
Глава 16	305
Глава 17	321
Глава 18	341
Глава 19	372
Глава 20	389

Люси Монро

Благородство ни при чем

Глава 1

У Маркуса Данверса не было секса восемнадцать месяцев, две недели и три дня.

И до той, что явилась причиной столь плачевного положения вещей, было сейчас буквально рукой подать. Он узнал ее каждой клеточкой своего тела, причем те, что расположены ниже пояса, заявили о себе особенно бурно. Ноздри его раздулись, вбирая в себя ее запах, и весь он напрягся и отвердел в известных местах – тех самых, что не давали ему покоя при воспоминании о ней, вероломной обманщице, что покинула его более полутора лет назад.

Склонившись стройным телом к сидящему за рабочим столом директору по маркетингу «Клайн технолоджи», она негромко с ним говорила. Смысл разговора ускользал от него, но он узнал этот приглушенный мелодичный голос, что вот уже столько месяцев преследовал его во сне и наяву. Голос женщины, с которой, единственной из всех его многочисленных пассий, он был почти готов создать семью. Той, что впервые заставила его задуматься о возможности тихого семейного счастья.

Голос Вероники Ричардс.

Она наклонилась над столом, чтобы взять стопку бумаги, и шелковистые каштановые пряди шаловливо коснулись ее щеки. Голова ее была повернута так, что он мог видеть только этот край щеки, чуть прикрытый завесой волос. У нее была новая прическа – все волосы одной длины на уровне подбородка. Полтора года назад волосы ее доходили до середины спины, но распущенными Маркус увидел их лишь в тот достопамятный вечер, когда она впервые пришла к нему домой. В тот вечер, когда это случилось с ними в первый раз.

Тогда, в «Си-ай-эс»¹, она была, что называется, застегнута на все пуговицы, особенно внешне. И тугой узел на затылке, и очки в черной оправе, которые каким-то загадочным образом лишь подчеркивали красоту ее серых глаз, были частью образа.

Однако когда он прикасался к ней, она переставала быть синим чулком. Вся она дышала стыдливой страстью и неопытной пылкостью.

Он проработал с ней три года, пребывая в уверенности, что у этой безупречной секретарши вместо крови в венах течет хладагент. И был потрясен, обнаружив, насколько сильно в ней ошибался. Он испытал почти такой же шок, когда узнал, что, перед тем как бросить его, она продала конкурен-

¹ CIS – Computational Intelligence Systems – Компьютерные Системы. В Портленде, например, при Пенсильванском университете реально существует Computational Intelligence Society, объединяющее специалистов в области вычислительных технологий.

там не подлежащую разглашению информацию о компании.

Маркус сжал кулаки, не отрывая их от бедра. Ему очень хотелось одним прыжком преодолеть расстояние между ними, схватить ее за плечи, развернуть лицом к себе и потребовать объяснить необъяснимое.

Она не только выдала с головой фирму, но и предала своего любовника. И он желал знать, почему она это сделала.

Вопрос, состоящий из одного-единственного слова, вот уже полтора года не выходил у него из головы: почему?

Почему, проработав идеальной секретаршей три года, преданная своей работе и компании, она продала информацию, которая стоила «Си-ай-эс» очень серьезной сделки. Как случилось, что, пробыв его любовницей два месяца, она уехала, не сочтя нужным с ним даже попрощаться?

Но Маркус проявил выдержку. Подавив желание разобраться с ней прямо здесь и сейчас, он сосредоточился на работе. Президент и владелец «Клайн технолоджи» нанял Маркуса, чтобы тот нашел и обезвредил тайного агента, внедрившегося в фирму и работающего на конкурентов.

– Вы хотели представить меня директору по маркетингу? – спросил у своего клиента Маркус.

– Да. – Клайн решительно кивнул. – Его команда и еще ведущие проектные группы – вот, пожалуй, и весь персонал, владеющий информацией, утечка которой происходит из-за того, кого мы ищем.

Ронни чуть повернула голову, и Маркус увидел, что она

носит те же очки в черной оправе. Как и раньше, белая блузка ее была застегнута на все пуговицы до самого подбородка, и она по-прежнему носила ее заправленной в скромную серую юбку. Она казалась строгой до чопорности, безупречно опрятной и официально холодной. Совсем не так, по его представлениям, должна выглядеть женщина, продавшая и босса, и любовника.

Хоть его и воротило от этой мысли, но факты говорили сами за себя – скорее всего расследование уже закончено. На этот раз деньги он получит, не прилагая практически никаких усилий. Ему бы радоваться, да только чему?

– Вы сказали, что в группе маркетинга пять человек имеют доступ к утекающей информации.

– Да, – ответил Клайн. Острый взгляд его зеленых глаз говорил о недюжинном уме. – Всего в отделе двенадцать человек, но только пять ведущих сотрудников имеют неограниченный доступ к полной информации о нашей продукции, в том числе к новым разработкам. Маркус, не сводя глаз с профиля Ронни, спросил:

– Включая административный персонал? Клайн нахмурился и выругался себе под нос.

– Нет, про секретарей я даже не подумал. У них ко всему есть доступ.

– Сколько у вас всего администраторов? Клайн ответил не сразу.

– Трое – в отделе маркетинга, в конструкторском – один, в

отделе снабжения – двое, но только одна сотрудница работает с инженерами, ответственными за запуск в производство новых изделий.

– Она одна из них? – спросил Маркус, кивнув в сторону Ронни. В то же мгновение она повернулась к ним лицом, дав ему возможность увидеть ее анфас.

Клайн испытующе посмотрел на Маркуса:

– Это Вероника Ричардс, администратор отдела маркетинга. Около шести месяцев работает с нами. У нее неограниченный доступ к весьма обширной информации.

Из-за шума в ушах Маркус едва слышал, что говорит Клайн, – он встретился взглядом с Ронни.

Он пытался играть роль стороннего наблюдателя, отслеживая реакцию Ронни на его присутствие. Вначале узнавание, затем шок. Компания, на которую он работал – «Си-ай-эс», – штаб-квартиру имела в Портленде, а Ронни уехала еще до того, как сам Маркус и его партнер Алекс открыли отдел по корпоративным расследованиям. Ронни не знала об этой статье доходов «Си-ай-эс». Она, вероятно, посчитала, что в таком крупном городе, как Сиэтл, где легко затеряться, может чувствовать себя в безопасности, тем более что Портленд находится не только в четырех часах езды, но и в другом штате.

Едва они встретились взглядами и она его узнала, как у нее глаза стали как блюдца. Нежные губы, что он когда-то так жадно целовал, раскрылись, и вся кровь схлынула с аристо-

кратически правильного лица. Она слегка покачнулась, прошептав что-то одними губами. Он решил, что она назвала его по имени. Вид у нее был такой, словно она вот-вот упадет в обморок. Он выругался про себя и остался стоять на месте, хотя ноги сами так и рвались броситься к ней на выручку.

Но первым рядом с ней оказался Клайн.

– Добрый день, Вероника. Познакомьтесь, это Маркус Данверс. Он оказывает «Клайн технолоджи» консультационные услуги.

Маркус слушал, как Клайн гладко излагает легенду о том, для каких целей и почему здесь оказался ведущий менеджер «Си-ай-эс». Но при этом он никак не мог взять в толк, как это Клайн не замечает того полуобморочного состояния, в котором пребывала Ронни. Неужели он не уловил напряженности ее позы? Не обратил внимания на то, как лихорадочно она дышит? Неужто настолько слеп, что способен видеть только то, что она хочет, чтобы он лицезрел, – маску вежливой учтивости?

– Мы расширяемся? – спросила Ронни. Нажим, с которым был задан вопрос, говорил о том, что она близка к тому, чтобы потерять над собой контроль. Раньше на работе Ронни никогда не позволяла эмоциям влиять на интонацию своей речи.

– Возможно, – уклончиво ответил клиент Маркуса. Маркус перевел взгляд с Ронни на Клайна.

– Я думаю, что вы должны кое о чем узнать.

– Маркус, – еле слышно, с мольбой в голосе, произнесла она.

Маркус оставил ее немую просьбу без внимания. Она, конечно, боялась, что он сейчас расскажет Клайну о том, как она предала «Си-ай-эс». Напрасно беспокоится. Покане время. Он не готов к такому поступку. Если не она виновна в шпионаже, для раскрытия которого его, Маркуса, и наняли, то совсем ни к чему, чтобы Клайн сделал скоропалительные выводы и прекратил расследование, тем самым развязав руки настоящему преступнику.

Кроме того, Маркус полагал, что ему не потребуется много времени, чтобы наверняка узнать, не взялась ли Ронни за старое.

– Мы с Вероникой уже знакомы. Она несколько лет работала на «Си-ай-эс». И ей очень хорошо известно, как у нас поставлено дело с информационными услугами, предоставляемыми клиентам-инвесторам. – Маркус надеялся, что Клайн поймет его намек. О деятельности службы корпоративных расследований «Си-ай-эс» Ронни известно не было.

Клайну хватило ума, чтобы построить мультимиллионный бизнес с нуля, – начинал он с компьютерной мастерской, устроенной в собственном гараже. По глазам Клайна Маркус прочел, что тот вначале слегка запаниковал, но, ухватив суть послания, успокоился.

– Понятно. Тогда она для вас – идеальное контактное лицо от «Клайн технолоджи».

Маркус стремительно обернулся, чтобы успеть подсмотреть, как отреагирует Ронни на это предложение Клайна. Если она и до этого была бледна, то сейчас лицо ее буквально позеленело.

Она отчаянно замотала головой. Куда только делось ее легендарное самообладание?

– Нет.

Клайн сурово насупил седые брови и грозно прищурил зеленые глаза:

– Нет?

Ронни открыла рот и закрыла его, так ничего и не сказав. Она скосила глаза на Маркуса и тут же отвела взгляд в сторону.

– У вас проблемы? Вы не можете работать с Маркусом? – спросил Клайн с тем же мрачным выражением лица.

Маркусу было почти жаль Ронни. Под таким испытующим взглядом всякий чувствовал бы себя неудобно. Но только почти. Шпионка не заслуживает жалости.

Она с видимым усилием попыталась взять себя в руки.

– Дело в том, что я сейчас очень занята. Мы проводим маркетинговое исследование нового продукта для «Кугуара». Я уверена, что можно найти более подходящего сотрудника в области стратегии инвестиций для работы с мистером Данверсом.

– Напротив, я бы предпочел иметь дело с тем, кто знает ответы на мои вопросы и может вывести меня на нужных

людей. Кроме того, мне известно, как вы умеете работать. Все это делает вас ценным источником информации. – Маркусу очень хотелось посмотреть, как она теперь завертится.

Ронни подняла на него глаза, и Маркус увидел, как меркнет в них надежда. Она явно нервничала.

– Если вы так этого хотите...

Он улыбнулся одними губами. Он знал, что улыбка не коснулась глаз.

– Да, именно этого.

– Ну что же. Считаю вопрос закрытым. Вероника, вы можете начинать знакомить Маркуса с сотрудниками отдела маркетинга. А у меня, ребята, есть срочные дела, и я возвращаюсь к себе в кабинет. – Клайн снова выглядел и говорил, как жизнерадостный и веселый дед, и следа не осталось от той стальной решимости во взгляде и позе, что заставила сотрудницу беспрекословно подчиниться воле босса.

Клайн пошел к себе, а Ронни осталась стоять где была и лишь молча смотрела вслед начальнику. Маркус тоже не торопился прерывать молчание. Прошло не меньше минуты, прежде чем он открыл рот.

– Столько воды утекло, Ронни.

Она вскинула голову, как от удара.

– Не надо. – Она глубоко вздохнула. – Не называй меня так. Пожалуйста.

– Почему? – насмешливо поинтересовался он. Откуда эти просящие интонации в ее голосе? Если бы не печальный

опыт, он подумал бы, что имеет на нее влияние. Но она доказала обратное, когда исчезла и адреса не оставила. – Ведь так тебя зовут.

Он сам стал так ее называть, когда их отношения перешли в интимную стадию.

– Меня зовут Вероника. И никто, кроме тебя, не называл меня Ронни. Я не... Мне не нравится это имя.

«Что это она запинается?» – подумал Маркус. Но решил, что не будет придавать значение таким мелочам.

– Зато мне нравится. Оно тебе подходит, по крайней мере той женщине, которую я знал. – На самом деле продажной особе, которой она оказалась, скорее подошло бы имя Бенедикт, вернее, Бенедикт Арнольд.²

Она снова побледнела, и он почувствовал себя виноватым из-за того, что ее подзуживал. Но тут она прищурилась и сказала:

– Ты меня не знаешь. Меня настоящую. И никогда не знал.

На сей счет ему нечего было возразить. Конечно, она для него – тайна за семью печатями. Иначе он мог бы предугадать, на какое предательство способна эта женщина.

– Тебе, кажется, велели познакомить меня с персоналом? Мы могли бы углубиться в воспоминания о старых добрых временах позже.

² Бенедикт Арнольд (1741—1801) – американский генерал. В Войне за независимость одержал победу над английскими войсками при Саратогге, но затем перешел на сторону англичан, попытавшись сдать им Вест-Пойнт. Предатель.

Она схватилась за горло. В глазах ее стоял такой ужас, что Маркус всерьез за нее испугался. С каждой проведенной с ней секундой он все более утверждался в мысли, что она и есть та самая искомая шпионка. Она вела себя так, как только и может вести себя женщина, смертельно боящаяся быть пойманной с поличным. Хотя, возможно, ее пугало то, что прошлые грехи станут достоянием гласности.

Но может, она нашла тут, в «Клайн технолоджи», настоящую золотую жилу, продавая секреты фирмы конкурентам? И испугалась, что волшебный горшочек перестанет варить?

Маркус не знал ответа, но его затем и наняли, чтобы он отыскал разгадку, а в работе он был настоящим профессионалом.

Это было похоже на кошмар, из тех, когда все происходящее слишком реально, чтобы оказаться сном. Не может быть, чтобы Маркус объявился в «Клайн технолоджи» и смотрел на нее глазами, холодными как лед. В них не было и следа того чувства, которое когда-то она увидела в его взгляде.

Что за жестокая шутка providения заставила Джорджа Клайна нанять топ-менеджера «Си-ай-эс» в качестве консультанта по стратегии расширения компании? «Да, ври больше, – спорил с Вероникой внутренний голос. – Можно подумать, ты не хотела его снова увидеть. Или не тосковала по его ласкам с того самого дня, как уехала из Портленда».

Сколько раз со времени возвращения из Франции, садясь за руль, она боролась с искушением выехать на шоссе 1—5

и добрых четыре часа гнать на юг лишь ради того, чтобы его увидеть! Сколько раз представляла, как, спрятавшись за кустом у ограды жилого комплекса, в котором он жил, дожидается его появления! Лишь бы украдкой взглянуть на златовласого красавца, которого любила. И оставила.

Даже в самых смелых фантазиях она ни разу не мечтала заговорить с ним. Так далеко воображение ее не простиралось.

Она предала его, и он этого никогда не поймет и не простит. Если бы он ее любил, она могла бы все ему объяснить. Но она не верила в это. Иначе просто пришла бы к нему и попросила помочь решить ее проблемы. Но отношения их базировались только на физическом влечении, по крайней мере с его стороны. Он расставил все точки над *i* в самый первый раз, когда у них случился секс. Никаких оков. Никаких обязательств.

То, что она совершила, она сделала потому, что была связана обязательствами, о которых невозможно забыть. На ней лежала ответственность. Ее не скинешь с плеч, как надоевшую ношу. И она должна была исполнить свой долг, даже если цена тому – утрата любимого. Так оно и произошло. Она его потеряла.

Увидев Маркуса, Вероника подавила неуместную радость. Это труда не составило, если принять во внимание обстоятельства их встречи. Стоило ей на секунду встретиться с ним взглядом, как почти панический ужас объял ее. Страх,

что он может проинформировать руководство о ее прошлых «заслугах», овладел ею настолько, что она едва не лишилась чувств.

Вероника не могла позволить себе потерять эту работу. Ей нужны были деньги и социальные льготы, для того чтобы содержать семью. О которой Маркус и представления не имел. Он не хотел знать ничего о настоящей Веронике Ричардс, когда они были любовниками, и она сомневалась, что за восемнадцать месяцев что-то изменилось.

Сейчас наверняка он испытывал еще меньше желания ее узнать. Потому что теперь считал ее женщиной без чести, способной без зазрения совести переметнуться на сторону того, кто больше заплатит.

Вероника прижимала к груди папку с отчетом, прикрываясь ею, словно щитом.

– Пройдемте сюда, и я познакомлю вас с Джеком. Он директор по маркетингу. Он может показать вам отдел и познакомить вас с остальным персоналом.

Насмешка в глазах Маркуса обожгла ее, когда он, покачав головой, сказал:

– О нет, Ронни. Клайн тебе поручил быть моим поводырем и помощником, и я буду на этом настаивать.

Менее двух лет назад она обнаружила, что ее возбуждает, когда он стоит рядом. Когда он всеми своими шестью футами и двумя дюймами возвышается над ее пятью футами и четырьмя дюймами. Она солгала бы себе, если бы стала

утверждать, что сейчас не испытывала возбуждения, но панический страх в данном случае превалировал над прочими эмоциями. Что же он намерен делать?

Вероника отступила на два шага и пожала плечами с холодным безразличием. По крайней мере ей бы очень хотелось, чтобы ее жест можно было истолковать так со стороны.

– Я в курсе того, что мой босс велел мне показать вам отдел. Но полагаю, что, помня о нашем прошлом, вы бы предпочли иметь другой эскорт. Если это не так, я готова следовать указаниям мистера Клайна.

Маркус блеснул белозубой улыбкой на загорелом лице. Вероника знала, что загар его настоящий, а не из солярия. Он любил бывать на свежем воздухе, и хорошо прорисованные мускулы под яркой гавайской рубашкой говорили о том, что он по-прежнему ведет активный образ жизни. Кстати, насыщенного цвета гавайки были его фирменным стилем и способом самовыражения.

Он проследил за направлением ее взгляда и одарил ее хищной улыбкой.

– Ну, тогда пойдем познакомимся с Джеком. Вероника кивнула. Теперь она старалась смотреть в сторону – так было безопаснее, а то наткнешься взглядом на какую-нибудь волнующую часть его тела. Она давно отработала этот метод уходить от ненужного возбуждения – почти три года она провела невидимой тенью, беспомощно наблюдавшей за тем, как он крутит романы то с одной секс-бомбой, то с другой.

Она повернулась к Маркусу спиной и повела его к Джеку. Они застали его разговаривающим по телефону. Несмотря на то что Вероника тщательно следила, чтобы между ней и Маркусом сохранялась дистанция в несколько футов, Маркус сумел незаметно для нее сократить расстояние и сейчас был всего в каких-то дюймах от нее. Ее окутало благоухание его одеколона, и Вероника чуть не подскочила от нахлынувших воспоминаний, пробужденных запахом, в котором парфюму принадлежала лишь половина, а другая была – сам Маркус.

Этот аромат напомнил ей о той страсти, что они когда-то разделили друг с другом.

Она попыталась незаметно отодвинуться.

Бесполезно – он не отходил от нее ни на дюйм.

– В чем дело, Ронни? Я заставляю тебя нервничать?

Когда-то в «Си-ай-эс» он начал флиртовать с ней буквально с того же самого вопроса. Флирт перерос в нечто большее, и она обнаружила в себе чувственность, о которой даже не подозревала. В том, что человеком, пробудившим в ней женщину, оказался именно он, не было ничего удивительного. В конце концов, она любила его едва ли не с первого дня работы в «Си-ай-эс».

Ее удивило, что и он испытывал к ней сильное влечение, если не любовь. Он хотел ее, и, видит Бог, она не в силах была ему отказать.

Девственница в двадцать три, она целиком попала под его

очарование и отдала ему нечто большее, чем невинность. Она вручила ему свое сердце. Он, конечно, об этом не знал. Он полагал, что с ее стороны никаких нежных чувств нет, как их не было у него. Всем израненным сердцем она желала, чтобы дело именно так и обстояло. Тогда не так больно было бы его покидать.

Однако сейчас в его словах и намек на флирт не ощущалось. Что за игру в кошки-мышки он с ней затеял? Очевидно, Маркус считал, что немного помучить ее будет не грех. Она не питала никаких иллюзий на сей счет и была уверена, что своим уходом из «Си-ай-эс» ничуть не задела его личных к ней чувств. Он потерял всего лишь удобную партнершу – не слишком приятно, но и не смертельно; однако при этом пострадала репутация компании, а такое Маркус Данверс не простит.

Она не видела причин скрывать правду. Разумеется, он все уже знал.

– Да, ты заставляешь меня нервничать. В твоей власти разрушить мою жизнь, и тебе это известно. Я могу лишь догадываться, почему ты еще не рассказал все мистеру Клайну.

У Маркуса даже округлились глаза от такой честности. Он уже открыл было рот, чтобы ей ответить, но Джек повесил трубку и повернулся к ним лицом.

– Вероника, тебе нужна еще информация по отчету?

– Нет, Джек. Я хочу тебе кое-кого представить. – Она жестом указала на Маркуса. – Маркус Данверс из «Си-ай-эс».

Мистер Клайн нанял его в качестве консультанта по расширению бизнеса. Джек Брансон, – представила она начальника, глядя Маркусу в глаза. – Начальник отдела маркетинга.

Веснушчатая физиономия Джека расплылась в обворожительной улыбке. Он протянул гостю руку:

– Добрый день, Маркус. Рад с вами познакомиться. Маркус ответил на рукопожатие.

– Готов поспорить, у вас есть кое-какие мысли по поводу возможной стратегии расширения.

Джек с энтузиазмом кивнул рыжей головой:

– Тут и спорить нечего. У меня есть идеи. Мы могли бы обсудить их за ленчем где-то среди недели.

Маркус ответил неопределенно, но Вероника не сомневалась, что он найдет время пообедать с Джеком и выслушать его мысли. Начальник Вероники мог обольстить даже змеиный хвост, такой он был обаятельный. Надо было ей об этом подумать. Раз или два он и ее пытался завоевать своими чарами и даже приглашал на свидание. Увы, сердце Вероники застряло на старой колее. Вот уже почти два года ни с места. Она была влюблена в Маркуса. Очевидно, у нее вместо мозгов солома.

Кроме того, на ней была семья, что практически исключало возможность бегать на свидания. Особенно на такие, на которые она не очень-то стремилась.

Маркус и Джек поболтали еще немного, потом Джеку снова позвонили, и Вероника повела Маркуса по другим офис-

ным отсекам, знакомя со специалистами отдела маркетинга. На все представление ушло не меньше получаса. Маркус, общительный и дружелюбный, завоевал расположение почти всех работавших в отделе дам.

Вероника громадным усилием воли подавляла в себе ревность, вызванную его игривой манерой общения. Однако к тому моменту, как все перезнакомились, часы на стене уже показывали пять.

– Мне нужно закончить кое-какую работу, перед тем как поехать домой. Вероятно, мистер Клайн рассчитывает, что после знакомства с персоналом вы заглянете к нему в кабинет.

Маркус кивнул, и его волосы сверкнули золотом – игра света. Он так просто позволил себя отослать! Почувствовав облегчение, Вероника повернулась к двери, собираясь уходить. Но тут он протянул руку и схватил ее за плечо. Схватил – громко сказано, он едва дотронулся, но ей показалось, что ее пробило током.

– Поужинай со мной сегодня вечером.

– Зачем? – сдавленно проговорила она, еще не отойдя от последствий электрошока.

– Нам надо кое-что обсудить.

Она покачала головой. Он был прав, но она не хотела обсуждать с ним это сейчас. Она не могла.

– Нет.

– Да.

Она остановила на нем взгляд, в котором была странная смесь тоски и страха. От смятения у нее пропал голос.

– Что? – только и смогла выдавить из себя Вероника после целой минуты молчания.

– Что обсуждать? Одно маленькое дельце – твою роль в утечке корпоративных секретов «Си-ай-эс». Мелкий эпизод из твоего прошлого, о котором я пока не поведал Клайну.

Ответ прозвучал как прямая угроза. Тиски страха сжали ее. Она была в панике. Вся ее такими невероятными усилиями налаженная жизнь готова была рассыпаться прямо на глазах.

– Я не могу.

Он прищурился и отвел руку.

– Почему? У тебя свидание?

Она покачала головой. Если ее и ждала встреча, то с собственным маленьким сыном. Негодник плохо спал, так что свидание могло затянуться на всю ночь, которую она проведет с ним на руках.

– Позвони и отмени встречу.

– Не могу. – Материнство не отменишь одним звонком. Да разве она станет это ему объяснять? Маркус не признавал никаких обязательств, кроме тех, что накладывает на человека работа, а ей пришлось на собственном опыте узнать, что такое постоянно, и днем и ночью, и на работе и дома, отвечать за другого человека.

Она поняла, что означает стать главой семьи, еще тогда,

когда родители ее погибли – с лодкой случилась авария, оставив на ее попечении сестру-подростка.

– Разве у тебя есть выбор? Ты что, хочешь, чтобы я все рассказал о твоей шпионской деятельности Клайну?

Сердце ее мучительно сжалось.

– Ты собираешься это сделать?

– Это зависит от многих причин.

– Например?

– Например, от того, что ты скажешь мне за ужином. Он держал ее за горло и знал об этом.

– Встретимся в семь. – Она назвала небольшой ресторанчик, где подавали морепродукты, в западной части города. Придется попросить Дженни посидеть с Эроном. Оставалось надеяться, что она не нарушила планов сестры.

Глаза Маркуса победно блеснули. Как ей хотелось вмазать ему по физиономии и вмиг стереть с нее это самодовольное выражение! Он был на все сто уверен в том, что властен из нее вить веревки. Так же, как тогда, полтора года назад.

Чтобы стереть с его лица эту победную усмешку, ей всего-то и надо было сказать ему об Эроне.

Мистер Узник-обязательств вмиг бы в лице переменялся, узнав, что у него растет сын.

Глава 2

– Так что там за история случилась у вас с моей администраторшей из отдела маркетинга?

Маркус откинулся на спинку кожаного черного дивана. У Клайна был шикарный угловой кабинет.

Из огромных его окон на верхнем этаже высотки открывался ошеломляющий вид на Сиэтл, вдалеке катил свои серые воды океан. Маркус ответил не сразу. Несколько секунд он наслаждался пейзажем. Отличное знание техники пауз помогает завладеть инициативой в разговоре. Этому, как и многому другому, он научился у бывшего босса и теперешнего партнера по бизнесу Алекса Трахерна.

– Я говорил вам, что она работала у нас в «Си-ай-эс» два года назад.

Клайн усмехнулся немного жалостливо и чуть удивленно.

– Понятно. Вы на всех бывших сотрудников смотрите, как ревнивый любовник на предмет своих мучений?

О чем это Клайн, черт возьми, толкует?

Если Маркус и смотрел на Ронни с каким-то особенным выражением, то скорее с отвращением, чем с ревностью. Да и он был уверен, что лицо его вообще ничего не выражало. Клайн просто брякнул про них с Ронни наобум, посмотреть, как станет выпутываться приглашенный специалист. Но не на того напал.

– Возможно, и так, – сказал Маркус, безразлично пожав плечами.

– Почему она ушла из «Си-ай-эс»?

– Не знаю.

И это было правдой. Он понятия не имел, почему она продала компанию, в которой работала, Харрисону, и мог лишь предполагать, что заставило ее уехать из города, даже не попрощавшись.

Маркус не испытывал душевного дискомфорта от того, что не стал выкладывать Клайну все, о чем ему известно. Он не сказал ему о поступке Ронни ради его же, Клайна, блага. Еще в самом начале карьеры спеца по корпоративным расследованиям, когда «Си-ай-эс» только начала оказывать подобные услуги, Маркус крепко усвоил правило – не делиться с клиентами избыточными сведениями. То есть держать их на голодном информационном пайке до окончания расследования. Не зря говорят: «Не показывай дураку половину работы». Зачем давать карты в руки того, кто завтра всегда может начать игру против тебя?

Стратегия Маркуса состояла в том, чтобы сообщать клиенту минимум, пока он, Маркус, не будет знать все наверняка.

– У меня сложилось впечатление, что вы хотите за ней последить, и я подумал, что у вас с ней есть кое-какие счета.

Клайн оказался весьма проницательным человеком, даже слишком. Не всякий понял бы, что Маркус решил начать

расследование с Ронни.

– Вы правы.

– Работа с ней в паре создаст вам проблемы?

– Нет. – Для успеха дела ему нужно держаться к Ронни поближе.

– Как я понял, вы не хотите об этом говорить.

– Я не люблю обсуждать на работе свое прошлое, личную жизнь и собственные прогнозы относительно чемпионата США по бейсболу.

Клайн улыбнулся, оценив ненавязчивое чувство юмора собеседника.

– Ладно. Вы сегодня что-нибудь раскопали? Ничего, если не считать того очевидного факта, что на Клайна работает бывшая корпоративная шпионка.

– Я познакомился с персоналом отдела маркетинга. Ваш заместитель хочет со мной пообедать и за ленчем обсудить перспективы расширения.

– Джек – хваткий бизнесмен. Он всегда полон конструктивных идей и ратует за агрессивную политику завоевания рынков сбыта.

Маркус кивнул:

– Из чего следует, что он хороший маркетолог.

– Отличный. В нем есть то, что так нужно для успешной карьеры, – деловая хватка. И уйма обаяния. Этот парень даже Биллу Гейтсу способен продать новую операционную систему. – Клайн хитро усмехнулся. – Вероника, похоже, того

же мнения.

Маркус воздержался от вопросов по поводу последней реплики. Почти, да не совсем.

– Они встречаются? – спросил он как ни в чем не бывало.

Клайн пожал плечами:

– Не знаю. Мы не поощряем личных отношений между сотрудниками. Слишком велик риск оказаться втянутым в судебные разбирательства относительно сексуальных домогательств и все такое. Однако во внерабочие часы невозможно держать работников под контролем.

Тогда какого черта он сказал, что Ронни находит своего босса обаятельным?

Клайн продолжал, как будто не замечал того, как насупленно молчал его визави:

– Я видел их раза два в нашей кафетерии. Конечно, это ни о чем не говорит. Она работает в его отделе. Это могли быть деловые встречи. По крайней мере я так для себя решил.

А сейчас что он пытается ему сказать? Маркус не хотел глотать наживку, что так услужливо подсовывал ему Клайн. Нет, не станет он задавать тот вопрос, к которому подводил его хитрый клиент. Однако Маркус не мог не признать, что имеет дело с человеком, достойным во всех отношениях. И не обделенным своеобразным чувством юмора.

Маркусу припомнились те времена, когда он здорово досаждал Алексу, делая прозрачные намеки относительно его жены, еще до того как они поженились, и почти раскаялся.

Поймав себя на том, что думает совсем не о работе, Маркус мысленно как следует себя встряхнул. У них с Ронни все складывалось совсем не так, как у Алекса с Изабел. Ронни предала и его, Маркуса, и «Си-ай-эс». Совсем не то, что Изабел. Изабел любила Алекса.

Было время, когда Маркусу казалось, что Ронни тоже в него влюблена.

До сих пор подобные симптомы в женщинах, с которыми он встречался, становились сигналом к тому, что пора смаывать удочки, пока болезнь не приняла необратимый характер. И такие меры казались Маркусу вполне логичными и оправданными. Но тут, раздумывая над тем, не влюбилась ли в него Ронни всерьез, Маркус вдруг заметил в себе странную сентиментальность. Он представил их совместное будущее, и оно не выглядело таким уж пугающим. Скорее наоборот. Мысли о жизни вместе с ней все чаще приходили ему в голову, пока она весьма доходчиво не напомнила ему, что любовь не более чем иллюзия. Доверие оказалось явно не по адресу.

– Мистер Полюбил-и-бросил работает на «Клайн технолоджи»? – Дженни повысила голос до вибрирующих гневных нот. – Он хочет с тобой поужинать? Зачем? Ты рассказала ему об Эроне?

Она отнеслась к сообщению старшей сестры с недоверием и понятным раздражением, и Вероника, и так уже не знавшая, куда деваться от нахлынувших чувств, совершенно растерялась.

– Не он меня бросил, а я его. К тому же он никогда не говорил мне, что любит, – сухо напомнила она сестре.

Дженни презрительно фыркнула, и ее карие глаза скептически прищурились.

– Во всяком случае, недостаток нежных чувств не помешал ему сделать тебе ребенка.

Вероника скользнула взглядом по играющему на полу мальчугану. Не замечая того, что мать его расстроена, а тетя в ярости, большеголовый карапуз с наслаждением запихивал в рот пластиковую машину и гукал. Вероника подавила желание выхватить машинку из рук сына и дать ему вместо нее зубное кольцо. Педиатр заверил ее, что для десятимесячного ребенка вполне нормально познавать мир, засовывая в рот все подряд.

Вероника снова посмотрела на Дженни:

– Это мы знаем, что он сделал мне ребенка, но ему-то сие неизвестно.

И, если честно, Вероника совсем не рвалась развеять его неведение. Хотя бы в ближайшее время. Расставшись с Маркусом в пять, она рысцой побежала в свой отсек и попрятала в ящик фотографии Дженни и Эрона. Она успела и в машине навести порядок – убрала все детские игрушки и детское сиденье на случай, если Маркус заглянет в ее машину до или после ужина. Никаких улик он там не обнаружит.

Дженни провела рукой по непослушным каштановым кудряшкам.

– Тогда почему бы тебе ему не сказать? – устало спросила она. – Ты так много работаешь, чтобы содержать Эрона, а он даже минимальных алиментов тебе не платит. Это несправедливо.

– Маркус не виноват в том, что я забеременела. – Это она, Вероника, забыла вовремя принять таблетку.

Ей до сих пор не верилось, что ее забывчивость – всего один раз она упустила это – так сильно повлияла на всю ее дальнейшую жизнь.

Вероника обошла кухонную стойку и оказалась в жилой комнате. Опустившись на ковер, она усадила сына на колени, крепко прижала его к себе. Младенческий запах ударил в ноздри, и невообразимое чувство обожания переполнило ее.

Пусть отцу этого малыша не суждено быть с ней рядом, но зато у нее всегда будет частица Маркуса, и в этом ее счастье. Как можно не радоваться тому, что у тебя растет ребенок от любимого мужчины? Пусть ее жалеют другие, она же никогда не раскается в том, что родила сына.

Дженни возилась на кухне и громко гремела посудой.

– Ты говоришь, будто он тут вовсе ни при чем. В мировой истории известен только один случай непорочного зачатия, и Эрон не имеет к нему отношения. Этот ребенок родился из мужской спермы, у которой есть донор.

У Дженни был на всю эту ситуацию свой взгляд, и взгляд выстрадавший. Замешенный на чувстве вины, что никогда до конца Веронику не покидало.

Она не могла признаться сестре, что главной причиной, по которой она не могла рассказать Маркусу о ребенке, был страх, что Эрона могут у нее забрать. Она была убеждена, что Маркус способен на такое. У него хватит и жестокости, и цинизма, чтобы лишить ее единственного смысла существования. Допустим, она расскажет ему о сыне. А дальше? Как отнесется Маркус к тому, что его ребенка будет воспитывать женщина, запятнавшая себя предательством компании, в которой работала? Сочтет ли ее Маркус способной стать хорошей матерью его сыну или сделает все, чтобы лишить ее родительских прав?

Дженни не знала, какую цену пришлось заплатить Веронике зато, чтобы дать ей возможность лечиться за границей.

И Вероника никогда ей об этом не скажет.

Эту ночь ей суждено нести одной всю оставшуюся жизнь. Дженни была, как все в ее возрасте, максималисткой. Она делила жизнь на черное и белое и отлично знала, что хорошо и что плохо. До определенных событий и сама Вероника считала себя принципиальной и порядочной и думала, что никогда не сможет поступиться принципами. Страшно вообразить, какой чудовищный разлад случился бы в душе у малышки Дженни, узнай она о том, что ее сестра пошла на преступление против собственной совести, дабы дать Дженни шанс выжить.

Вероника и сама не раз возвращалась мысленно к тому времени, спрашивая себя, не было ли иного выхода из ситу-

ации, но ни тогда, ни теперь она его не видела.

Ей не на кого было положиться, кроме как на себя, с того самого дня, как в двадцать лет она потеряла родителей. То, что у нее появился любовник, ничего не изменило. Маркус сразу дал понять, что на него она может не рассчитывать.

Никаких уз.

Никаких обещаний.

Никаких сестер, умирающих от лейкоза крови, от которого не было лекарств, одобренных Эф-ди-эй³ и допущенных к применению в США.

Вероника смотрела на сестру, поглаживая шелковистую белокурую головку Эрона, и чувство вины уходило, уступая место глубокому удовлетворению.

Лечение оказалось успешным.

Болезнь Дженни отступила, и прежняя живость возвращалась к сестре. В шестнадцать Дженни была так слаба и бледна, что кожа ее походила на серую папиросную бумагу. В семнадцать с половиной она была уже почти той же жизне-радостной и взбалмошной девчушкой, с которой Вероника вместе росла и которую стала растить сама. Настолько взбалмошной и колючей, что у нее хватало духу спорить с Вероникой о том, стоит ли говорить Маркусу Данверсу о его сыне.

– Он сказал мне, что не хочет брать на себя никаких обя-

³ FDA – Food and Drug Administration – правительственный орган в США, выдающий сертификат на легитимность применения того или иного лекарства, пищевой добавки и т. д., вплоть до продуктов питания и напитков. Весьма влиятельная организация.

зательств. Он никогда мне не лгал. – Вероника не верила в то, что ее аргументы могут остановить тираду младшей сестры, но она должна была попытаться.

Дженни аргументы сестры не убедили. Глаза младшей горели гневом.

– Ему тридцать лет. Он должен был к этому возрасту усвоить, что такое ответственность. – Дженни замолчала, и выражение ее лица изменилось – сделалось задумчивым и печальным. – Тебе не приходило в голову, что он имеет право знать о своем сыне? Из того, что ему не хочется иметь жену, не следует, что он готов отвернуться от собственного ребенка.

Еще как приходило. При одной мысли о том, что она, возможно, лишает Маркуса радостей отцовства, тех глубоких взаимных чувств, что могут быть у отца с сыном, она ощутила, как сердце сжимается от боли.

– Очень мудрое наблюдение для подростка, – сказала, не удержавшись, Вероника.

Дженни, прислонившись к кухонной стойке, пристально смотрела на сестру.

Вероника встретила взгляд сестры с пониманием. Она знала, как и сама Дженни, откуда у девочки такое не по возрасту серьезное отношение к жизни. За эту мудрость обе заплатили высокую цену. Но говорить об этом не надо – они понимали друг друга без слов.

В тринадцать лет Дженни стала круглой сиротой, а еще че-

рез год врачи диагностировали у нее неизлечимое заболевание крови. Свой шестнадцатый день рождения она встретила на больничной койке, с проводами по всему телу, подключенными к зловещего вида аппаратуре, и пониманием того, что на этой койке может закончиться ее жизнь.

Именно в этот день Вероника утвердилась в решении предложить мистеру Харрисону информацию о недружественном слиянии, угрожавшем его компании. О слиянии, в котором ее, Вероники, компании – «Си-ай-эс» – предстояло сыграть ключевую роль.

Она пыталась оправдать себя тем, что Алекс Трахерн, владелец «Си-ай-эс», не имел морального права жертвовать благополучием сотен своих служащих ради личной мести. Он в общем-то согласился с ней, когда она позвонила ему из Франции, чтобы извиниться за то, что прощению не подлежит.

Но он обещал не преследовать ее через суд.

Однако все это очень дурно пахло, и, получив отпущение грехов от Алекса, Вероника продолжала чувствовать себя виноватой.

У нее не хватило духу спросить о том, как воспринял ее поступок Маркус, и она никогда больше в «Си-ай-эс» не звонила.

Зная, что судебное преследование ей не грозит, Вероника смогла вернуться в родные места, на северо-запад США, когда французские доктора констатировали, что Дженни вы-

здоровела.

В Портленд они с Дженни и Эроном возвращаться не стали. Она не могла настолько злоупотреблять благосклонностью Алекса. Сиэтл казался лучшей альтернативой. Только теперь выяснилось, что и Сиэтл недостаточно удален от Портленда, а Маркус далеко не так снисходителен к ней, как Алекс.

То ледяное презрение, что увидела она сегодня в глазах Маркуса, камнем легло у нее на сердце. Вся жизнь ее висела теперь на волоске, и у нее было тоскливое предчувствие, что он так и норовит порвать этот тонкий волосок.

Маркус оставил черный «ягуар» перед рестораном, в котором предложила встретиться Ронни. Он обвел взглядом стоянку в поисках машины, на которой она могла приехать, и вдруг понял, что делает это зря. Он не знал, ездит ли она все еще на той десятилетней «вольво», что была у нее в бытность работы в Портленде. С чего бы ей ездить все на той же старушке? С теми деньгами, что отвалил ей Джон Харрисон, она вполне могла купить себе тачку, более подходящую для новой, обеспеченной, жизни.

Итак, почему она работает администратором в «Клайн технолоджи»? Неужели у нее так быстро кончились деньги? И где она провела последние полтора года? Клайн сказал, что она начала работать в компании шесть месяцев назад. Целый год ее жизни был покрыт для него мраком.

Может, она вошла во вкус, стала профессионалкой в об-

ласти шпионажа и переходит из одной ни о чем не подозревающей компании в другую, ворюя корпоративные секреты и превращая их в наличные?

Такой сценарий не слишком вязался с той женщиной, которую он знал, но и ее предательство тоже выбивалось из образа. Маркус выругался сквозь зубы, что бывало с ним лишь в минуты сильнейших разочарований.

Он работал с Ронни три года, до того как они стали любовниками. Все это время она казалась безупречно честной и почти фанатично преданной делу. Он готов был поставить на карту собственную жизнь, если бы кому-то вздумалось это оспаривать.

Но, напомнил себе Маркус, если бы такой спор состоялся, он бы уже не жил на этом свете.

Оказалось, что эта ее врожденная цельность была лишь притворством. Кто знает, сколько еще сведений она успела продать, до того как ей подвалила эта крупная рыба – сделка с Харрисоном?

Выбравшись из машины, Маркус заметил, что на стоянку подъехала синяя малолитражка. Устаревшая модель, из тех, что слывет надежной при очевидной дешевизне. Он узнал водителя не сразу, а лишь через несколько секунд. Какого черта она сидит за рулем этой жестянки? Эта машина была даже старше той, «вольво».

Она припарковала автомобиль рядом с его «ягуаром» и вышла.

Вероника переоделась – теперь на ней были облегающие песочные джинсы и свободная блуза цвета карамели. Она заперла машину, повернулась, и волосы ее вспорхнули, хлестнув ее по бледным щекам. Руки у него так и тянулись пригладить шелковистые пряди.

Маркус сдержал порыв, строго напомнив себе, что явился сюда по делу.

– Только не говори мне, что у тебя уже кончились все деньги, что ты получила от Харрисона.

Она вскинула голову. Зрачки ее потемнели, выдавая смущение.

– Простите?

– Может, Харрисон и знает счет деньгам, но я никогда не поверю, что тех денег, что он тебе заплатил, не хватило на то, чтобы сменить «вольво» на что-то более приличное. – Он сопроводил эти слова резким и явно пренебрежительным движением кисти в сторону ее машины.

Она словно надела маску.

– Меня устраивает моя машина. Она надежная.

– То же можно сказать и о «мерседесе». Так почему у тебя не «мерседес»?

Он увидел, как напряглись ее плечи, но отвечать она не стала.

– Ты готов идти ужинать? – спросила она.

Она решила, что может игнорировать его вопросы? Размечталась!

Маркус стремительно выпростал руку и схватил ее за предплечье:

– Скажи мне, почему ты едешь на этой колымаге, моя сладкая?

Ласковое словцо само сорвалось с языка, и он был готов прикусить язык. Она больше не была «его сладкой».

Она не была ему даже другом.

Ронни со свистом втянула в себя воздух и побледнела.

Видит Бог, его тошнило от того, как она реагирует на его слова и прикосновения, – словно подраненная голубка. Можно подумать, это он ее обидел и бросил, а не наоборот. Но он-то знал, как все обстояло на самом деле, и на эти уловки не покупался.

– Ответь мне, – потребовал он.

– У меня не было выбора. Мне повезло: я сумела купить надежную машину за те деньги, что могла потратить. – Она говорила запальчиво, словно он обидел ее.

Он пытался понять, что творится у нее внутри, по выражению ее лица, но она вся ушла в себя, словно улитка в раковину.

– Что ты сделала с деньгами? Проигралась в прах?

Маркус иронизировал. Он знал, что Ронни была равнодушна к азартным играм. Он понял это, как-то раз вытащив ее в казино. Он почувствовал себя круглым дураком, когда она кивнула:

– Да, можно сказать, что я поставила деньги на кон.

– И проиграла. – Он не нуждался в том, чтобы она подтвердила его предположение. Ее нынешнее транспортное средство явно указывало на ее невезучесть.

Может, поэтому она снова взялась за продажу секретов? Ей нужны деньги на очередную ставку? Она отстранилась.

– Это как посмотреть. Я бы предпочла не вести такой разговор на стоянке. Мы можем пройти внутрь?

Ее нежный голос был подобен морскому ветерку, ласкающему кожу в раскаленной пустыне. Видит Бог, ему ее не хватало. Он соскучился по ней.

Ничего ошеломляющего в этом не было – с учетом того, что уже полтора года он обходился без женщины.

Маркус хотел верить, что он просто не в лучшей форме. Каждый нормальный мужчина реагирует на симпатичную женщину при долгом воздержании примерно так же. Но тело его буквально кричало: «Не так просто!» Перед ним стояла та, которая его предала, и всем своим видом показывала, что это он ее обидел. Маркус чувствовал себя последним дураком.

Он отступил и, повернувшись к ней спиной, зашагал к дверям ресторана.

– Да, давай поедим, – бросил он через плечо. – У меня есть к тебе вопросы, которые волнуют меня куда больше, чем то, как ты распорядилась своей поживой.

Например, почему она его бросила. Но когда они сели за столик, первым вопрос задал не он.

Ронни положила меню на стол и спросила:

– Почему ты не сказал Клайну о том, что произошло в «Си-ай-эс»?

Чертовски хороший вопрос. Маркус сам его себе задавал. И ответил, что ничего не сообщил Клайну, так как не хотел, чтобы тот делал скоропалительные выводы. Короче, не желая внушать клиенту ложное чувство успокоения.

– Скажем так, я решил вначале поговорить с тобой. За черными дужками очков серые глаза ее вспыхнули осторожной надеждой.

Хорошо. Задача его упростится, если она будет ему доверять. Она, должно быть, уже в какой-то степени полагается на него, если питает надежду на пощаду. Или она считает, что может каким-то образом повлиять на него так, чтобы он молчал о ее прошлом? Как бы то ни было, он постарается не обмануть ее надежд, и то, радичего его пригласили на «Клайн технолоджи», разрешится быстро и споро.

– О чем ты хотел поговорить?

Она чуть заикалась, и Маркус пристально посмотрел на нее. Раньше за Ронни этого никогда не водилось.

– Я хотел спросить тебя, почему ты сделала такое, но теперь понял, что это не важно.

Она вздрогнула и убрала руки со стола.

– Не важно?

– Я и сам могу все выяснить. Без тебя.

– Можешь? – Судя по ее виду, она не слишком в это ве-

рила.

Маркус почувствовал раздражение. Ее мотивы были более чем очевидны.

– Это же элементарно. Ты совершила это ради денег, хотя они тебе счастья не принесли.

– Ты ошибаешься, Маркус. Они принесли мне очень много счастья.

– Тебе понравилось прожигать жизнь? Отрываться на всю катушку? Жаль, что деньги так быстро кончились. – Нельзя сказать, чтобы она не готовила почву к тому, чтобы вскоре к ней потек новый денежный ручеек.

Маркус спохватился, когда было уже поздно. Какого черта он ее дразнит? Если он пришел сюда затем, чтобы получить ответы на свои вопросы, то вести себя надо совсем не так. Говорить с ней ласково, как с близким человеком. Добившись от нее доверия, он сможет ее раскрутить. Ведь он этого хотел? Или нет? Своими нападками он только выведет ее из себя и ничего не добьется. А она уже разозлилась.

Глаза ее были как два смерча.

– Тебе ничего обо мне не известно, но меня это не удивляет. Ты ведь никогда не хотел по-настоящему меня узнать.

Значит, снова за старое? Его удивила горечь в ее голосе. Откуда это убеждение, что она для него темная лошадка?

– Ты ошибаешься. Я очень хорошо тебя знаю.

Он медленно скользнул взглядом по ее телу и с удовлетворением отметил, что она покраснела.

Она зло посмотрела на него, лицо ее свело от напряжения.

– Я не это имела в виду. Ты многое узнал о моем теле, но ничего – о моем сердце.

Она покраснела, произнеся слово «тело», напомнив ему о том, что, когда они повстречались, она была девственницей. В свои двадцать три года. Запоздалое начало. Но зато сколько возможностей быстро наверстать упущенное! Так сколько мужчин успели познать ее, с тех пор как они расстались? Сколько их бродит по свету, изведавших ту странность, что таится под безмятежно холодной наружностью? Все эти вопросы терзали его, разъедали мозг, словно ржавчина. Все оказалось куда труднее, чем он себе представлял.

– В чем дело, Ронни? Ты полагаешь, мне следует глубже заглянуть в твое маленькое ледяное сердечко, чтобы вытащить на свет то, что ты там прячешь? Ты думаешь, твоя жадность к деньгам и любовь к красивой жизни, которую можно купить, стоит того, чтобы их извлекать на свет? Что еще я должен узнать о твоём сердце?

Она отодвинула стул и встала.

– Ты ублюдок. У меня были причины, чтобы поступить так, и тебе никогда меня не понять – хоть тысячу лет проживи. Ты со своей незамысловатой моралью – ни уз, ни обязательств – все равно не доберешься до сути. И мне надоело смиренно сидеть и слушать, как ты меня полосуешь своим поганым языком. Мне такие игры не по вкусу.

Она повернулась на каблуках и вышла из ресторана. Офи-

циант, который уже было направился к ним, исчез за дверями кухни.

Маркус, оглушенный, молча просидел за столиком несколько секунд. Он знал Веронику Ричардс три с половиной года, до того как она исчезла из его жизни, и ни разу еще он не слышал от нее бранного слова, не видел, чтобы она, как сейчас, вышла из себя.

Что-то тут было не так. И он вознамерился выяснить, что именно.

Глава 3

Рука Вероники дрожала, когда она попыталась вставить ключ в замок машины. Черт! Что это на нее нашло? Ей всего-то надо было узнать, собирается ли Маркус поведать Клайну о ее прошлом. Но она вышла из себя и выскочила из ресторана, уж не говоря о том, что обозвала Маркуса ублюдком. Едва ли это расположит его к ней. Впрочем, она с самого начала не верила, что он способен на снисхождение.

Свежий весенний ветерок трепал волосы и охлаждал тело под тонкой блузкой. Вероника поежилась, пытаясь повернуть ключ в замке.

Она не обязана давать Маркусу объяснения. Да, она предала его, но не ради него самого, а просто так вышло. Если кто и пострадал от ее сделки с Харрисоном, то это Алекс, а не он, Маркус. И Алекс ее простил. Но Маркус был выше этого.

Ключ ни за что не хотел поворачиваться. Замок снова заело. Она собиралась отдать машину в ремонт, но не могла позволить себе лишние расходы. Не сейчас, когдау Дженни вот-вот начнутся занятия в колледже, а Эрон вырастал из одежды быстрее, чем Вероника успевала накопить на новую.

Проклиная упрямый замок, Вероника вытащила ключ и пошла открывать машину со стороны пассажирского места.

– Только не говори мне, что у тебя замок не работает. Нет, только не это. Что ему в ресторане не сидится? Впих-

нув ключ в замок, Вероника яростно повернула его и была вознаграждена мягким щелчком – дверь открылась. Не обращая внимания на Маркуса, стремительно приближавшегося к машине, она распахнула дверь и не слишком элегантно перелезла через ручку переключения передач на место водителя. Она уже успела вставить ключ в зажигание, когда дверь со стороны пассажирского места распахнулась и все шесть футов и два дюйма неотразимой мужской плоти, компактно сложившись, дабы уместиться в ее малолитражке, оказались на сиденье рядом с ней.

Она повернулась к нему лицом и сердито на него посмотрела:

– Убирайся вон из моей машины!

– Мы не поговорили.

Она засмеялась. Этот звук неприятно резал даже ее собственные уши.

– Мы обо всем договорились еще полтора года назад.

Проклятие! Почему она не может вести себя сдержанно? Зачем дает эмоциям взять верх над разумом? Это так на нее не похоже. Да, но Маркус всегда имел на нее особое влияние. Он один мог вызвать в ней самый неожиданный и искрометный отклик.

– Ты меня бросила. Полагаю, ты поступила так, как считала нужным. Я лишь прошу меня извинить за то, что видел наши отношения в несколько иной перспективе.

Кажется, ситуация его забавляла, и это бесило ее все силь-

нее.

И причиняло боль.

Он видел в их разрыве повод для шуток. А ее сердце все еще кровоточило. Ей пришлось оставить того единственно-го мужчину, которому она отдала свое тело и кому открыла сердце.

– Убирайся из моей машины!

И это про нее говорили, что ее ничем не прошибешь?

Он не отреагировал на ее гневные интонации, как и на почти истошный крик.

Губы его сложились в усмешку. Какой у него все же, черт возьми, сексуальный рот! Она помнила, как эти губы шептали ей на ухо непричесанные слова о том, как он ее хочет.

– Я все еще голоден, и ты обещала мне ужин.

Ей хотелось визжать, но она понимала, что стоит начать – и остановиться она уже не сможет. Она балансировала на грани между вменяемостью и безумием и знала, что чем дальше, тем ближе к опасной черте.

Восемнадцать месяцев назад она сделала то, чего не могла избежать. Но этот поступок надорвал ее сердце и нанес непоправимый урон чувству собственного достоинства.

Вероника держалась – она вела себя мужественно, когда Дженни стояла на пороге смерти. Она была сильной и тогда, когда сестра ее преодолевала мучительное побочное действие лечения. Вероника смогла пережить беременность, с постоянной тошнотой по утрам всю первую половину и

непрекращающейся тяжестью внизу живота последние три месяца. Она думала, что все это ей не по силам, но выстояла.

Она не могла выдержать того, что ее страдания его забавляют. Если он не хочет выходить из машины, что ж, это делает она.

Вытащить замок изнутри со стороны водительского места труда не составило. Выйдя из машины, она пошла куда глаза глядят. Главное – уйти как можно дальше, прочь от его насмешливых глаз.

Он был отцом ее сына, которого она обожала, и отец ее ребенка ненавидел ее до боли в печенках. Возможно, она и заслуживала такого к себе отношения, но ей от этого было не легче.

Она уже была на грани срыва. Ей казалось, что она держится молодцом – опора для сестры и для сына. Они ее воспринимали так же. Она и сама не подозревала, что внутри уже раскололась на маленькие кусочки, а теперя и оболочка дала трещину, и содержимое – мелкие осколки, что когда-то были монолитным целым, – готово вывалиться наружу.

Она не хотела, чтобы Маркус видел, как это произойдет, предчувствуя, что он лишь поднимет ее на смех. Ясное дело, он считал, что, какая бы беда на нее ни свалилась, ей поделом. Он, вероятно, получит удовольствие от созерцания того, как она перед ним развалится на части.

Ублюдок!

Она не заметила трещины на асфальте, но почувствовала

ее – за мгновение до того, как упасть. Она попыталась самортизировать удар, выставив вперед ладони, но это не помогло. И она, ободрав локти, повалилась на тротуар плашмя, лицом вниз.

Вдруг стало трудно дышать. Она лежала на земле, онемев от боли.

Она и сейчас видела тротуар не лучше, чем когда шла по нему. Уже начало темнеть. А глаза заволокло плотным туманом слез. Она тряхнула головой – прогнать предательскую влагу. Она терпеть не могла плакать. Слезами горю не поможешь.

Слезы не вернули ей отца и мать.

Ни на йоту не помогли в том, чтобы добыть для Дженни адекватное лечение.

И ничуть не убавили горечь от потери Маркуса.

От слез ни на каплю не уменьшился страх – сына она рожала в той же больнице, в которой лежала ее все еще тяжелобольная сестра.

И сейчас от них никакого толку, но, видит Бог, она не в силах их сдержать. Ком рос в горле и прорвался рыданиями, прежде чем она сумела запихнуть его обратно в глотку.

Она должна взять себя в руки. Прекратить плакать. Эти слова рефреном звучали у нее в голове, пока она, словно парализованная, лежала на твердом бетоне.

– Ронни, что с тобой? Да скажи мне что-нибудь, черт возьми!

Она не так сильно разбилась, но плакала и встать не хватало ни воли, ни желания.

Может, она сломала себе что-нибудь? Что это на него нашло в ресторане? Он и сам не понимал. Он хотел поговорить с ней, выяснить по мере возможности, не продает ли она корпоративные секреты снова, а вместо этого стал предъявлять ей обвинения.

Она завелась с пол-оборота, чего он никак не ожидал. Ни ее реакция, ни его обвинения не помогли ему решить ту задачу, что он перед собой ставил. Маркус ругался про себя, пытаясь в сумерках разглядеть признаки травмы.

Блузка задралась, открыв его взгляду обольстительный изгиб затянутого в джинсы зада.

– Скажи что-нибудь, Ронни.

Она молча попыталась приподняться. Маркус мягко, но настойчиво опустил руку на ее плечо, не давая ей двигаться.

– Не торопись, детка. Ты могла серьезно ушибиться. Она покачала головой и сделала попытку встать, преодолевая сопротивление его рук.

Он был непреклонен.

– Ты не должна рисковать. Не двигайся.

Едва уловимый аромат – ее запах – щекотал ему ноздри, рождая желание обнять ее, провести ладонями по гладкой шелковистой коже.

Она вдохнула ртом и несколько раз выдохнула. С каждым выдохом дрожь – единственное видимое проявление ее ры-

даний – уменьшалась.

– Я в порядке. Дай мне подняться.

Голос ее все еще звучал хрипло, но слез больше не было.

Маркус почувствовал облегчение. Он не знал, как быть с ее слезами. Он не привык видеть ее плачущей. Слезы никак не вязались с ее обычным обликом – непоколебимого спокойствия, и они привели его в замешательство. Маркус не должен был так эмоционально реагировать на очевидные проявления того, что ей сейчас плохо, но ничего поделать с собой не мог. Может, она и сама виновата – страдает потому, что такова цена бесчестного поступка, и все равно ей не стоит так казниться.

Поскольку она пыталась подняться, несмотря на то что он давил ей на плечи, Маркус решил ей помочь – приподнял ее и усадил к себе на колено.

В сгущающихся сумерках он не мог разглядеть выражение ее лица, но видел, что она отворачивается.

– Пусти меня, – сказала Вероника.

Он покачал головой и сильнее нажал ей на плечи, не желая отпускать.

– Ты, возможно, нуждаешься в медицинской помощи.

Она засмеялась, и это прозвучало еще горше, чем тогда, в машине. Ронни и раньше смеялась не часто, но искренне. А теперь от ее горестного смеха он поморщился.

– Как трогательно. К несчастью, мы оба знаем, что за этой твоей заботой ничего не стоит. Я упала на тротуар лишь по-

тому, что не смотрела себе под ноги. Колени у меня наверняка ободраны и ладони горят, словно от ожога, но врач мне не нужен. Мне просто надо домой.

Она окончательно взяла себя в руки. Теперь не было следа ни слез, ни отчаяния. Маркус вдруг подумал, что где-то она должна была научиться так быстро и эффективно брать под контроль собственные эмоции. Раньше он воспринимал это ее умение как данность, считая, что она от природы холодна, но, проведя с ней в постели не один час, понял, что это не так. Даже предательство не смогло стереть у него из памяти ее в минуты страсти.

– Я тебя подвезу.

Она вновь попыталась отстраниться, и на сей раз он не стал ее удерживать.

Вероника встала и отряхнула джинсы.

– В этом нет необходимости.

Он не мог позволить ей сесть за руль в таком состоянии. Пусть она и умела брать себя в руки за считанные минуты, но он-то знал, что внутри ее всю трясет.

– Нет, я тебя довезу.

Она скрестила руки под грудью и пошла от него прочь. Даже после всего того, что произошло, он возбуждался от одного ее вида – от этих рук, приподнявших грудь, отчего та казалась больше и круглее.

Он сжал кулаки, чтобы не поддаваться искушению и не при-
тронуться к ней.

– Я не сяду с тобой в машину.

– Почему?

– Ты еще спрашиваешь? – Она задала этот вопрос таким тоном и сопроводила его столь выразительным взглядом: даже дурак бы догадался, что он не заслуживает доверия.

– Да, спрашиваю, – пробурчал он.

Маркус не давал ей никаких оснований думать, будто с ним ей будет небезопасно. Не он же ее толкнул, черт возьми! Она сама упала.

– Я не собираюсь еще и в машине выслушивать твои оскорбления. Я уже поняла, что ты меня ненавидишь. Разве этого мало? – Голос ее был еще слегка хриловатым от волнения, и это оказалось так не похоже на его прежнюю маленькую Ронни, что он прищурился, пытаясь в надвигающейся темноте разглядеть ее глаза.

Ненавидел ли он ее? Ему было бы бесконечно проще сейчас, если бы он действительно ее терпеть не мог, но его тело все еще слишком сильно реагировало на ее присутствие. Он презирал ее за предательство, за бесчестный поступок, был уязвлен тем, что она его бросила, но ненависти в нем не было.

– Я тебя не ненавижу.

– Не лги мне. В этом нет смысла. Я не знаю, почему ты не сказал Клайну о том, что случилось в «Си-ай-эс», но я все равно тебе благодарна. Если бы я могла как-то возместить ущерб от своего поступка, я бы это сделала.

Ему очень хотелось ей поверить. Но зачем снова наступать на те же грабли? Приняв за чистую монету ее слова, он попадет в ловушку. Нет, черт возьми! Не на того напала. Однако Маркус не стал показывать свой скептицизм. Надо вести себя так, чтобы завоевать ее доверие. Только так он сможет завершить расследование в кратчайший срок.

Кроме того, он не лгал. Возможно, если бы он мог ее возненавидеть и перестать воспринимать как часть себя, он давно положил бы конец затянувшемуся воздержанию. Он презирал ее и хотел одновременно. Какой же он дурак! Его осенило внезапно – он должен освободиться от наваждения. Изгнать бесов – избавиться от неотступно преследовавшего его желания.

Он еще не знал как, но пока он будет проводить свое расследование, он должен найти способ перестать ее хотеть.

Он направился к стоянке машин перед рестораном.

– Пошли.

Она последовала за ним – молчаливая тень в весенней ночи.

Он остановился возле ее машины.

– Нам все еще надо поговорить. Она удивила его, кивнув в ответ.

– Но не сейчас.

– Я тебе позвоню.

– У тебя нет номера моего телефона.

– Так дай его мне.

Она прикусила губу, а затем сказала:

– Мы увидимся на работе в понедельник. Тогда и поговорим. – Она не хотела, чтобы он ей звонил.

– Твой бойфренд будет против?

Он почувствовал облегчение и досаду на себя за это чувство, когда она сказала, что у нее нет бойфренда. Но она все же не хотела, чтобы он ей звонил. Собственно, этот факт его не удивил. У нее были все основания его остерегаться. Она даже не знала, насколько он для нее опасен.

– Мы завтра поговорим. Дай мне свой номер.

Она не ответила, но вытащила из сумочки блокнот и ручку. Быстро нацарапав что-то в нем, она аккуратно оторвала листок и протянула ему:

– Вот.

Он взял его из ее пальцев.

– Завтра.

– Хорошо.

Он дождался, пока она заберется в машину. А затем стоял и смотрел, как она повернула ключ в замке зажигания и тронулась со стоянки. Лишь после этого он с помощью пульта открыл дверь «ягуара».

Чувство радостного нетерпения, которое он в себе отнюдь не приветствовал, охватило его и не отпускало всю дорогу, пока он ехал в снятую для него Клайном квартиру.

Крохотные пальчики на ногах Эрона восторженно сжимались. Ему нравилось купаться.

Вероника улыбалась. Она обожала сына и любила его купать. Смочив мягкую губку гелем для младенцев, она осторожно натирала ею детское тельце. Он весь стал скользкий, как мокрый тюлень, и ее рука, державшая малыша за предплечье, соскользнула. Он заурчал от восторга, погрузившись по шею в теплую воду.

Воспользовавшись моментом, она ополоснула малыша и была вознаграждена радостным плеском – вся ее футболка покрылась мелкими мыльными брызгами. Эрон весело фыркал.

– Ах ты, маленький негодник! Хочешь маму всю намочить?

Эрон бил по воде крохотными кулачками, расплескивая воду по ванной – большая часть попадала на Веронику.

– Мама.

Дженни зашла в ванную:

– Тебе звонят.

Вероника наклонилась и вытащила Эрона из ванночки. Завернув его в мягкое канареечного цвета полотенце, она спросила:

– Кто?

Внутри у нее образовалась неприятная пустота. Она и так могла догадаться, кто ей звонит.

– Я думаю, это Маркус. Он захотел знать, кто я такая.

Нежные младенческие ладошки шлепали Веронику по лицу. Она улыбнулась, несмотря на дурное предчувствие. Как

это похоже на Маркуса! Он полагает, что имеет право задавать такие вопросы. И требовать ответа.

– И ты ему сказала?

– А почему ты спрашиваешь? Ты и меня тоже собираешься от него прятать?

Вероника вскинула голову, как от пощечины. В голосе сестры слышались осуждающие нотки.

– Нет. Ты просто ни разу раньше не подходила к телефону. Маркуса не интересовала моя жизнь за пределами «Си-ай-эс» и наших с ним отношений.

Веронике нелегко далось признание сестре в том, что она позволила втянуть себя в ни к чему не обязывающие сексуальные отношения, в интрижку, одним словом. Она, возможно, так ничего и не сказала бы Дженни о связи с Маркусом, если бы не беременность. Но тут уж деваться было некуда.

Вероника не стала ничего приукрашивать. Правда, и только правда. Может, узнав о том, как это бывает, во всех горьких деталях, Дженни постарается избежать подобной ловушки – опыт старшей сестры окажется ей полезен.

Ореховые глаза Дженни сверкнули, и на щеках выступила краска.

– Я сказала ему: кто я такая – не его дело. Мне не нравится, когда меня допрашивает тот, кого я ни разу не видела.

Нагнувшись над ванной вытащить пробку, при этом прижимая Эрона к бедру, чтобы не уронить, Вероника спросила сестру:

– Ты ему и об этом сказала?

Дженни растерянно заморгала.

– Да, что-то вроде того.

Вероника могла представить себе, как отреагировал Маркус. Она засмеялась и порывисто обняла сестренку.

– Дженнифер Ричардс, ты у меня просто чудо! Дженни вернула объятия и чмокнула в щеку племянника.

– Мне нравится, когда ты смеешься, Вероника. Раньше тебе рассмешить ничего не стоило. Тебе палец покажи, и ты готова прыснуть. Мама называла тебя Солнышком. Помнишь?

Лучше бы ей об этом забыть. Мысленный экскурс в те времена, когда она была беззаботно счастлива, не делал существование одинокой матери с ежедневной борьбой за существование легче. Хотя Вероника не стала говорить этого вслух.

Она лишь кивнула и, дабы не расстраивать сестру, сказала:

– Да, помню.

Дженни взяла Эрона на руки и принялась его вытирать.

– Пойди пообщайся с мистером Всюду-сую-свой-нос. Он уже и так заждался, а терпением его, похоже, Господь обделил. Мне кажется, он уже был не в настроении, когда звонил. А сейчас, видно, готов от злости лопнуть.

Отлично. Впрочем, ей плевать на расположение его духа.

Вероника уже собралась ответить на звонок, но обернулась к сестре и громко сказала:

– Мне не стыдно ни за тебя, ни за Эрона, Дженни. Дженни улыбнулась сестре. Никакого раздражения вней больше не было.

– Я знаю. Он просто о нас не спрашивал. Возможно, и так. Но если Маркус не такой эгоист, каким она его рисует, то самой себе можно признаться, что она, Вероника, не решалась рассказать ему о Дженни, потому что просто опасалась увидеть его реакцию. Как он воспримет тот факт, что ей суждено нести на своих плечах огромную ношу ответственности? Она не хотела его потерять. Вероника приняла решение и расправила плечи.

– Я скажу ему, кто ты.

Дженни подняла голову. Глаза у нее были очень серьезные.

– Я думаю, это хорошая мысль.

Вероника кивнула и пошла в комнату. Дженни оставила телефон на кофейном столике возле дивана.

– Слушаю.

– Какого черта? Тебе нужен час, чтобы дойти до телефона?

Дженни права. Маркус ждать не любил, но для Вероники это была не новость.

– Извини, Маркус, я была занята.

– Настолько, что не могла взять трубку? Что-то я не припомню, чтобы ты так по-свински себя вела, когда работала в Портленде.

– Я дома, а не в офисе. Это во-первых. А во-вторых, я действительно не могла подойти немедленно. Ты звонил мне, чтобы прочитать нотацию о том, как надо вежливо общаться по телефону?

Он вел себя так, словно от того, что он лишние пять минут прождал, Земля перевернулась.

Ответом ей было напряженное молчание. Она терпеливо ждала. Она знала, что и Маркус, и Алекс любят держать паузу в разговоре, считая, что тем самым ставят собеседника в трудное положение. Но ее на мякине не проведешь. Она тоже имела в запасе кое-какие приемы, для того чтобы показать, кто тут ведущий и кто ведомый, и знала о некоторых слабостях Маркуса, которые тоже использует к собственной выгоде.

– Мой звонок пришелся не ко времени, Ронни? – спросил он наконец.

Лучше бы он так ее не называл. Слишком уж это имя напоминало ей о той близости, что была между ними. Которой теперь уже никогда не будет. Но она уже просила его не называть ее так, и он проигнорировал ее просьбу. Больше к этому она возвращаться не станет.

– Нет, сейчас я уже могу говорить.

– Ты уверена, что не хочешь вернуться к той, что ответила на звонок? Если у тебя гости, я могу позже перезвонить.

Он решил испробовать иную тактику. Прикинуться вежливым и учтивым. Но на эту уловку она тоже поддаваться не

станет. Маркус выуживал у нее информацию, и она это почувствовала.

– У меня нет гостей. Дженни – моя сестра, и она со мной живет.

– У тебя есть сестра?

Он задал вопрос так, словно она только что призналась, что находится в кровном родстве с инопланетянкой.

– Да.

– И как долго?

– Сколько времени у меня есть сестра? С тех пор, как она родилась семнадцать с половиной лет назад.

Она понимала, что он имеет в виду другое, но не поддеть его не могла.

– Я спросил, как долго она с тобой живет, – уточнил он, едва сдерживая нетерпеливое раздражение.

– Почти пять лет.

Маркус с шумом втянул в себя воздух. Должно быть, он сообразил, что это означает. На ее попечении находилась сестра-подросток все то время, пока они были вместе.

– Это невозможно. Ты мне ничего не говорила.

– Ты меня ни о чем не спрашивал.

Он снова замолчал. Она почувствовала, что на этот раз молчание объяснялось не желанием оказаться в господствующем положении, а ступором от услышанного.

– Где твои родители?

– К чему эти расспросы? – Она не понимала, в чем источ-

ник его внезапно проснувшегося любопытства. Прежде он никогда не задавал подобных вопросов, а ведь их отношения были куда ближе, чем сейчас. – Они умерли.

Родители Ронни умерли? У нее на попечении сестра-подросток?

– Она раньше никогда не отвечала на мои звонки. Он сказал глупость и понимал это, но это первое, что пришло в его одурманенную голову.

– Она была больна.

– Все то время, пока мы встречались? – спросил он. В голосе его слышалось недоверие.

– Да.

Его не устраивали ее краткие ответы. Он хотел знать больше, и она, черт побери, могла бы более охотно рассказать о себе.

– Что ты имеешь в виду? Как это она была больна все это время?

Голос Ронни звучал ясно и четко, хотя она говорила тихо:

– Когда ей исполнилось четырнадцать, у нее диагностировали неизлечимую болезнь крови.

Черт! Почему он не знал об этом? Самый простой ответ – она ему об этом не сказала. Получалось, что корпоративный шпионаж – не единственное, что скрывала от него Ронни полтора года назад.

– И как она сейчас? – Из него словно клещами вытянули этот вопрос.

В том, что его так интересовала жизнь женщины, которая его предала, не было никакого смысла, но от этого его желание узнать подробности ее жизни не стало меньше.

– Лучше.

– Ты хочешь сказать, что она выздоровела? – уточнил он, потому что слово «лучше» ни о чем не говорило.

– Да.

– Я рад.

Зачем он это сказал?

Конечно, сама мысль о том, что ребенок неизлечимо болен, была отвратительна любому нормальному человеку, но то облегчение, что испытал Маркус, услышав «да», указывало на то, что он принял известие о болезни сестры Ронни как личное несчастье. Ему снова захотелось выругаться. Он даже не знал эту девочку и не собирался углубляться в жизнь Ронни. С него хватит. Хотя, если честно, он и до этого особенно не интересовался ее жизнью.

Но осознание того, что Ронни столько всего от него скрывала, заставляло его злиться.

– И я тоже, – сказала Вероника в ответ на его необъяснимую реплику. – Но ведь ты позвонил мне не для того, чтобы обсуждать мою сестру?

Он крепче сжал трубку. Как это у нее получается: минуту назад она была такой трогательно ранимой и слабой, а потом вдруг – само спокойствие и уверенность в себе?

– Ты права. Я звоню, чтобы назначить тебе свидание.

– Свидание? – В трубке послышался короткий смешок. – Едва ли я могу назвать нашу предполагаемую встречу, какой бы она ни была, свиданием.

– Почему? Нам было чертовски хорошо вместе.

Он не мог отказать себе в удовольствии поставить ее перед очевидным фактом.

– Не надо. – На этот раз в голосе ее не было и следа насмешки. Ему показалось, что он услышал нотки отчаяния.

Он улыбнулся:

– Не надо что, моя сладкая?

Он намеренно употребил нежное обращение, зная, что ее это раздражает.

– Не надо называть меня своей сладкой и делать вид, словно ты хочешь возобновить наши отношения. Я не настолько наивна.

В голосе ее по-настоящему слышалось отчаяние, и это его удивило. Однако желание довести разговор до логического конца у него не пропало.

– А что, если мне этого все же хочется? – спросил он, намеренно придавая тону сердитый оттенок.

Она и раньше не была наивной. Если из них двоих кто и был простодушен, так это он, Маркус. Он ей доверился, и вот куда это его привело! Больше года воздержания и воспоминания, от которых он целые ночи проводил без сна.

– Брось, Маркус. Мы с тобой оба знаем, что ты мной уже не интересуешься. Я была для тебя временной партнершей в

постели, которая предала компанию, на которую ты работал. Ты не более заинтересован в возобновлении наших отношений, если таковые у нас и были, чем я.

Он чувствовал, что она старается казаться спокойной, но голос ее на мгновение дрогнул. Может, она не настолько к нему охладела, как пытается это показать?

– А что, если я тобой интересуюсь? – спросил он под влиянием какого-то необъяснимого порыва.

Впрочем, это могло быть продиктовано острым желанием заставить ее сбросить маску спокойствия.

– Тебе это не надо, – сказала она так, словно вынесла приговор.

– Ты слишком в себе уверена, моя сладкая. Ошибочно считать, что знаешь своего оппонента, как не раз прочитанную книгу. – Разве полтора года назад он не совершил ту же ошибку, полагая, что ему отлично известны мысли и чувства Ронни? – Тебе не приходило в голову задуматься над тем, почему я не поделился с Клайном сведениями о твоём шпионском прошлом?

Он услышал, как Ронни на том конце линии резко втянула в себя воздух, и понял, что попал в цель.

– Конечно, я задавала себе этот вопрос, – сказала она несколько напряженно. – Я и тебя об этом спрашивала, помнишь? Но ты отказался ответить.

– Что, если я хочу назначить цену за молчание? – Он сам не верил, что говорит такое.

Он скорее сам бы занялся корпоративным шпионажем, чем стал бы ее шантажировать. Так зачем он несет эту чушь?

– Не смейся. Шантаж не в твоём стиле, Маркус, и я это знаю.

Опять голос у нее стал безразличным, даже утомленным – словно весь этот разговор ей здорово наскучил. Он полтора года провел как на иголках, а она вела себя так, словно ни разу о нем и не вспомнила, и сама мысль о том, чтобы с ним снова переспать, казалась ей дурацкой шуткой.

Что-то внутри его восстало против ее холодного безразличия.

– Может, я кое-что узнал про тебя, когда ты уехала.

– Что ты имеешь в виду?

– Как играть в высшей лиге. Что, если цена моего молчания – ночь с тобой?

Краткий миг тишины, а затем щелчок – она повесила трубку, поставив точку в разговоре.

Он это сказал! Он действительно попытался путем шантажа затащить Ронни к себе в постель. Он не мог поверить в то, что дошел до такой низости. Ни один порядочный мужчина не станет заманивать женщину в свою постель таким образом, и нормальному здоровому мужчине это ни к чему. Маркус до сих пор считал себя порядочным.

В трубке звучали короткие гудки.

Проклятие! Что он наделал?!

Глава 4

Вероника смотрела на телефонный аппарат так, словно этот зеленый прямоугольник собирался ее укусить.

Да нет же. Телефоны не кусаются. Телефон не собака и не человек, буруеваемый жаждой отмщения.

Последнее время у Вероники не раз возникало чувство, что она на грани, за которой безумие. Может, она уже переступила эту черту, не заметив? Или Маркус на самом деле пытался заставить ее вернуться к нему в постель? Она не могла поверить в то, что своими ушами слышала, как он сказал ей, что расскажет Клайну обо всем, если она с ним не переспит.

Вероника покачала головой. Переспит! Этот эвфемизм никак не отражал того, что на самом деле случилось между ними. Вместе они никогда не спали. Он хотел секса – все просто и понятно, а потом – врозь по домам.

Когда в прошлом они с Маркусом делили постель, о том, чтобы в ней спать, никто и не помышлял. Она вовсе не возражала против того, чтобы утром проснуться в его объятиях, просто Маркус такого не допускал. Не просыпаться в одной постели – таков был один из пунктов негласного договора. Когда люди вместе спят – не в смысле эвфемизма, – между ними возникают отношения, предполагающие некоторые обязательства.

И в то же время образ беззаботного и легкого в общении холостяка, у которого пунктик относительно обязательств в любой форме, никак не соотносится с человеком, который принуждает женщину лечь с ним в постель с помощью шантажа. Разве нет?

Вероника ощутила, как дрожит в руке телефон, и осторожно опустила его на столик, чтобы не уронить.

Запах мясного рагу, томившегося в скороварке на кухне, защекотал ей ноздри в тот самый момент, как слух уловил голос сестры, напевавшей Эрону глупые детские песенки. Все как обычно... И эта реальность никак не вязалась с тем, что она только что услышала от Маркуса.

Он пытался ее шантажировать.

И не только это. Он проявил больше интереса к ее личной жизни, чем полтора года назад, когда они были любовниками.

Она не могла этого понять. И откуда взялась эта робкая, но искушающая надежда, набухавшая в ней, как весенняя почка? Могла ли она и вправду надеяться на какое-то примирение?

Только абсолютная дура могла на что-то надеяться после такого разговора.

Маркус ей угрожал. Уже одно это плохо. Но что было выше ее понимания и заставляло дрожать от страха, так это перспектива оказаться с ним вновь в близких отношениях. Все эти полтора года разлуки она отчаянно по нему тоско-

вала.

С уходом от него в душе ее словно открылась дыра, зияющая пустота, которую не могло заполнить ни ликование от рождения сына, ни радость от выздоровления сестры. У нее так никого и не было после Маркуса, и, если быть до конца честной, ей не хотелось заниматься любовью ни с кем, кроме него.

Она плюхнулась на мягкий диван с зеленой обивкой, который купила по дешевке у пожилой пары, переезжавшей в дом поменьше. Ей всегда становилось хорошо на душе при мысли о том, какую удачную покупку она совершила – отличная добротная вещь за умеренную цену. Она еще кое-что приобрела у тех старичков, и все это служило ей верой и правдой. Ей бы сейчас об этом подумать, успокоиться, но нет – после разговора с Маркусом на ум шли только тревожные мысли.

Его угроза вызвала к жизни образы, которые она все эти месяцы загоняла вглубь, в подсознание. И теперь воспоминания о тех первых свиданиях стали преследовать ее. Они были такими яркими, что она словно воочию чувствовала губами его губы – все тогда началось с невинного поцелуя, а потом... вскоре она утратила контроль над ситуацией.

Несколько недель дело не шло дальше флирта на работе. Он уговорил ее пойти с ним на свидание и целовал ее, когда представлялась возможность, и совершенно недвусмысленно говорил ей, как сильно ее хочет. Она держала его на рас-

стоянии, инстинкт подсказывал ей, что они ждут разного от их отношений. Она хотела будущего, а он – только ее тело.

Но она не могла прекратить встречаться с ним, оказалась не в силах противостоять искушению. За ней ухаживал мужчина, которого она любила. Неизбежно то томление и желание, что она держала в узде целых три года, – а именно столько она любила Маркуса, – при первом удобном случае прорвались наружу, с легкостью преодолев те границы, что она себе поставила.

И однажды вечером, когда он ее поцеловал, она прижалась к нему в бездумной потребности быть любимой.

И, даже совершенно не будучи искушенной в языке тела, она узнала признаки, указывавшие на то, что он столь же возбужден, как и она. И Вероника испытала потрясение. Утратив бдительность, она сказала ему то, что никогда не должна была говорить:

– Люби меня, Маркус. Пожалуйста, полюби меня. И тогда она почувствовала его ладони у себя на лице.

Тела их оставались прижатыми друг к другу.

– Открой глаза.

Она повиновалась, хотя делать это ей совсем не хотелось. Спрятаться бы в темноте, за закрытыми веками! Но он не дал ей такой возможности.

Она как-то угадала, что он собирается ей сказать то, что она не захочет услышать. И она оказалась права.

Глаза его стали цвета Карибского моря.

– Это секс, Ронни. Не любовь. Я не верю в те мифы, что придумывают люди, дабы оправдать собственные ошибки. Я предлагаю тебе секс. И черт меня подери, если это будет не самый лучший секс из всего, что у тебя было.

Она в этом не сомневалась. Если бы даже у нее что-то было до Маркуса, то с ним ей будет многократно лучше, чем с любым другим. Она-то верила в любовь и его любила. Альтернативы не было. И поэтому она приняла предложение.

– Я хочу тебя.

Он не стал возобновлять свои сводящие с ума ласки. Он лишь пристально посмотрел ей в глаза.

– Я не ищу постоянных отношений, Ронни. Ты ведь это понимаешь?

Она кивнула, принимая как должное факт, что у их отношений нет будущего.

– Ни прочных уз. Ни обязательств.

Все, что на тот момент имело значение, – это быть с ним, здесь и сейчас.

– Хорошо. – Он улыбнулся, и сразу выражение его лица изменилось – то была маска всепоглощающего мужского вождения.

Она опасалась, что он разозлится, обнаружив ее невинность, и решит, что она пыталась расставить для него капкан. Но она ошиблась – глаза его широко и удивленно открылись, когда он почувствовал барьер.

Он прекратил движение.

– Детка, ты уверена?

Она знала, что он оставит ее в покое, если она скажет «нет».

Но она не сказала. Она так сильно его хотела, так отчаянно нуждалась в том, чтобы побыть с ним еще хоть немного, настолько устала от одиночества и страха за жизнь сестры, что не могла возразить.

И он вошел в нее до конца, и это было для нее не только слиянием тел, но и духовным единением.

Для нее то, первое, соитие было актом любви, настолько ярким и острым, что все в ней напрягалось при одном воспоминании о нем.

Для Маркуса это был просто секс.

В тот, первый, раз он использовал презерватив, но она сама настояла на том, что будет принимать противозачаточные таблетки. Даже самый тонкий барьер в виде кондома ей мешал. Если ей суждено быть с ним только некоторое время, то пусть он принадлежит ей целиком – без всяких оговорок.

И это решение имело далеко идущие последствия.

Любые средства предохранения могут дать сбой, и она не собиралась казнить по этому поводу.

Сын ее не был случайностью.

Не важно, насколько сильно усложнилась ее жизнь. Она считала ребенка божественным благословением ее любви к Маркусу.

Звук смеха Эрона и напевный голос сестры, болтавшей

малышу всякую чепуху, вернули ее к реальности, вытащили из забытья, вызванного недавним общением с Маркусом.

Теперь к ней вернулась способность анализировать, и, проигрывая в памяти их разговор, она попыталась понять, зачем ему понадобилось ее шантажировать. Он был слишком цельной личностью, чтобы прибегать к таким мерам. И уверенность в том, что он человек порядочный, рождала в ней иную убежденность: он никогда не перестанет ее презирать за то, как она поступила с «Си-ай-эс».

Кроме того, уж кто-кто, но не Маркус станет шантажом заманивать женщину к себе в постель. Он так же нуждался в этом, как арабский шейх в импорте песка из пустыни. Так зачем он так поступил?

Не может быть, чтобы он хотел ее как женщину. Или может?

Нелепая мысль. Маркус мог заполучить любую – стоит лишь захотеть. Его внешность – синие глаза, пшеничные волосы, его манера общаться – все это неизменно притягивало к нему особей противоположного пола. То, что он пользуется успехом у женщин, она видела воочию. Взять, к примеру, сегодняшний день, когда она представляла его сотрудницам отдела маркетинга.

Для удовлетворения сексуальных потребностей ему ни к чему тащить в кровать женщину, которую он презирает.

Но он без обиняков сообщил ей, что хочет от нее именно этого.

Что же это может еще означать, если не то, что он ее желает?

Неужели он не нашел иного способа сообщить ей, что хочет восстановить те близкие отношения, что были между ними? Может, он сделал это безотчетно, сам того не желая? Но тогда он хочет ее неосознанно, на уровне инстинкта, что не меняет сути.

Если бы Вероника могла сама себя встряхнуть за шиворот, она бы это сделала.

Полтора года назад она тоже пыталась убедить себя, что стала для Маркуса чем-то большим, чем просто сексуальная партнерша. Теперь она старается внушить себе, что мотивацию его поступка следует искать на чувственном уровне, что она ему небезразлична. Но факты – вещь упрямая. Он не питал к ней серьезных чувств. Ни тогда, ни сейчас.

С пугающей ясностью она осознала, что вернулась на северо-запад не потому, что выросла в этих краях, а из-за того, что здесь жил когда-то Маркус. Она стремилась быть к нему ближе. Она так и не излечилась от привычки гоняться за радугой, от надежды завоевать его доверие и любовь. Вероника презрительно фыркнула. Какая же она идиотка!

Угрозам Маркуса есть простое, понятное, единственное объяснение – месть.

Она уже представляла себе, как он злорадствует по поводу ее согласия переспать с ним, при виде того, как наполняется надеждой и желанием ее сердце. А потом он просто ткнет ее

лицом в грязь, да еще и посмеется. На эту тему можно сочинить сколько угодно сценариев – один кошмарнее другого.

Она готова была сказать «да» лишь для того, чтобы положить конец этой пытке как можно скорее, какой бы жалкой ни оказалась развязка. Она хотя бы узнает, каково его представление о возмездии. Что-то подсказывало ей, что если она ответит на его блеф, Маркус, как человек, внутренне порядочный, не посмеет рассказать мистеру Клайну о связанном с ней инциденте в «Си-ай-эс». В конце концов, сделка есть сделка.

Но готова ли она рискнуть быть съеденной заживо только для того, чтобы лишить льва его когтей?

Эллисон поджидала Маркуса Данверса, у которого утром была назначена встреча с Джорджем. Она сидела за столом в приемной, смежной с кабинетом директора, с таким видом, словно и не в его постели проснулась она, счастливая и довольная, всего часа два назад.

Разведенной женщине, успевшей в свои сорок пять стать бабушкой, не часто выпадает удача проснуться утром, уютно свернувшись возле мужчины, который сделал тебя счастливой. Такие вещи в ее возрасте и в ее положении не принимаются как данность.

Джордж Клайн внес в ее жизнь стихию, о существовании которой она знала, но считала навсегда утраченной, когда три года назад от нее ушел муж, влюбившись в свою фигуристую начальницу отдела продаж.

Сексуальность.

Она была существом сексуальным.

И еще она чертовски хорошая секретарша. И Джордж любил в ней обе ипостаси.

Это ей льстило. Такой динамичный и обеспеченный мужчина мог бы выбирать из красоток помоложе, но он избрал ее.

Она улыбнулась ему, когда он вышел из кабинета.

– Данверс еще не пришел?

– Нет, Джордж, еще нет.

Он нахмурился, прищулив светлые глаза:

– Я велел тебе называть меня в офисе мистером Клайном, Эллисон.

У него был пунктик по поводу того, что на работе они должны держаться друг с другом иначе, чем в частной жизни. В «Клайн технолоджи» личные отношения между сотрудниками отнюдь не поощрялись. Джордж верил в силу примера.

Иногда она немного забывалась.

У нее это получалось не нарочно, просто трудно было разделять эти две зоны – рабочую и личную, тем более что и в той и в другой его жизни она играла очень заметную роль.

– Извините.

Он кивнул. Быстро и по-деловому. Сентиментальность не могла замарать его безупречный бизнес-имидж.

– Когда Данверс придет, отправьте его сразу ко мне.

– Да, сэр.

Он улыбнулся. Одобрение, что она прочла в его глазах, согревало ее, хотя эта искорка во взгляде жила лишь краткий миг. Уже через секунду дверь кабинета затворилась за ним.

Маркус Данверс приехал через пять минут, и Эллисон, с приличествующей секретарше директора почтительностью, проводила его в кабинет Клайна.

«Ладно. Ты это можешь. Думай о том, что лев ручной. Побойся о собственной безопасности и защите своей семьи».

Однако самовнушение не помогало. Пульс ее заметно участился при виде золотистой головы Маркуса над перегородкой, разделявшей их отсеки. Он явно шел в ее направлении. Она захлопнула выдвижной ящик стола, куда только что смотрела, и распрямилась в кресле, надев на лицо маску вежливой отчужденности.

Сделав несколько глубоких вдохов и мысленно прочитав себе еще одно-два наставления, она привела себя в состояние боевой готовности.

Да уж. Она была примерно так же готова к схватке, как четырехлетний малыш – идти в ногу со взрослым.

Маркус вошел, тут же заполнив все окружавшее ее пространство неопровержимо мужским присутствием. У нее в отсеке бывало немало мужчин – не один десяток, но никто не вызывал такого ощущения мужского доминирования, как Маркус.

– Доброе утро, Ронни. Надеюсь, ты хорошо выспалась.

Вероника полночи проворочалась с боку на бок, прокручивая в уме их вчерашний разговор.

– Как младенец, – сказала она, чуть не поморщившись от неудачного подбора слов.

Не хватало ей только снова почувствовать себя виноватой из-за того, что до сих пор ничего не сказала Маркусу об их ребенке. Даже если ему совсем не хотелось об этом знать.

Он насмешливо улыбнулся – понял, что она соврала.

– Я рад. Не хотел, чтобы ты расстроилась из-за того, что я вчера наговорил тебе по телефону.

Он знал, что она всю ночь глаз не сомкнула. Крыса.

– Ты насчет этого...

Она может это сделать. Просто принять его предложение, и все закончится. В «Клайн технолоджи» она снова будет чувствовать себя в безопасности, а он получит удовольствие от возмездия, о котором мечтал. Все это было очень разумно, логично... и безмерно пугало.

Он покачал головой с притворным сожалением:

– Извини. У меня нет времени во все это сейчас углубляться. Я заскочил лишь для того, чтобы ты посмотрела, найдется ли у Джека время со мной пообедать на этой неделе.

Она смотрела на него во все глаза. У нее даже рот открылся от удивления. У человека, который ее шантажировал, нет времени получить ответ на свое предложение?

– Ты хочешь, чтобы я записала тебя на ленч с Джеком?

Она слышала, как сдавленно звучал ее голос.

– Именно. – Он засунул руки в карманы и встал в проходе. – Да, и еще мне нужна твоя помощь в организации для меня временного офиса. Надо бы об этом попросить секретаршу Клайна, но ему позвонили сразу, как только я пришел, и я совсем забыл это сделать. Ты поможешь мне?

– Конечно. – Разве Клайн не велел ей лично заняться обустройством Маркуса в компании?

– Ну так как ты думаешь, какой день подойдет для Джека? Несколько дезориентированная, Вероника не сразу отреагировала на этот простой вопрос. Она готовила себя совсем к другому. К схватке. К бою. Но не к рутинной работе. Она заставила себя перевести взгляд на экран монитора. Кликнула на календарь Джека.

– Вторник или четверг. На выбор. В любой из этих дней он может задержаться после обеда.

– Тогда пусть это будет четверг. Я все еще чувствую себя здесь не слишком уверенно и хотел бы ощутить почву под ногами, прежде чем встречу с ним для конкретного разговора.

Она кивнула. И Маркус, и Алекс всегда очень серьезно относились к консультационным услугам. Они не могли себе позволить убеждать клиентов делать инвестиции, всесторонне не проработав тему. Они считали своим долгом исследовать всевозможные стратегические подходы, удовлетворяющие клиентским нуждам.

Вероника подвела курсор к нужной строчке календаря

Джека и ввела необходимые данные. После этого повернулась к Маркусу лицом:

– Ты записан. Я отправлю Джеку сообщение, что у вас на четверг назначена встреча.

Маркус оттолкнулся от косяка и подошел к ней. Зачарованная его взглядом, внезапно ставшим пристальным, она молча ждала.

Он вдруг протянул руку и провел по контуру ее щеки указательным пальцем.

– Ты чертовски организованный сотрудник, Ронни. Нам в офисе так тебя не хватает. Та, что тебя заменила, в подметки тебе не годится.

Вероника хрипловато засмеялась. Она не просто не поверила ему, она испытала острый укол ревности. Ей была противна сама мысль о том, что ей нашлась замена в «Си-ай-эс», а может, и в жизни Маркуса Данверса тоже.

– Уверена, что с ней вам куда веселее, чем со мной, – не удержавшись, сказала она, припомнив Маркусу его шуточки по поводу того, что Вероника скорее робот, чем женщина.

С ним она никогда себя роботом не чувствовала. Даже здесь и сейчас ее тело отзывалось на его присутствие очень по-человечески. И еще это прикосновение клицу. Ей надо было ударить его по руке или хоть отстраниться, не дать этому умелому пальцу войти в контакт с ее кожей. Этот невинный, казалось бы, жест разбудил в ней острейшее томление.

Ей хотелось схватить его руку, прижать ее к лицу и навеч-

но оставить у себя на щеке. Что за идиотская патетика?!

Маркус явно забавлялся на ее счет и не думал этого скрывать.

– Ну, она интересная, этого у нее не отнять. Но с тобой было куда увлекательнее.

Что он имел в виду? Намекает ли на то, что с новой секретаршей он тоже спал, но эта новая была не так хороша в постели, как Вероника? Или он хотел сказать, что та оказалась, в отличие от нее, более стойкой и не поддалась на его ухаживания? Вероника так увлеклась своими мыслями, что не заметила, как он направился к двери.

– Эй, подожди! – крикнула она, не отдавая себе отчета в том, что делает.

Он обернулся уже на пороге.

– Не переживай. Я тебя не тороплю. До обеда, надеюсь, ты что-нибудь для меня подыщешь, а я пока загляну в другие отделы. К обеду я вернусь.

И с этими словами он ушел. Вероника смотрела на опустевший дверной проем отсека. Был бы у нее настоящий кабинет, где можно запереться и подумать, чтобы ей никто не мешал. Но о таком оставалось только мечтать.

Кроме того, у нее есть обязанности. Она должна не только закончить свою работу, но еще и найти место для Маркуса. Вероника позвонила приятельнице из соседнего отсека. Даже если секретарша мистера Клайна дала добро, найти место для Маркуса не так-то просто.

Пятнадцать минут спустя Вероника едва не бросила трубку на рычаг. Единственным свободным оказался закуток рядом с ее отсеком. Все время пребывания в «Клайн технолоджи» Маркус будет работать в футе от нее. Такую пытку нарочно не придумаешь.

И она не могла ничего с этим поделать.

Маркус задумчиво провел рукой по волосам в ожидании лифта, который доставит его на этаж, где работали конструкторы. Зачем он так издевался над Ронни? Он ведь еще вчера решил, что скажет ей, чтобы не принимала всерьез его угрозы. Он не знал, как сможет через это пройти без ущерба для собственной гордости, а ведь она и так уже крепко задела его самолюбие, бросив его тогда, но он был уверен: на предложенных им условиях он не хочет ее возвращения.

И вообще ему не следовало желать, чтобы она вернулась к нему в постель. Она была шпионкой, лгуньей – воровкой корпоративных секретов.

Но сколько он себе это ни твердил, это нисколько не уменьшило удовольствия, которое он получил, наблюдая за ее ревностью к новой секретарше «Си-ай-эс». Он продолжал ее дразнить, с удовлетворением видя, как ее глаза из серых становятся почти черными, как розовеет от ярости и смятения ее бледная кожа. Она пыталась скрыть свою реакцию, но он то хорошо успел ее изучить.

Маркус улыбался про себя. Ее короткая ремарка по поводу того, что с новой секретаршей куда как веселее, была

слишком далеко от правды. Ему нравилась мама Алекса, но сказать, что с Присциллой Реддинг ему интереснее, чем было с Вероникой, он, конечно, не мог. Она несколько ослабила вожжи, с тех пор как снова вышла замуж, но по-прежнему была на высоте в смысле хороших манер и примерной сдержанности.

Хотя хорошо уже то, что Ронни сильно задела возможность появления в его, Маркуса, жизни другой женщины. Значит ли это, что он по-прежнему ей небезразличен? И что еще важнее, оставалось ли его место в ее постели незанятым?

Маркус провел больше ночей, чем готов был самому себе признаться, в размышлениях на эту животрепещущую тему. Когда они начали встречаться, она была девственницей. Но ко времени бегства из Портленда стала самой страстной сексуальной партнершей из всех, что у него были.

Теперь, когда она познала те радости, что дает секс, она будет искать других любовников. При этой мысли он злился сильнее, чем когда думал о ее предательстве фирмы.

Он не верил в любовь. Это чувство делает людей слабыми. Оно придумано слабаками для оправдания тех, кто причиняет боль себе и другим.

Кому знать об этом, как не ему. Первые тринадцать лет жизни он провел как презренный побочный сын большого человека в маленьком городе, и все потому, что его мать любила его отца слишком сильно, чтобы отказаться от роли от-

цовской любовницы и увезти сына туда, где их никто не знал. Где людям будет все равно, что его отец не озаботился тем, чтобы оформить развод и жениться на матери своего младшего сына.

Нет, Маркус в любовь не верил, но то чувство собственника, что питал к Ронни, отрицать не мог. Он сильно подозревал, что если бы какой-то мужчина решил занять его место в постели Ронни, он рискнул бы прибегнуть к насилию.

Даже если он, Маркус, не очень туда стремился.

Глава 5

Вероника тыкала вилкой в салат, но насладиться едой не могла – мысли ее витали далеко. Она размышляла над странным поведением Маркуса утром.

Убедив себя, что наладить спокойную жизнь в Сиэтле она может, лишь откликнувшись на предложение Маркуса, Вероника настраивалась на решающий разговор. И это ей удалось.

Но Маркус, изворотливый тип, знал, что делает, когда перевел тему и попросил ее записать его на ленч с Джеком.

Маркус был искушенным воином, когда речь шла о сражении психологическом.

Вероника обмакнула помидорчик черри в салатную заливку и засунула его в рот, наслаждаясь ощущением, которое возникает, когда помидорная шкурка лопається от укуса и во рту происходит томатный взрыв.

Какую игру он ведет? Хочет он или не хочет ее шантажировать? И что еще важнее выяснить, прежде чем принимать вызов: хочет ли он, чтобы она вернулась в его постель? На тот почти невероятный случай, что за этим шантажом стояло что-то отличное от желания отомстить, она должна действовать с предельной осторожностью.

Но оттягивать объяснение до бесконечности нельзя. Веронике необходимо знать, как собирается распорядиться Мар-

кус информацией о ее прошлом, до того как рассказать ему об Эроне. Ей хотелось думать, что она достаточно сильна, чтобы выдержать бой за опеку над ребенком. Но она не была в себе уверена. Слишком много душевных сил она растратила, пока боролась за выздоровление Дженни.

Могла ли она рассказать Маркусу о его ребенке, не рискуя потерять Эрона? Имела ли основания пренебречь правом Маркуса узнать о сыне ради собственного спокойствия?

От этих мыслей у Вероники голова шла кругом. Она даже не сразу поняла, что к ней обращаются, когда знакомый голос произнес:

– Это место занято?

Она подняла голову и с некоторым усилием изобразила приветливую улыбку:

– Нет. Присаживайся, Сэнди.

Изящная блондинка грациозно опустилась на стул напротив Вероники, поставив на стол пластиковый поднос с тем, что называется очень здоровой пищей.

– Да, с этим «Кугуаром» пришлось-таки попотеть. Я буду счастлива, когда этот продукт наконец попадет на рынок.

Вероника понимающе кивнула. Запускать новый продукт всегда нелегко, а с «Кугуаром» были сплошные проблемы. Сэнди, инженер по маркетингу, персонально отвечала за это.

– Я все еще не могу поверить, что сведения о проблемах с «Кугуаром» проникли в прессу. Тут невольно задумаешься, не работают ли в нашем отделе или у конструкторов агенты

конкурентов.

Вероника покачала головой, прожевала салат, что был у нее во рту, проглотила и ответила:

– Скорее всего у некоторых наших инженеров языки без костей. Будто больше не о чем говорить со старыми приятелями из колледжа за кружкой пива после работы.

– Да, и когда случайно оказывается, что эти старинные друзья работают на конкурентов, наши секреты просачиваются в прессу. Полагаю, все происходит именно так. – Сэнди аккуратно разложила столовые приборы и расстелила на коленях бумажную салфетку, почти полностью прикрывшую черную мини-юбку. – Но разве ты не заметила, сколько раз за последний год конфиденциальная информация о нашей фирме становилась достоянием прессы? И как тебе нравится, что наши конкуренты все чаще сообщают об аналогичных нашим технологических достижениях за день до того, как о них заявляем мы?

Вероника поняла, что ее приятельница относится к ситуации вполне серьезно.

– Ты действительно думаешь, что в «Клайн технолоджи» завелись шпионы?

– Ну, такие вещи в нашей промышленности не редкость. Компьютеры и периферия – просто рай для такого рода игр. На продаже секретов можно получить куда больше, чем работая за жалованье.

По спине Вероники поползли ледяные мурашки.

Корпоративный шпион в «Клайн технолоджи»? Не хотелось в это верить, но в словах Сэнди был резон. Действительно, за последние полгода много информации утекло... А ведь Вероника пришла сюда работать как раз полгода назад.

Проработав в «Си-ай-эс» больше трех лет, она на своем опыте убедилась, как легко могут получить сведения те, кто знает, как их раздобыть, – ребята вроде Алекса Трахерна или Маркуса Данверса. Она никогда не переставала считать, что драгоценная информация о «Клайн технолоджи» имеет внутренний источник утечки.

Они с Сэнди минуты две ели молча, и Вероника между тем пыталась уяснить для себя значимость очевидных провалов «Клайн технолоджи» для нее лично – как проблемы фирмы соотносятся с недавно обретенной Вероникой стабильностью.

Судя по выражению лица Сэнди, та размышляла на ту же тему. Только Сэнди было легче – ей не надо было переживать из-за того, что ошибки прошлого могут поставить ей в вину сейчас, когда компания явно испытывает серьезные проблемы.

Теперь угрозы Маркуса рисовались Веронике в куда более мрачных тонах. Впервые она подумала о бегстве. Возможно, возвращение на северо-запад было такой же глупостью, как и то, что она когда-то влюбилась в Маркуса Данверса.

Вероника глотнула чаю со льдом в отчаянной попытке успокоить нервы.

– Еще на одного хватит места?

При звуке голоса Маркуса Вероника поперхнулась и закашлялась. Маркус поставил поднос на стол и стал от души хлопать Веронику по спине, пока та не перестала кашлять, словно заядлый курильщик после скоростного подъема на Монблан.

– Дыши глубже, сладкая. – Маркус перестал постукивать ее по спине, но, вместо того чтобы отойти, начал кругами тереть ей спину – медленно и нежно. – Тебе надо расслабиться.

Расслабиться? Когда он ее трогает и говорит с ней таким голосом, каким не говорил с тех пор, как они были вместе в постели?

– Ты в порядке? – Озабоченный голос Сэнди пробился к ней словно сквозь вату.

Вероника напряглась, подалась вперед, давая понять Маркусу, что пора прекращать расслабляющий массаж, и тут же об этом пожалела. Сейчас поддержка ей была необходима.

– Да. Просто чай не в то горло попал.

Едва ли они нуждались в ее объяснениях. Сами все видели.

Сэнди смотрела на нее так, что Веронике не составило труда догадаться, над чем размышляет ее подруга. Ей было интересно узнать, почему Вероника вдруг утратила способность контролировать свои рефлексy, а не то, в какое горло попал чай. Вероника мучительно покраснела. Особенно неловко было ощущать колени Маркуса прижатыми к ее но-

гам: он успел сесть третьим за их маленький столик.

Вероника сознательно проигнорировала обращенный на Маркуса взгляд Сэнди. Он явно заинтересовал сексапильную блондинку. Как мужчина.

– Я подыскала для вас временный офис. Если хотите, могу проводить вас туда после обеда.

Вероника говорила, повернувшись к Маркусу лицом, и пыталась скрыть смущение.

Синие глаза Маркуса, такие заботливые во время приступа кашля, теперь снова стали холодными и непроницаемыми.

– Было бы замечательно, Ронни. Она кивнула, не зная, что еще сказать.

Сэнди оказалась расторопнее. У этой роскошной блондинки всегда были нужные слова наготове, когда рядом оказывался интересный мужчина.

– Вы буквально спасли мою подругу. И действовали на редкость быстро и эффективно. Прошли курс по оказанию неотложной помощи или что-то в этом роде?

Маркус одарил Сэнди неотразимой улыбкой, и Вероника удивилась, как это ее подруга не растеклась в лужицу от направленного на нее жара.

– Вы правы. Два года назад я прошел такой курс. Но когда Ронни подавилась, я действовал инстинктивно.

– Спасибо, – сказала Вероника, сообразив, что именно это от нее требуется. И еще она поняла, что должна была это

сказать раньше, вместо того чтобы заводить разговор о временном офисе.

Этому мужчине всегда удавалось вносить хаос в ее обычно отлично организованный процесс мышления. Он слегка поклонился:

– Не за что.

– Итак, у вас уже появились конкретные планы по экспансии для «Клайн технолоджи»? – спросила Сэнди, чтобы поддержать разговор.

И снова Маркус улыбнулся. Он был приятно удивлен.

– Я парень быстрый, и все же не настолько. Мне потребуется некоторое время, чтобы составить представление о компании, а затем я намерен собрать предварительную информацию о возможных инвестициях. Клайн не уверен, что хочет вводить новые проекты в уже существующую технологическую линию или открывать пилотные направления бизнеса.

– Мне не терпится поскорее узнать о решении, – сказала Сэнди, ответив Маркусу обворожительной и весьма недвусмысленной улыбкой.

Выходит, Маркус ее сильно заинтересовал. Ничего удивительного.

За те полгода, что Вероника здесь работала, она успела неплохо узнать инженера отдела маркетинга. Сэнди и Маркус составили бы идеальную пару, в этом Вероника ни капли не сомневалась. И действительно, любой, взглянув на них,

решил бы, что они представляют собой отличную имитацию Барби и Кена. Оба они любили повеселиться, оба роскошно выглядели, к тому же у них были общие интересы.

Она не была уверена, что ей хочется сидеть здесь третьей лишней за маленьким столиком и наблюдать, как эти двое обмениваются взглядами.

Вероника гоняла по пластиковой тарелке салат, ища предлог, чтобы удалиться. Хотя ей не слишком хотелось оставлять эту парочку наедине друг с другом.

Как ни болезненно было наблюдать за рождением и укреплением новой дружбы, которая, вероятно, перерастет в нечто большее, решиться на уход она тоже не могла. Конечно, Маркус чересчур хорош для нее, серой мышки, но это не значит, что ей приятно наблюдать, как он обхаживает более привлекательную особь.

– Пора бы тебе начать есть, а то, глядишь, ты и в следующем веке не закончишь обед, – поддразнил ее Маркус.

Вероника пожала плечами:

– Нет аппетита.

Сэнди укоризненно покачала головой:

– Ты должна заставить себя поесть хотя бы для того, чтобы к концу рабочего дня голова не болела. И уж совсем не стоит пить этот чай с пропастью теина, не сбалансировав его чем-то питательным.

Маркус засмеялся.

– Только не говорите мне, что вы одна из этих. Улыбка

Сэнди была определенно приглашением кфлирту.

– Кто такие «эти»?

– Фанатики здоровой пищи.

Смех Сэнди был нежен и соблазнителен.

– А как же иначе. Вы ведь не думаете, что мне удастся так хорошо выглядеть, не прилагая к этому усилий? – спросила она с простодушной уверенностью.

Маркус окинул Сэнди одобрительным взглядом, и Вероника невольно попыталась увидеть ее его глазами и сравнить с тем, что он созерцал, глядя на нее, Веронику.

При своем росте в пять футов восемь дюймов Сэнди доходила ему до узла галстука, тогда как Вероника была ему по грудь, не больше, и в сравнении с ним казалась крошечной. Сэнди и одевалась так, чтобы привлекать взгляды мужчин – все эти короткие юбки и яркие облегающие блузки, выгодно подчеркивающие золотистый цвет волос и светлую кожу. Что до Вероники, то ее черная юбка закрывала колени. И простого покроя шелковая блузка была цвета неба над Сиэтлом – уныло-серая.

Вероника чувствовала себя как куропатка рядом с павлином. Между тем Маркус подмигнул Сэнди:

– Готов поспорить, вам есть что сказать по поводу соевых ростков и овсянки.

Сэнди засмеялась. Слова Маркуса она восприняла как комплимент.

– Именно об этом я постоянно говорю Веронике, но

она даже низкокалорийной салатной заправке предпочитает майонез.

Маркус перевел взгляд на Веронику, которая натянулась как струна в ожидании его критики в свой адрес. Она знала, что Сэнди не желала ей зла и не хотела обидеть. Пристрастие Сэнди к здоровому питанию было постоянным поводом для шуток, когда подруги общались, но Маркус об этом понятия не имел. В любом случае он едва ли воздержится от саркастического замечания, которое, по убеждению Вероники, вот-вот должно последовать.

– На мой вкус, Ронни прекрасно выглядит, так что майонез, похоже, ей не во вред.

Сэнди вздохнула:

– Может, ты и права, моя удачливая подруга. Вероника ничего не сказала. Ее голосовые связки словно заморозились от неожиданного комплимента Маркуса. Нужных слов для ответной реплики, как всегда, не нашлось.

Но на этом испытания не закончились. Оторопев, Вероника смотрела, как Маркус, забрав у нее вилку и не встретив сопротивления, подцепил немного салата и велел:

– Открой рот.

Она рефлекторно открыла рот и тут же залилась краской, осознав, что только что позволила ему сделать. Сэнди решит, что отношения между ней и Маркусом куда ближе, чем это было на самом деле.

Маркус улыбнулся.

Предатель. Он точно знал, что делает, и наслаждался ее неловкостью.

Вероника вырвала вилку у него из рук и сосредоточенно принялась доедать салат, пока Сэнди и Маркус оживленно обсуждали соревнования по парусному спорту, которые планировались на следующие выходные.

– У меня перерыв до часу, так что мне пора. Было очень приятно познакомиться с вами, Маркус, – сказала Сэнди, протянув ему руку, и Маркус поднялся следом за ней.

Он пожал Сэнди руку и попрощался, после чего вновь сел. Вероника выразительно посмотрела на часы.

– У меня тоже много работы. Заскочи ко мне, когда освободишься, и я покажу тебе твой офис.

– Ладно, моя сладкая.

– Пожалуйста, не называй меня так. Я не твоя девушка, и мне не хочется, чтобы наши сотрудники составили о наших отношениях неверное представление. – Она говорила, словно классная дама из пуританских пятидесятых прошлого века.

Почему ей не удастся быть такой же чарующе непосредственной, как Сэнди?

Маркус склонил голову набок и пристально на нее посмотрел:

– В чем конкретно будет состоять это неверное представление, Ронни? В том, что некогда мы что-то значили друг для друга? Что мы знали друг друга до встречи в «Клайн техно-

лоджи»?

– Между нами больше нет никаких отношений. – Она поняла, что зря это сказала, только после того, как слова были произнесены вслух.

Они прозвучали как вызов, а Маркус по своей сути был игроком и не мог проигнорировать. Он хищно улыбнулся.

– Давай поужинаем сегодня вечером.

Ну вот и настал момент истины. Хватит ли у нее мужества вести себя хотя бы достойно?

Выбора у нее не было. Если в «Клайн технолоджи» действительно работал корпоративный шпион, то ради спасения собственной шкуры она должна разоружить Маркуса, угрожавшего поведать Клайну о ее прошлом. Она открыла было рот, чтобы сказать «да», но Маркус опередил ее, напомнив:

– За тобой должок.

– Я ничего тебе не должна, – выпалила она, опять не подумав.

Он прищурился, и его глаза из голубых сделались аквамаринными.

– Я был твоим любовником, и ты меня предала.

В голове у нее не вполне укладывалось то, что ее уход он воспринял как личное оскорбление. Ноша вины была и так достаточно тяжела, чтобы добавлять к ней еще и это.

– Я предала Алекса и «Си-ай-эс», но не тебя, Маркус. Сделка с Харрисоном была его детищем.

– Ты меня бросила. Даже «до свидания» не сказала. Она

смотрела на него во все глаза, и мозг отказывался воспринимать смысл сказанного.

– Наши отношения не были настолько серьезными, чтобы говорить о разрыве. Забыл? Никаких уз. Никаких обещаний.

Ему-то следовало помнить правила. Ведь это он их устанавливал.

Он склонился над столом. Его лицо оказалось в двух дюймах от нее. Она видела собственное отражение в его черных зрачках. Взгляд ее остановился на его губах, твердых, мужских. Какой у них вкус? Такой же опьяняющий, как раньше? Станут ли они нежнее от страсти, если она уступит безумному желанию податься ему навстречу, так, чтобы губы их встретились?

– Мы спали вместе почти каждую ночь. Это чертовски серьезно, детка.

Она затрясла головой в знак протеста, пытаясь стряхнуть чувственное наваждение, охватившее ее при этих словах, и от его близости.

– Мы никогда не спали вместе. Ни разу. Просыпаться утром с женщиной, с которой был секс накануне, ты не любил. Помнишь?

Вероника все же понимала, что их беседа проходит в буфете компании, полном сотрудников. Никто не сидел достаточно близко от них, чтобы услышать, о чем они говорят, но она подозревала, что их позы и без того достаточно многозначительны.

Она могла бы отстраниться. Но не сделала этого. Потому что чувствовать Маркуса так близко от себя было приятно, даже если он руководствовался одним лишь желанием ее отчитать.

– Прекрати витийствовать, Ронни. Ты меня бросила. И даже «прощай» не сказала.

Она смотрела, как движутся его губы, на мгновение обнажая белые ровные зубы и язык, который доводил ее до неистовства. Она таяла буквально на глазах, и полуобморочный мозг не успевал фиксировать смысл того, что он говорил.

– Я оставила записку, чтобы Алекс тебя не заподозрил, – не удержавшись, заметила она.

Ей дорого обошлась та записка. Она была прямой уликой и, если бы Алекс захотел, могла бы стать доказательством в суде. Но Вероника пошла на этот риск: она не пережила бы, если бы в шпионаже обвинили Маркуса.

Только потом до нее дошло, что ее исчезновение уже само по себе свидетельствовало против нее. Но к тому времени все уже было сделано. Она написала записку, исповедуясь в своем грехе перед Алексом, и уехала во Францию со смертельно больной сестрой.

Она так и не узнала, что мог сказать в ответ на ее напоминание Маркус, потому что как раз в это время к их столику подошел Джек.

– Эй, привет, вы оба! У вас как – саммит за закрытыми

дверями, или любой может присоединиться?

Маркус откинулся на спинку стула, и гавайская сорочка, другая, не та, что вчера, но столь же кричащая, натянулась на его мускулистой груди. Он двигался с непринужденной грацией.

Он не пригласил Джека к ним присесть, а лишь улыбнулся рыжеволосому боссу Вероники.

– У нас не саммит, отнюдь нет, мы с Ронни как раз вспоминали старые добрые времена.

У Джека глаза стали как блюдца.

– Старые времена?

Раздраженная тем, что Маркус снова намекает на то личное, что было у них в прошлом, Вероника все же вынуждена была пояснить:

– Я раньше работала с Маркусом в «Си-ай-эс». Джек понимающе улыбался.

– Понятно. Не он ли причина того, что вы отклоняли мои приглашения поужинать?

– Я не принимала ваши приглашения по причине, о которой я вам уже говорила. Здесь не поощряются личные отношения между сотрудниками одного отдела.

Не говоря уже о том, что ей было чем заняться после работы и эти дела были поважнее, чем сходить в ресторан с Джеком. Малютка сын и младшая сестра требовали времени и внимания.

Разумеется, как все обаятельные эгоисты, Джек просто не

мог поверить, что он не заинтересовал ее как мужчина.

Джек перевел взгляд на Маркуса и тем тоном, которым мужчины говорят о женской глупости, сказал:

– Она могла бы перейти в другой отдел, если надо, но я сомневаюсь, что Клайн обратил бы внимание на наши «неслужебные» отношения.

И зачем ей переходить в другой отдел? Отчего это мужчины всегда задирают нос, заводя роман с подчиненной?

– Мне нравится моя работа и временами даже вы, Джек. Но мне не по вкусу этот разговор.

И еще ее смутила эта сгустившаяся хмурь во взгляде Маркуса. Его покорило ее заявление, что ей нравится Джек. И не важно почему. Она решила, что все дело в том, как он видит эту ситуацию, – ему кажется, что его добыча уходит. Если у нее, Вероники, есть что-то с Джеком, он не сможет шантажом заманить ее к себе в постель.

Он никогда не связывался с женщинами, которые были «заняты».

Джек пожал плечами и отхлебнул кофе.

– Не переживай, Ронни.

Она заметила, что Джек сделал ударение на последнем слове. Не укрылось это и от Маркуса, который тут же угрожающе прищурился.

Он резко встал, поджав губы, и взял со стола подносы – свой и Вероники.

– Ты говорила, что у тебя еще много дел, моя сладкая. Я

провожу тебя.

Вероника кивнула, вставая. Не время отчитывать его за грубые манеры. Если ей все равно придется показать Маркусу его временный офис, так почему бы не сделать это сейчас?

Джек тоже вскочил:

– Эй, ребята, я с вами.

Вероника с трудом подавила желание зарычать. Последнее, о чем она сейчас мечтала, – это идти на рабочее место в сопровождении двух переполненных тестостероном мужчин. Двух самцов, готовых сразиться за территорию. Она знала, что Джек назвал ее Ронни с единственной целью показать Маркусу, что у него на нее, Веронику, столько же прав, сколько у его соперника.

На самом деле ни у одного из них никаких прав на нее не было. Она вообще не желала принимать участие в этих мужских играх на правах подсадной утки.

Маркус отнес подносы и вернулся к столу.

– Пошли.

– Вы идите, ребята, а мне надо переговорить с администратором конструкторской группы. Мы должны обсудить предстоящую конференцию – согласовать повестку дня.

Конечно, такие вопросы куда проще решать по телефону, ведь у каждого администратора перед глазами был календарь. Но ничего другого ей просто не пришло в голову.

– Как насчет моего офиса? – спросил Маркус.

– Это закуток, смежный с моим. Над дверью уже повесили

табличку с твоим именем. Ты не сможешь пройти мимо и не заметить. – Вероника злорадно улыбнулась.

Она молча прошествовала к лифту вместе с Маркусом и Джеком и удалилась, избавив себя от необходимости вновь встречаться с Маркусом. В целом она неплохо справилась с ситуацией.

– Тогда увидимся вечером, – бросил ей в спину Маркус. – В шесть возле того ресторана, где мы были в пятницу. – Может, на этот раз дело действительно дойдет до ужина.

Глава 6

Маркус смотрел, как метрдотель провожает Ронни к его столу, с радостным предвкушением.

Вообще-то он не был уверен в том, что она придет. Он видел, как грозовые тучи сгустились в ее глазах, когда он дал понять Джеку, что Ронни занята.

Однако если бы он два года назад вздумал так вести себя с ней перед Алексом, то она ни за что не пришла бы на свидание, тем самым показав, что женщину надо уговаривать, а не заставлять. И мысль о том, что она появилась здесь лишь потому, что он грозил рассказать о ее прошлом Клайну, его угнетала.

Метрдотель усадила Ронни напротив него и так же, как до этого Маркусу, дала рекомендации относительно фирменных блюд. Ронни выслушала ее с вежливой улыбкой и ничего не сказала. Даже тогда, когда метрдотель удалилась.

– Не думал, что ты придешь.

Если бы он подвинул ноги вперед на один дюйм, их колени соприкоснулись бы. Сегодня она была в юбке, и коленки ее соблазнительно округлились под ней.

Два серых, слишком серьезных глаза впились в него.

– У меня безвыходное положение.

– У всех в жизни есть выбор, Ронни, – процедило.

Она сделала этот выбор восемнадцать месяцев назад, ко-

гда предала «Си-ай-эс» и бросила возлюбленного.

– Ты прав, – согласилась она, немало его этим удивив. – Но иногда жизнь предлагает нам выбирать только из плохих вариантов, и мы останавливаемся на наименее для себя губительном.

Она говорит о сегодняшнем дне или пытается объяснить свой поступок в Портленде?

– Ужин со мной – такое уж неизбежное зло, Ронни? – не удержавшись, спросил он.

Она подняла на него загадочные серые глаза:

– Я не знаю. Теперь я ни в чем не уверена.

Ее честность удивила, впрочем, она всегда ставила его в тупик. Она никогда не играла с ним в эмоциональные игры. И из-за этого в значительной мере ее поступок по отношению к «Си-ай-эс» и к нему лично был воспринят Маркусом как удар ниже пояса.

– Расскажи мне о своих альтернативах, моя сладкая. Постарайся, чтобы я тебя понял.

Он сам поразился тому, что сказал. Вероника тоже выглядела сбитой с толку. Она взяла завернутые в салфетку приборы, неторопливо развернула ее и разложила вилки и ножи по предназначенным им местам. Салфетку она постелила на колени.

– Я не знала, что тебе захочется меня понять. Я приняла как аксиому то, что ты меня ненавидишь и на этом поставил точку.

Ей все равно, возненавидел он ее или нет?

– И тебе безразлично мое отношение?

Она посмотрела на него так, словно пыталась прочесть его мысли. Наконец она сказала:

– Раньше мне было это важно.

– Но не слишком. – Не настолько, чтобы остановиться перед предательством.

Глаза ее наполнила печаль.

– Нет, не слишком.

Боль, причиненная ее словами, была ощутима физически. То, что он чувствовал, не имело для нее решающего значения. Их отношения она считала не настолько важными, чтобы отказаться от планов сорвать куш.

– Ты сказала, что поставила деньги на кон.

От этой мысли ему было не по себе, его даже затошнило. Он был близок с Ронни как ни с одной женщиной, а она предпочла ему игру по крупной.

– Да. Я пошла на риск. Ради спасения жизни сестры.

Он не знал, что на это сказать. К ним подошел официант. Прыщавый подросток представился и, как до этого его начальница, стал перечислять достоинства фирменных блюд.

Маркус перехватил взгляд Ронни и подмигнул. Он видел, что она с трудом подавляет смешок. Господи, лучше бы он этого не видел. Он чертовски соскучился по ее смеху.

Они с Ронни сделали заказ, и официант по имени Джейсон удалился лишь затем, чтобы через минуту вернуться

с напитками. Маркус понял, что разговор без посторонних невозможен.

– Я хочу завершить нашу беседу, но не здесь, – предложил он.

Она, прикусив губу, кивнула:

– Идет.

Чтобы уйти от взрывоопасной темы, он сказал:

– Алекс говорил мне, что ты ему как-то звонила.

– Да.

– Но только один раз. – Да уж, совсем не опасная тема.

Он вещал, как прокурор на суде, и ничего не мог с собой поделаться.

– Не видела в этом смысла. Он заверил, что прощает меня и не станет подавать в суд. Я сказала, что сожалею о содеянном, и поблагодарила его. Я не знаю, о чем говорить в этом случае.

– Ты не спросила обо мне. – Вот черт! Он мог с тем же успехом заявить о своих чувствах, расписав их метровыми неоновыми буквами над крышей самого высокого небоскреба.

Вероника поменяла местами солонку и салфетки в центре стола.

– Мне не хотелось услышать о твоём осуждении. Не задавая вопросов, я могла делать вид, что не знаю правду. И даже воображать, будто ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы поверить, что я не совершила бы такого без достаточных

оснований.

– А это так?

Вероника вытянулась в струнку и обвела взглядом сумрачный ресторанный зал. Затем посмотрела ему в глаза:

– Ты сказал, что мы об этом поговорим позже.

Маркус прикусил язык. Не стоило пускаться в откровения, когда официант уже приближался к их столу с двумя тарелками салата.

– Отлично. О чем же ты хочешь поговорить?

Она задумалась над его вопросом надолго – дольше, чем он ожидал. Заправила за ухо прядь шелковистых волос.

– Я не знаю. Почему бы тебе не рассказать о «Си-ай-эс»? Как там идут дела. Об Алексе и Изабел, о прошлогоднем Фестивале роз.

Он смотрел на нее во все глаза. Впервые ему пришлось в голову, что ей очень всего этого не хватало. Как-то она сказала ему, что считает «Си-ай-эс» своей второй семьей. Тогда ее сентиментальность удивила его, учитывая, как сдержанно она вела себя в офисе. До него начало доходить, что побудить ее оставить то, к чему она привыкла, с чем сжилась, могли только крайне серьезные причины. Она сказала, что поставила на кон жизнь сестры. Действительно, ради этого стоило все бросить.

– Теперь я партнер «Си-ай-эс».

– В самом деле? – Она явно была за него рада. – Не удивляюсь. Вы с Алексом всегда были больше похожи на братьев,

чем на коллег по работе.

– Именно так он и сказал, когда попросил меня стать крестным его дочери.

– У них с Изабел ребенок? – Глаза у нее округлились.

– Да.

– И сколько же девочке?

Маркус если и задумался, то лишь на секунду.

– Теперь уже месяцев десять. Хоуп – просто куколка. Она уже начала ходить. Ранняя девочка. Я сказал Изабел, что она и в других делах тоже может оказаться ранней. Она очень сообразительная. Мне пришлось обезопасить свою квартиру, перед тем как пустить Хоуп там похозяйничать.

– Ты сидел с ребенком? – Вероника была ошеломлена самой возможностью этого.

– Да. Никогда не забуду, как Изабел в первый раз привезла ко мне Хоуп. Она сказала, что хочет устроить Алексу сюрприз, побыв с ним несколько часов наедине. – Маркус и сам не знал, откуда у него возникло ощущение, что правильно делает, рассказывая об этом Ронни. Ведь он никому об этом не говорил. – Хоуп было тогда два месяца, и ее еще кормили грудью. Когда я поднял этот вопрос, Изабел достала бутылочку, пакет с памперсами и заверила меня, что все пройдет отлично. Я был в ужасе, но к тому времени как Изабел и Алекс заехали ко мне, чтобы забрать Хоуп, я уже влюбился в нее по уши. Так что я стал вторым приближенным к принцессе после Присциллы.

– Вторым? – слабым голосом переспросила Вероника.

– Ну да. Присцилла, будучи бабушкой Хоуп, имеет привилегии по части того, чтобы нянчиться с маленькой принцессой. А я второй приближенный.

Ронни явно пришлось сделать над собой усилие, чтобы справиться с потрясением.

– Присцилла – это мать Алекса, верно?

– Да. И она же администратор «Си-ай-эс».

Маркус внимательно наблюдал за тем, какотреагирует на эту новость Ронни, и был вознагражден, увидев, как на щеках у нее появилось два красных пятна и как прищурились ее красивые серые глаза.

– Мама Алекса – ваш новый администратор?

Он улыбнулся, поздравив себя с удачным утренним розыгрышем.

Ей не пришлось по вкусу, как он тогда отозвался о новой секретарше, и Маркус был этому рад. Ему тоже чертовски не понравилось, что Джек пребывал в поиске и Ронни была его главной мишенью. Маркуса раздражали его неожиданные чувства в отношении женщины, которая его предала и оставила. То, что он увидел сейчас, несколько его успокоило. Пусть она его бросила, но он все же кое-что для нее значит. По крайней мере ревновать его она не разучилась.

– Как я уже говорил, она не такой умелый организатор, как ты, но ее преданность не вызывает сомнений.

Он готов был прикусить себе язык – такая боль отрази-

лась при этих словах в глазах Ронни. Последнее предложение вырвалось у него случайно – инстинктивно ему хотелось щелкнуть ее по носу.

– Я не хотел этого говорить.

Вероника взяла в руку вилку. Она старательно не встречалась с ним взглядом.

– Может, нам не стоит разговаривать? Просто поедим молча и все.

– Давай поедим.

Несколько минут они ели молча, пока он не напомнил себе, что, как ни важны для него его личные отношения с Ронни, сюда он пришел по делу. И задача его – выяснить, кто в «Клайн технолоджи» шпионит на конкурентов.

– Сегодня днем ты сказала, что тебе нравится твоя работа, – начал Маркус, нащупывая нейтральную тему.

Она кивнула, доела салат и отодвинула тарелку.

– Мне интересно здесь, и я чувствую себя на месте в «Клайн технолоджи».

– Джек сильно на тебя насаждает?

Откуда, черт возьми, взялся этот вопрос? Эта тема уж точно не относилась к числу нейтральных. Но, возможно, у них вообще не может быть безопасных тем.

Вероника пожала плечами:

– Раза два он приглашал меня на свидание. Я никогда не испытывала особого давления с его стороны и поэтому не отвечала согласием.

– А если бы он настаивал?

Вероника глотнула воды, прежде чем ответить. Она поставила стакан на стол и пристально на него посмотрела, буря взглядом.

– Ты пытаешься выяснить, грозит ли твоей попытке шантажа успех?

Когда оппоненту нечего сказать, всегда можно ответить вопросом на вопрос.

– А что, если и пытаюсь?

– Мне это все равно. Я не собираюсь перед тобой отчитываться вне зависимости оттого, чем мотивирован твой интерес к этой теме.

Она говорила тихо. Он хорошо знал этот голос, этот тон. Сейчас она упиралась маленькими пятками в землю так, что ее никакими силами не сдвинуть.

– Давай вернемся к теме «Клайн технолоджи». Это хорошая компания. Что ты думаешь по поводу возможного расширения?

Вероника заерзала на стуле.

– Я не думаю, что экспансия – верная стратегия при нынешнем экономическом климате. У мистера Клайна есть продукт, востребованный потребителем, и его долгосрочные рыночные прогнозы говорят о хорошей перспективе. Если он попытается начать экспансию и потерпит неудачу, то его компания, сегодня крепко стоящая на ногах, окажется в зоне риска.

– Компания стоит прочно, это верно. Но за последние несколько месяцев случались крупные срывы. Конкуренты выходят на рынок с аналогичной продукцией как раз перед тем, как это делает «Клайн технолоджи», пресса получает доступ к информации о конструкторских недоработках, прежде чем недостатки исправлены...

Раздался звон стекла. Стакан ее упал на тарелку, и вода потекла по столу.

Вероника торопливо поставила стакан и промокнула растекавшуюся воду салфеткой.

– Прости, я такая неловкая.

Маркус жестом подозвал официанта и, когда паренек подошел, попросил у него полотенце, чтобы все убрать.

У него свело живот, когда Ронни, осмелившись поднять на него полные ужаса глаза, сказала:

– Так ты говорил, что?..

– Я хочу сказать, что с учетом всего того, что происходило за последние месяцы, может, и стоит «Клайн технолоджи» начать экспансию, чтобы показать всем, что у них есть на это силы.

Она кивнула:

– Мне понятна твоя точка зрения.

То, как она это сказала, навело Маркуса на мысль, что она пытается вести себя естественно, но у нее это не вполне получается.

Черт! Он не хотел, чтобы она чувствовала себя виновата-

той. У него от этого кишки сводило. Кроме того, чтобы окончательно счесть ее шпионкой, ему требовалось нечто большее, чем созерцание неадекватности ее реакции на его якобы невинные вопросы.

Джордж Клайн откинулся на спинку дивана рядом с Эллисон и закрыл глаза. Он не станет думать о работе. Волнения и тревоги, раздумья о том, внедрился в его компанию шпион конкурентов или нет, – это он оставит на потом. А сейчас... Сейчас ему просто хорошо. Он ощущал полную гармонию со всем сущим. Спасибо Эллисон. Она умела привести все, включая его самого, в состояние равновесия.

Эллисон пригласила его поужинать после работы. Если бы у него был выбор, он бы каждый вечер проводил с ней, и каждую ночь тоже. Но у них у обоих были взрослые дети и собственные обязанности и дела – порознь друг от друга. Однако время, проведенное с ней, даровало ему покой, который он больше нигде обрести не мог.

Как бы он жил, если бы у него не было Эллисон? Только с ней он мог снять стресс. Груз ответственности, лежащий на руководителе огромной компании, улетучивался, когда они были вместе. Ему было просто хорошо.

– Эй, милая, почему бы тебе не присесть рядом и не поколдовать надо мной? – Южные корни его давали о себе знать, когда он был с Эллисон наедине, но в остальное время по его речи никто бы и не догадался, что первые пятнадцать лет жизни он провел в Техасе.

Она засмеялась. Тихо и мелодично.

– У тебя появляется эта тexasская тягучесть, когда тебе хочется заняться любовью, так что я точно знаю, что произойдет, когда я к тебе подсяду.

– Я зацелую тебя до бесчувствия и заласкаю так, чтобы ты застонала.

У нее перехватило дыхание. Эллисон замерла с музыкальным диском в руках – она как раз собиралась включить музыку. Руки задрожали, но она нашла в себе силы поставить диск и включить музыку, прежде чем обернулась к нему. В глазах ее было чувственное обещание.

– Ты не обманываешь? Он протянул руку:

– Иди ко мне.

Она подошла, и он усадил ее к себе на колени, сжав ее талию с несколько большим усилием, чем для этого требовалось. Но она не думала возражать.

Ее тело само открывалось ему навстречу. Он не помнил женщины, которая бы откликнулась на его призыв с такой непосредственной страстностью. Эллисон умела быть щедрой и отдавала себя без остатка.

Он запрокинул ее голову и стал целовать, рука его по-хозяйски легла ей на грудь. Он и не думал скрывать собственническое к ней отношение, когда они бывали только вдвоем.

Она начала расстегивать пуговицы его рубашки, и они целовались, ласкали и дразнили друг друга под пение Джорджа Страйта.

Когда одежды были сброшены на пол и губы ее и руки довели его почти до неистовства, когда терпеть более нет сил, он понес ее в спальню.

Джордж положил ее на кровать и достал презерватив из тумбочки возле кровати.

– С тобой, Эллисон, я чувствую себя как подросток. Мне даже не хочется терять время на предохранение.

Она дерзко раскинула ноги.

– И я тоже не хочу ждать.

Руки его дрожали, пока он натягивал презерватив, и когда он вошел в нее, поразительное чувство второго рождения овладело им вновь. В том, что он испытывал, было нечто мистическое.

Потом они лежали под одеялом, крепко прижавшись друг к другу, и по ее мерному дыханию он понял, что она уснула, хотя было еще сравнительно рано. И в том, что эта спящая женщина лежала с ним в постели, не было ничего противоестественного. Надо как-то урегулировать их отношения. Клайн решил, что займется этим сразу после того, как Данверс найдет шпиона.

А пока вот такие ночи служили ему напоминанием о том, что «Клайн технолоджи» не единственное, ради чего стоит жить.

– Я провожу тебя до дома, а потом мы покатаемся и поговорим в машине.

Вероника кивнула в ответ:

– Хорошо. – Его предложение было разумным. Им надо обсудить свои дела там, где никто не станет мешать.

Полчаса спустя, уютно устроившись в кожаном пассажирском кресле «ягуара» Маркуса, Вероника молча ждала, пока Маркус заговорит. Она думала, что он начнет требовать от нее объяснений по поводу того, что произошло полтора года назад, как только они останутся наедине. Но Маркус не торопился начинать допрос – казалось, он о чем-то глубоко задумался.

Вероника не спешила поднимать эту тему, поскольку не смогла бы объяснить Маркусу свое решение продать секреты фирмы Харрисону, не рассказав ему обо всех обстоятельствах, которые подвигли ее на этот поступок. Она не просто боролась за жизнь сестры, надо было принимать в расчет и собственную беременность.

Возможно, она могла бы начать исповедь издалека – как это все началось.

– Мой отец был строителем. Неплохой способ зарабатывать на жизнь. Но когда работаешь на себя, а не на хозяина, всегда рискуешь, а мой отец не слишком хорошо умел планировать будущее.

Маркус резко повернул голову и не меньше секунды напряженно смотрел на Веронику. Он рисковал попасть в аварию. Хорошо, что дорога была почти пустой.

– Что было дальше?

– Отец и мама трагически погибли – утонули, когда их

катор перевернулся, в то лето, когда мне исполнилось двадцать. Я как раз начала работать в «Си-ай-эс» на полставки, а ты встречался с той блондинистой секс-бомбой, кажется, ее звали Синди.

Зачем она это сказала? Неужели ей и в самом деле хочется, чтобы он узнал о ее постоянных унижениях? О том, что она знала по имени каждую из его многочисленных подружек, с которыми он крутил романы все три с половиной года, что они работали вместе?

Маркус махнул рукой:

– Я и не помню, с кем тогда встречался. – Он крепче схватился за руль. – И вроде ты не говорила мне о смерти родителей.

Вероника посмотрела в окно. Фонари отражались в воде пролива – они ехали по мосту, возвращаясь в западную часть города.

– Я и не говорила. Только сказала Алексу, что у меня в семье произошло несчастье, и попросила дать мне отгулы, чтобы подготовить похороны. Я была тогда сама не своя – не могла выйти из шока. Мне было всего лишь двадцать, и внезапно на меня свалилось все сразу. Я должна была утрясти дела с закрытием бизнеса отца, разобраться со всей этой бумажной волокитой. В тот моментя не вполне осознавала, что стала главой семьи – Дженни перешла на мое полное попечение. Но я должна была вести обыденную жизнь – ходить на работу, в университет, иначе я просто сломалась бы от

горя. Отчаиваться и горевать я себе не позволяла – загоняла эмоции вглубь.

Маркус свернул с моста и поехал по Харбор-авеню. Дорога петляла, повторяя очертания скальной гряды, и вела на смотровую площадку, на которой Маркус остановился.

– Не хочешь выйти подышать?

Вместо ответа Вероника открыла дверь и шагнула на тротуар. Она прошлась по площадке, любуясь раскинувшимся внизу, мерцающим огнями ночным Сиэтлом. Ей начинал нравиться этот город-космополит на воде. Она чувствовала себя в безопасности в этом плавильном котле различных культур, в мегаполисе, вмещавшем в себя великое множество самых разных людей.

Обхватив себя руками за плечи, Вероника подставила ветру лицо. Запах океана, его свежесть помогли прочистить мозги.

Маркус подошел и встал рядом. Поверх гавайской рубашки он накинул поношенный кожаный пиджак. Коричневая замша казалась соблазнительно мягкой в вечернем свете, рука так и тянулась к ней прикоснуться.

– Ты говорила, что твой отец не слишком хорошо умел планировать будущее.

– Да, не слишком, – сказала она, стараясь не думать о том, как было бы приятно к нему прикоснуться. – Жизнь его не была застрахована, и, сколько я себя помню, ни у кого из нас никогда не было медицинской страховки. Однако бизнес

отца давал нам приличную сумму. Во всяком случае, этих денег хватило бы на то, чтобы я смогла закончить учебу и прокормить Дженни до той поры, пока не найду себе хорошо оплачиваемую работу – после получения диплома.

Он положил ладонь на ее предплечье, и даже сквозь трикотажное полотно она почувствовала жар его пальцев.

– Но все сложилось не так, – тихо подсказал он.

– Не так.

– Дженни заболела.

– Да. Год я продержалась – чертовски трудный год. Но я думала, что справлюсь и дальше. Алекс предложил мне работать полный день, и я пошла на это, скорректировав расписание занятий так, чтобы можно было совмещать учебу с полной занятостью. Дженни училась и занималась спортом, так что моего присутствия дома и не требовалось. Иногда лекции в университете совпадали с занятиями Дженни в спортивной секции, но это не всегда получалось.

Маркус покачал головой:

– Ты пыталась прыгнуть выше головы, черт возьми. Нельзя сказать, чтобы ее усилия принесли добрые плоды. Ни Веронике, ни Дженни этот героизм пользы не принес.

– Возможно. Сейчас это уже не имеет значения. Когда Дженни заболела, все завертелось, словно при ускоренной перемотке пленки, когда смотришь фильм. Больничные счета нарастали стремительно. Они росли куда быстрее, чем мои возможности их оплатить. Мне пришлось продать дом

и все, что имело хоть какую-то ценность. Мы переехали в маленькую квартиру, и я попыталась попасть в программу медицинского вспомоществования штата Орегон, но оказалось, что я не прохожу по доходам – зарабатываю слишком много.

Маркус тихо выругался. «В каком жестоком мире мы живем!»

– В любом случае это не имело значения. За лечение ее болезни штат все равно не заплатил бы, потому что она заболела до того, как я подала заявление на получение медицинской страховки.

– И что же ты решила предпринять?

Вероника обреченно вздохнула. Ее мог понять лишь тот, кто побывал в ее шкуре. Кто не понаслышке знает о том, как от отчаяния опускаются руки.

– Сестра слабела день ото дня. Врачи продолжали обнадеживать. Обещали со дня на день начать лечение каким-то чудесным препаратом, который вот-вот должны одобрить соответствующие службы. Но чуда не произошло.

– Черт побери, ты ничего не говорила. Ни когда умерли твои родители, ни когда заболела Дженни. Почему?

Вероника отстранилась от него и отвернулась. Одной темноты было мало, чтобы укрыться от его вопрошающего взгляда.

– Я не могла. Стоило завести об этом разговор, и все стало бы настоящим, и боль невозможно было бы вынести. Я все-

гда была довольно замкнутой, но со смертью родителей стала совсем скрытной. Наверное, причиной тому была тоска, которую я ни с кем не хотела делить. После аварии я стала как автомат, вы с Алексом меня таки называли – роботом. Я ничего не имела против клички, что вы с Алексом мне дали. Робот-секретарь. Автоматом быть не так уж плохо. Он не умеет страдать, и от него не ждут человеческих эмоций. И я старалась разучиться чувствовать. По крайней мере в рабочее время. Это помогало мне забывать о моем горе. Я должна была удержаться на работе, потому что без нее не смогла бы содержать Дженни. Я не могла позволить себе целыми днями рыдать, поэтому просто не допускала чувств вообще.

Когда Дженни заболела, я так привыкла со всеми проблемами справляться в одиночку, что мне даже в голову не приходило, что можно кого-то попросить о помощи. Кроме того, Алекс изменился, с тех пор как я пришла на работу. Он думал только о том, как отомстить Хар-рисону. Я надеялась, что, женившись на Изабел, он смягчится. Но нет, он все так же маниакально мечтал о том, чтобы смести с дороги ее отца. К Алексу я не могла обратиться за помощью. Какая ему разница: умрет моя сестра или выживет? Я была всего лишь его секретаршей-роботом.

– Это не так. Алекс помог бы. Вероника горько рассмеялась.

– Все было именно так. Смею напомнить – я там работала вместе с тобой. Кроме того, чем мог бы помочь мне мой

босс? Дать мне надбавку?

– А я? Почему ты не пришла с этим ко мне? Я был твоим любовником.

Его слова были как пощечина. В горле встал горький ком.

– Верно. Давай посмотрим правде в глаза, Маркус. Я была для тебя временной партнершей по сексу, и ничем более. Ты с самого начала недвусмысленно объяснил, каково твое отношение к обязательствам и прочей ерунде. Но для меня слово «обязательства» имело очень реальный смысл. У меня сестра умирала.

Она отвернулась от него, от огней, отражавшихся в воде.

– В Европе врачи многого достигли в лечении того заболевания, что было у моей сестры. В США тоже планировали провести клинические испытания европейского препарата, но сроки проведения исследований все откладывались. Свой шестнадцатый день рождения Дженни встретила в больнице во Франции, вся в проводах, ведущих к мониторам. Ни вечеринки тебе, ни бойфренда. Ни новой машины. Я тогда не могла себе позволить даже лишних шнурков купить, не то что машину. Да и водить ее бы не смогла. Я была готова пойти на все, чтобы не дать сестре умереть.

Он схватил ее за плечи и прижал к себе – спиной к груди.

– И на то, чтобы продать конкурентам секреты компании, – сказал он каким-то странным хриловатым голосом.

Она не смела позволить себе расслабиться, прикинуть к его груди, согреться теплом его тела. Не могла показать ему

свою слабость. Но ей так этого хотелось!

– Да. – Вероника попыталась высвободиться.

– Расскажи мне об этом, – потребовал он, не отпуская ее.

– В ту ночь я так и не смогла заснуть, пытаясь найти способ, как добиться, чтобы Дженни получила то лечение, в котором нуждалась. И пришла к выводу, что у меня есть только один путь. – Ее до сих пор преследовало воспоминание о мучительных раздумьях той ночи. – Я отправилась к Харрисону на следующий день после дня рождения Дженни. Он был весьма заинтересован в получении информации, которую я могла ему предложить. Когда я рассказала ему о Дженни, он предложил мне большую сумму, чем та, на которую я рассчитывала. Этих денег хватило бы на то, чтобы мы обе жили во Францииво время ее лечения, чтобы оплатить услуги врачей и вернуться домой.

– Ты рассказала о своих проблемах Харрисону, но ничего не сообщила мне? – Она почувствовала, как от возмущения дрожит его голос; рука его до боли сжала ее предплечье.

– Тебя не интересовала моя личная жизнь. Мы не были настолько близки, – напомнила ему Вероника.

Он мог хотя бы взглянуть правде в глаза, а не вести себя как обиженный мальчишка. Он развернул ее к себе лицом.

– Я спал с тобой. Куда еще ближе?

Вероника втянула воздух. Воспоминания о тех самых «близких отношениях» были как пытка.

– Ты помнишь тот, первый, раз, когда у нас был секс?

Он нежно провел ладони вверх по ее предплечью. Глаза их встретились.

– Как я могу забыть?

– Ты тогда сказал мне, чтобы я не ждала невозможного – никаких прочных отношений, никакого будущего. Это просто секс, секс высшего качества, но не любовь. Ты не веришь в любовь.

– Ты решила, что я ничего не хочу о тебе знать, кроме того, что ты представляешь собой в постели? – спросил он так, словно сам не мог поверить в то, что говорит.

– А что еще я должна была думать? – Но надежда, взявшаяся из ниоткуда, словно муравьи на пикнике, уже зародилась в ней.

Он отпустил ее и повернулся лицом к воде. К отражавшемуся в водной глади искристому нарядному городу. Все его большое тело словно свело от непонятого напряжения.

– Я не знаю, Ронни. Я спал с тобой, ласкал тебя, как до меня ни один мужчина; ты сама мне говорила.

– Да, но не говори, что ты делал со мной то, чего не делал с другими женщинами. – С женщинами куда красивее, чем она, Ронни, гораздо более подходящими под стандарты Маркуса.

Руки его сжались в кулаки, но он промолчал. Она не могла это так оставить.

– Ты никогда не говорил мне, что видишь во мне что-то особенное. Что относишься ко мне не так, как к другим сво-

им подругам... Разве ты хотел от меня большего, чем секс?

Маркус махнул рукой:

– Теперь это уже не имеет значения, не так ли?

Она почувствовала, что тело ее само к нему потянулось. Она даже руку подняла, но вовремя себя остановила. И не стала к нему прикасаться.

– Вероятно, нет. Но я все же хочу сказать тебе, что я тебя любила.

Теперь эти слова ничего не могли изменить. И, следовательно, ничего не значили. Слишком много воды утекло. Она сделала в жизни свой выбор. Он еще не знает о нем, но ей придется ему сообщить. Хотя бы раз она должна была сказать правду о своих чувствах.

Он покачал головой, и светлые пряди сверкнули в искусственном освещении, льющемся с улицы, что была у них за спиной.

– Ты не доверяла мне. Предала «Си-ай-эс». Бросила меня и обесчестила себя, вместо того чтобы обратиться ко мне за помощью.

Отчего так мрачно звучит его голос? Что это – приговор или высказанная боль? Неужели она ошиблась полтора года назад? Иона действительно стала ему небезразлична? Вдруг он помог бы ей? Захотел бы ее ребенка, разделил бы с ней тяжелую ношу – болезнь Дженни?

Вопросы эти были бессмысленными. Даже если полтора года назад он и готов был все это сделать, в одну реку нельзя

войти дважды. Сейчас надо жить настоящим.

Слезы защипали глаза, но она не даст им воли. Начав плакать, ей уже не остановиться.

Это уже не имело значения. Сделанного не исправишь. Если она раньше и была Маркусу небезразлична, то теперь ему на нее наплевать. Он сам так сказал. Она предала его и себя, потому что не верила в его чувства. Просить о помощи можно лишь того, кому доверяешь. Он не был в их числе.

Но она не переставала мучиться сомнениями. Как бы он поступил, если бы она пришла к нему тогда? Ведь для того чтобы спасти Дженни, одной жилетки, чтобы в нее выплакаться, мало. Едва ли он был готов дать ей то, о чем она могла бы его попросить. И вряд ли с радостью воспринял бы весть, что она готовится стать матерью его ребенка. Нет, она не станет говорить ему о сыне. Она еще не в силах принять удар.

Глава 7

Маркус искоса посмотрел на молчавшую Ронни. В густых сумерках он мог разглядеть лишь ее силуэт.

Вот уже минут десять они ехали молча. Она отделялась односложными репликами и всем своим видом давала понять, что говорить не настроена. Закончив исповедь, она замкнулась в себе. По всей видимости, объяснив ему причины своего поступка, она сочла, что все темы исчерпаны и говорить им больше не о чем. Разве она не понимала, что ее ответы вызвали еще больше вопросов?

Если честно, то и он не был настроен на праздную болтовню. Узнав о смерти ее родителей и болезни сестры, он чувствовал себя так, словно его со всей силы ударили под дых.

Почему она ничего ему не сказала тогда?

Она ему ни на грош не верила. Ладно, пусть он с самого начала дал понять, чтобы на длительные отношения она не рассчитывала. Но это же не значит, что она должна была скрывать от него свою жизнь? У каждого мужчины есть свой Армагеддон. И эта чопорная маленькая секретарша-робот стала им для него. Она затронула в нем что-то такое, чего ни одна женщина не могла разбередить. Но не понимала этого.

Его желание обладать ею никогда не утихало: ни за краткие месяцы их романа, ни за полтора года, что миновали по-

сле него. Он думал о будущем, а она – как спасти жизнь сестры. Без его помощи.

И куда это их завело? И как насчет того шпиона (или шпионки), что работает сейчас в «Клайн технолоджи»?

– Ты как-то сказала мне, что сейчас твоя сестра здорова. Это правда?

Ему показалось, что голос его откликнулся эхом в пустой машине, но она все же ответила, хотя и не сразу.

– В смысле физическом – да.

– Что ты хочешь этим сказать?

Ронни повернула голову и стала смотреть в окно, любуясь ночным пейзажем.

– Тело ее снова здорово, но ей многое надо наверстать. Она провела год, не вылезая из больниц, и еще один – под химией. С тех пор как курс химиотерапии закончился, она учится на дому, чтобы наверстать упущенное в школе и догнать сверстников. И еще она ждет, пока волосы снова отрастут. Она хочет последний год провести в обычной школе и затем продолжить обучение в колледже.

Судя по голосу, Ронни не верила в возможность осуществления последней части.

– Разве это плохой план?

Возможно, ей претит желание Дженни учиться в колледже, потому что самой Веронике пришлось учебу бросить. Он помнил, как не мог понять, почему она это сделала. Но теперь он знал причину. Даже имея такую железную волю,

как у Ронни, никто не в силах одновременно работать полный день, учиться да еще ухаживать за сестрой, которую то выписывали из больницы, то снова клали на лечение.

Он чувствовал, как от нее исходят волны горького разочарования и неверия в свои силы.

– План отличный. Только неосуществимый. Она намерена доучиться последний год с друзьями в Портленде, в старой школе. Я же работаю здесь, в Сиэтле. Она хочет поступать в университет, а я не уверена даже в том, что смогу осилить плату за обучение в муниципальном колледже, с частичной оплатой правительством штата. И она так все хорошо понимает. Она не ропщет, когда я не в состоянии купить ей фирменные вещи, которые носят ее сверстники из других семей. Она...

Ронни замолчала, и ему показалось, что она подозрительно шмыгнула носом.

– Ты плачешь?

– Глупый вопрос.

– С чего мне плакать? – запальчиво спросила она, словно он оскорбил ее таким предположением.

О, черт! Вероятно, он ее обидел. Маркус протянул руку и пожал ей ногу повыше коленки. Он не умел успокаивать по-другому.

– Прости, малыш.

Слова эти никак не подходили к случаю, но он не знал, что еще сказать. Он еще не вполне пришел в себя от ее шо-

кирующей откровенности. Он не понимал, почему она так щедро делилась с ним обстоятельствами своей жизни сейчас, в то время как полтора года назад ничего ему не говорила. И подозревал, что завтра она горько пожалеет о своем прямодушии.

И еще она сказала, что любила его тогда.

Вот черт! Он не знал насчет любви, но подумывал о том, чтобы сделать ее постоянной подругой. Ему даже приходило в голову спросить ее, не переедет ли она к нему. Да, он ничего ей об этом не говорил. Как-то не представился случай. Или посчитал, что она сама обо всем догадывается. Он нуждался в ней, это было очевидно, как теперь ему кажется вполне логичным, что она объясняла себе его потребность в ней неумемной похотью, и только.

Она сказала, что для себя она черпала в их отношениях нечто большее, чем секс, но так ли это на самом деле? Если бы она действительно его любила, разве не поделилась бы с ним своими невзгодами? Разве не обратилась бы к нему за помощью, вместо того чтобы бросить его и разрушить все, что между ними было?

Вероника судорожно вздохнула.

– Спасибо, но за меня можешь не волноваться. Я сама справлюсь. Как всегда.

Интересно, входит ли в ее представление о том, как следует самой решать проблемы, использование таких сомнительных средств, как работа на конкурентов и промышлен-

ный шпионаж? Маркус не знал. И сейчас, сидя с ней рядом в машине, он не был уверен в том, что хочет получить этот ответ. Он вообще не желал ни о чем думать, когда запах ее наполнял тесное пространство машины и тело ее было так близко, что стоило лишь руку протянуть, чтобы к ней прикоснуться. Все время пребывания в ресторане и потом, пока она делала все эти ошеломляющие признания, тело его гудело, как телеграфный столб, от докучливого желания. Гордиться тут было нечем, но факты – вещь упрямая. Он не мог не признаться, что постоянно, мучительно, неотступно думает о том, какая она под одеждой. Вместо того чтобы разбираться в проблеме, кто в «Клайн технолоджи» занимается промышленным шпионажем.

Ему надо бы ликовать. Его расследование близилось к завершению. Увы, но сейчас он думать не мог, он только чувствовал. Ее боль. Ее разочарование. И собственное желание. Оно пульсировало в нем с интенсивностью африканского барабанного боя.

Он заехал на автостоянку рядом с домом, где жила Вероника. Выключив двигатель, обернулся к ней. Он молчал. Говорить было нечего. Он хотел ее так сильно, словно и не было всех этих восемнадцати месяцев. Ему было жизненно необходимо к ней прикоснуться и почувствовать отклик ее тела.

Она отстегнула пристяжной ремень, но дверь сию же минуту открывать не стала. Чувствовала ли она тот же заряд желания, что и он? Ощущала ли, как сильно он нуждался в

том, чтобы снова ощутить ее вкус?

– Ты собираешься рассказать Клайну о том, что случилось в «Си-ай-эс»? – Слова ее были как удар плетью.

Ему не хотелось возвращаться к этой теме прямо сейчас. Он не желал размышлять о расследовании, об ответственности перед клиентом. Он что-нибудь придумает – что-то, что защитило бы Ронни и все же дало ему возможность выполнить обязательства перед Клайном. Он пока не знал как, но был уверен, что сумеет это сделать.

– Из-за этого не переживай.

Она вскинула голову и повернулась к нему:

– Как ты можешь так говорить? Теперь ты понимаешь, насколько важна для меня работа. Я не могу позволить себе оказаться на улице.

– На этот раз ты не одна.

Он не мог обещать ей, что она останется на работе. Он не знал, как сможет она удержаться на рабочем месте, если и в самом деле взялась за старое, но он обязательно ей поможет. Он не позволит ей и дальше бороться за выживание в одиночку. Она засмеялась:

– Да. Понятно. Просто скажи мне, как ты намерен распорядиться информацией о моем прошлом в «Си-ай-эс».

Он покачал головой. Он не мог думать о «Клайн технолоджи» в тот момент, когда ее запах кружил ему голову. Он положил ей руку повыше колена, ощущая, как под тканью юбки напрягись мышцы. Он провел ладонью вниз по ноге,

нежно лаская ее, пока ладонь его не накрыла колено, прикрытое только тонкой шелковистой тканью чулка.

Господи... Носит ли она все еще чулки? Он помнил, как впервые увидел ее маленький белый пояс для чулок. Этот предмет туалета явно не был эксклюзивным изделием «Виктории Сикрит», но он возбудил его так, что и вспомнить страшно.

– Маркус!

Он слышал резкий тон, каким она произнесла его имя, но не отреагировал на него. Он должен был почувствовать ее вкус. Прямо сейчас.

Не дав ей шанса с ним поспорить, он наклонил голову и стремительно овладел ее ртом. Она слегка приоткрыла его, и ее полураскрытые губы были как оазис в пустыне для его изнывающей от жажды души. Она попыталась отвернуться, но он повернул голову в том же направлении, не отрывая губ, вызывая к отклику, который не давал ему уснуть еще долго после того, как она уезжала от него к себе.

Ее рука сжалась в кулак, захватив ткань его рубашки. Возможно, она изначально собиралась его оттолкнуть, но закончилось тем, что притянула его к себе еще ближе. Он не стал препятствовать. Схватив ее за бедро однойрукой и сжав в другом кулаке прядь ее шелковистых волос, он поцеловал ее еще крепче, так что языки их сплелись в страстном соитии, вызывая к слиянию тел.

Она тихо застонала. Также, как раньше. Маркус пропал.

Если он не прикоснется к ней, не почувствует шелковистую гладкость ее кожи в ближайшие тридцать секунд, то тело его просто взорвется от неудовлетворенного желания. Он потянул за свитер с ретивостью подростка. Он просто не мог заставить себя притормозить. Куда только делась его легендарная неспешная техника обольщения, его способность не торопить развязку!

Но его противоестественная неуклюжесть оправдала себя в тот момент, когда пальцы его соприкоснулись с ее кожей. Он весь задрожал – таков был эффект от прикосновения к телу, которое он желал, не находя утоления, целых полтора года.

Она затихла, и он почувствовал то же, что и в тот первый раз, словно она ждала со смешанным чувством ужаса и предвкушения грядущей ласки. И, как тогда, он не захотел ее разочаровать.

Кончиками пальцев легко проведя по ее ребрам, он и настрой поцелуя несколько изменил. Если этот поцелуй начинался как поцелуй изголодавшегося, то теперь губы его мяли ее рот, словно желая успокоить, утешить.

Он хотел, чтобы она желала его также сильно, как он ее. Чтобы не боялась близости между ними.

Он чуть отвел от нее губы.

– Потрогай меня, крошка. Пожалуйста.

Она распахнула ресницы, и он прочел ужас в ее глазах. Он едва не выругался, но вовремя прикусил язык. Он не хотел ее

пугать. Он жаждал ее любить. Он снова ее, поцеловал, давая возможность губам вести молчаливый диалог с ее губами. Она пыталась вжаться в спинку, отстраниться, но он ни за что ей не позволил бы. Неужели она не понимала, что он не в силах отпустить ее?

Он провел языком по контуру ее губ, поддразнивая. Побуждая ее открыть рот навстречу его поцелуям. Она застонала, и губы ее приоткрылись. И этого было достаточно.

Он вошел в ее рот с настойчивой решимостью сломать последнее сопротивление и с той же целью позволил ладони накрыть ее грудь. Сквозь тонкий хлопок ее бюстгалтера он чувствовал, как напрягся и вжался в ладонь ее сосок.

– О да, детка. Ты меня так возбуждаешь. – Он таял, и она тоже.

Напряженности в ее теле больше не было. Он чувствовал вкус победы на губах. Она прерывисто дышала, прижималась грудью к его руке, и ее ладонь скользнула по его бедру в опасной близости к напрягшемуся пенису.

Он слегка изменил позу, чтобы кончики ее пальцев прикоснулись к нему, застонал под ее пальцами и, исполненный желания, подвинулся так, чтобы теснее прижаться к ней. И врезался в ручку переключения скоростей.

Не могли они заняться любовью впервые на автостоянке. Он отстранился и был вознагражден, увидев выражение ее лица – грубая чувственность и никаких иных эмоций.

– Пригласи меня наверх, – потребовал он.

– Да. – И тут ее глаза начали фокусироваться, чувственная отрешенность сменилась ужасом. – Я хотела сказать «нет». Это невозможно.

– Почему? – Может, у нее все-таки есть бойфренд? И тут он вспомнил про Дженни. Конечно. Сестра уже дома. – Черт! Я забыл про твою сестру. Поехали ко мне.

Она затрясла головой. Глаза у нее были прямо бешеные.

– Нет, я на это не пойду.

Он чувствовал, как желание и страсть превращаются в гневное разочарование.

– Почему, черт возьми, ты не поедешь? – спросил он, на этот раз чуть ли не крича.

– Я сказала Дженни, что к девяти буду дома. Зеленый огонек на приборной панели показывал бездесяти девять.

– Ты можешь позвонить ей от меня и сказать, что задерживаешься.

Он отвернулся и пристегнул ремень, прежде чем включить зажигание.

– Нет, – решительно и твердо сказала она.

Он схватился за руль так, словно хотел его раздавить.

– Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя. – Он видел тому свидетельства. Он чувствовал ее желание. Она не могла бы убедить его в обратном.

Она выглядела загнанной в угол.

– Да.

– Тогда почему ты говоришь «нет»? – процедил он сквозь

зубы. Разочарование перерастало в ярость.

Она прищурилась и поджала губы.

– Возможно, мне противна сама мысль ложиться в постель с женщиной, который загонял меня туда шантажом.

С этими словами она распахнула дверцу и выскочила из машины так, словно за ней гналась свора голодных псов.

Грязно выругавшись, Маркус стукнул по рулю кулаком. Мучительная дорога домой и долгий холодный душ – вот и все, что ждало его в этот вечер, и винить в этом ему было некого, разве что самого себя.

Он яростно повернул ключ зажигания, и «ягуар», повинаясь хозяину, сорвался с места, заскрежетав шинами об асфальт.

* * *

Злобное шипение шин «ягуара» Маркуса эхом отдавалось в голове Вероники, которая, стоя перед дверью собственной квартиры, пыталась взять себя в руки и справиться с вышедшими из-под контроля чувствами. Руки ее предательски дрожали, когда она шарила в сумочке в поисках ключей.

Она готова была позволить ему овладеть ею прямо там, в машине, на переднем сиденье. Так ее завели его поцелуи. Все было еще опаснее, чем раньше.

По крайней мере тогда, полтора года назад, она соображала, где находится. Маркус часто целовал ее и ласкал в обще-

ственных местах, но она всегда умела остановить его, до того как ситуация выйдет из-под контроля.

Время, проведенное порознь, вместо того чтобы усмирить пыл, только усилило влечение, которое она всегда к нему испытывала. Она втянула носом воздух и медленно выдохнула. Если бы он не потребовал подняться в ее квартиру, она так бы и осталась там, в машине, и к этому времени уже, пожалуй, была бы наполовину раздета.

Только напоминание об их с Маркусом сыне смогло остудить ее жар настолько, что она успела выбраться из машины. И все равно она едва не поддалась соблазнительному предложению Маркуса поехать к нему.

Ей очень этого хотелось. Сильнее, чем она готова была признать.

Тогда почему она просто не приняла условия его шантажа? Возможность предоставлялась отличная.

Да. Все верно. Цель состояла в том, чтобы заставить его обещать не претворять свою угрозу в жизнь, согласившись принять его условия и позволив ему ее отвергнуть. Но, судя по тому, как он чуть не потерял над собой контроль в машине, этого не могло произойти. Он хотел ее, и это повергло ее в шок.

Его желание не было фальшивым. Она почувствовала это, когда они целовались. Он так же отчаянно хотел ее, как и она его.

А что, если он не блефовал, предлагая ей переспать с ним

за то, что он не расскажет о ее прошлом Клайну? Неужели она только что подписала себе приговор, отказавшись поехать с ним?

Она не могла принять такое предположение. Маркус на это не способен. Он не был скользким и мерзким. Не был жабой. Возможно, он эгоист. Он мог быть надменным, чертовски уверенным в своем неотразимом обаянии, и у него были на то причины. Но он не шантажист. Что-то другое должно было произойти. Что-то, чего она не понимала.

Ладно. Он действительно ее хотел. И этот факт дарил ему столько же удовольствия, сколько можно получить, съев полную тарелку металлической стружки. Ему не нравилось это его нелепое желание, и тут, кстати, обнаружилось, что она и воровка, и лгунья. Она объяснила ему, почему так поступила, но едва ли он принял ее объяснения. Он не понял, почему она не обратилась к нему.

Как она могла ему растолковать то, что сама не осознавала? Она была в отчаянии – оказалась беспомощной перед болезнью сестры и шокирующим фактом собственной беременности. Столько раз за прошедшие месяцы она корила себя за сделанный выбор, но изменить уже ничего нельзя.

Возможно, шантаж – это тот способ, с помощью которого он мог бы заманить ее в постель, не подвергая испытанию собственную гордость. Может, сама мысль о том, чтобы иметь с ней нормальные отношения, пусть даже основанные на стремлении к сексуальному разнообразию, настолько ему

претила, что он должен был изобрести какой-то иной, лишенный эмоций способ, чтобы получить желаемое. Вероника покачала головой, чтобы прогнать угнетающие мысли, и отомкнула замок.

Она явно неправильно поняла чувства Маркуса полтора года назад. Он был потрясен тем, что она не поделилась с ним своими проблемами. Так отчего она думает, будто лучше понимает его мысли и мотивы сейчас?

– Как все прошло? – Дженни, свернувшись калачиком в углу дивана, подняла глаза от книги.

Вероника поставила сумочку на туалетный столик возле двери.

– Отлично.

Она не могла сказать сестре, что Маркус пытался шантажом заманить ее в постель, а она старалась оправдаться перед ним за сделанное в другой жизни. И пусть по земным меркам прошло всего полтора года, но в метафизическом смысле, с тех пор как она была подругой Маркуса, прошла вечность.

– И куда вы, ребята, ходили?

Вероника прошла на кухню и налила себе стакан воды.

– В тот рыбный ресторанчик, что возле воды.

– Там, где официант симпатичный?

Вероника зашла в гостиную и присела на диван в дальний от Дженнифер угол. Она взяла корзинку с вязаньем и принялась работать над пледом для кровати Эрона – пригодится,

когда подрастет. Шерсть была того же василькового синего цвета, как глаза у мальчика и его отца.

– Да. Этот официант нас сегодня обслуживал. Он все время что-то приносил. Наверное, ждал, что я ему расскажу о тебе.

Дженни засмеялась, но невесело.

– О, определенно. Похоже, этому парню нравятся девушки почти без волос и тощие до неприличия.

Вероника уронила моток на пол.

Она потянулась к сестре и обняла ее за плечи.

– Худые сейчас в моде, ты разве не знаешь? Но твое тело не такое уж теперь и тощее. И волосы у тебя великолепные.

Глядя сейчас на Дженни, на ее каштановые кудряшки, обрамляющие лукавое личико феи, трудно было поверить, что год назад она была абсолютно лысой. Это верно, кудряшки у нее еще коротенькие, но зато выглядят чарующе.

– Радость моя, ты просто красавица. Дженни положила голову на плечо сестры.

– Ты моя сестра. Ты меня любишь и говорила бы мне, что я красивая, если бы я была похожа на тролля. – И тут Дженни засмеялась. – Но только попробуй прекратить повторять мне, что я красавица!

Вероника крепко ее обняла и отодвинулась, зная, что с этой независимой младшенькой нельзя распускать слюни. Не поймет.

Вероника вновь взяла в руки пряжу и крючок, сказав:

– Зеркало скажет тебе то же, что и я. Дженни пожалала плечами.

– Расскажи мне о своем свидании с Маркусом. Ты сообщила ему об Эроне?

Вероника вздрогнула и пропустила петлю. Распустив ряд и начав его сначала, она еле слышно промолвила:

– Это было не свидание.

– Вот как. Ты с ним ужинала?

– Ты же знаешь это.

– Ты сама за себя платила?

– Нет.

– Целью этой встречи было обсуждение планов по экспансии «Клайн технолоджи»? – спросила Дженни, при этом взгляд ее говорил: «Только попробуй мне соврать и скажи, что вы встречались ради этого».

– Нет.

– По мне, все очень похоже на свидание. Полагаю, ты скажешь, что прощального поцелуя от него тоже не последовало.

Вероника почувствовала, как краснеет, и в который раз недобрый словом помянула свою белую кожу, на которой так заметен румянец. Бледность, контрастирующая с темными волосами и серыми глазами.

– Нет, я этого не говорю. Дженни едва не вскрикнула.

– Значит, он пытался. И ты ему позволила? Веронике очень хотелось соврать, но совесть ее и такеле несла ту ношу,

что она на нее взвалила восемнадцать месяцев назад.

– Да.

Вероника не стала вдаваться в подробности. Дженни ни к чему знать, что этот поцелуй далеко ушел от обычного прощального и был близок к тому, что называют взрывоопасным. Сосредоточившись на превращении мотка пряжи в нечто более утилитарное, Вероника пыталась не замечать тех прощупывающих взглядов, что бросала на нее Дженни.

– Ты позволила этому проныре поцеловать себя? – Она услышала в голосе Дженни недоверие. Она и сама не поверила бы, если бы кто-то ей предсказал это до встречи с Маркусом. Но в тоне младшей сестренки было еще что-то. Тревога. Озабоченность. Сочувствие.

Отмотав немного шерсти, Вероника сказала:

– Он не проныра, и это ничего не значит.

– Как тогда, когда он сделал тебе ребенка?

Слова были как выстрелы, а мишень – ее совесть. Вероника вынуждена была признать, что в очередной раз совершила грубый просчет, не сказав Маркусу об их ребенке.

– Я думала, что, возможно, это действительно что-то значит. – Тогда думала.

– О чем ты говоришь? Он сказал, что расстроился, когда ты сорвалась в никуда? Он скучал по тебе? – Сестра ее с поразительной легкостью перепрыгивала от подросткового цинизма к мелодраматической сентиментальности.

Что могла ответить ей Вероника? Он явно соскучился по

ее телу, но он не мог опуститься до того, чтобы тосковать по шпионке.

Она решила сфокусировать внимание на прошлом, а не на настоящем.

– Я никогда не говорила ему о маме и папе, и о тебе тоже. Он вел себя так, словно моя скрытность его обидела, будто он хотел знать обо мне больше, а я недостаточно ему доверяла.

– А ты доверяла?

– Конечно, нет. – Вероника считала, что ему это неинтересно. Но и ее убежденность в этом говорила о недостатке доверия как к нему, так и к тем отношениям, что были между ними.

Она так привыкла полагаться только на себя, что даже не рассматривала возможность разделить свою ношу с человеком, который видел в ней всего лишь временную сексуальную партнершу. Но, возможно, она была в глазах Маркуса чем-то большим. Ведь она сама была свидетельницей того, как Маркус рвал с женщинами отношения, куда более перспективные, чем были у них. В этом она не могла ошибиться.

– Я думала, что у меня есть на то основания. Однако он смотрел на вещи по-другому. Но теперь это едва ли имеет значение. Все это вода, что давно утекла. Сколько ни смотри на нее с моста, ничего не вернешь.

– Если не считать, что на этом мосту есть ребенок.

– Да. – Ребенок, которого она любила. В котором она нуж-

далась.

Которого могла запросто потерять, если Маркус узнает о его существовании.

Глава 8

Маркус лежал в постели, мучимый бессонницей и бес- сильной злобой, когда зазвонил телефон.

Он инстинктивно потянулся к нему, но уронил руку, так и не взяв трубку. Вероятно, это Ронни хочет узнать, что он намерен рассказать Клайну о ее прошлом.

У него не было ответа на сей вопрос, и это не имело ни- какого отношения к ее отказу поехать к нему домой.

В дело вступил автоответчик, и звонки прекратились. Несколькоми секундами позже загудел мобильник. Маркус раздраженно откинул одеяло и встал с постели.

– Алло!

– Маркус?

Маркус испытал настоящий шок, узнав голос матери, то- гда как ожидал услышать Ронни. Он даже онемел на мгно- вение.

– Маркус! Ты меня слышишь?

– Да. Что я могу для тебя сделать, мама?

– У твоего отца только что был сердечный приступ. Он в больнице... – В трубке послышались всхлипы.

– Насколько это серьезно? – Он сочувствовал пережива- ниям матери, но к известию о болезни отца отнесся равно- душно.

– Я хочу, чтобы ты приехал! – сказала она, не отвечая на

его вопрос.

– Буду через час.

– Спасибо. – Она плакала.

Маркус быстро оделся и через несколько минут был в пути. В городе его юности была всего одна хорошая больница, и он повел машину прямо к ней. У него не было сомнений, что мать его оттуда не уходила, раз Марк оставался там.

И он не ошибся: мать его сидела в приемной. При его появлении она подняла голову и благодарно улыбнулась.

Маркус подошел к матери и крепко обнял ее.

– Ты в порядке?

Она похлопала сына по спине и кивнула.

– Врачи говорят, что инфаркта не было. Они еще проводят тесты, но не похоже, чтобы последствия приступа были необратимыми.

– Я рад. – Маркус действительно был рад. Он терпеть не мог, когда мать переживала, да и Марку он зла не желал. Он просто ничего не испытывал к человеку, который притворялся, будто его сын не существует, пока Маркусу не исполнилось тринадцать.

Его мать отстранилась и провела рукой по волосам, которые на вид были такими же естественно светлыми, как и у сына. И эту привычку проводить рукой по волосам со лба к затылку, когда нервничал, Маркус тоже унаследовал от матери.

– Он уже шумит по поводу выписки. Я считаю, что ему

нужно остаться в больнице на ночь под наблюдением врачей, но он хочет уйти, как только будут готовы анализы.

Как это на него похоже.

Мать вздохнула и опустилась на диван, пригласив его присесть рядом. Маркус молча сел.

– Я надеюсь, ты с ним поговоришь. – Она прикусила губу. – Мне надо знать, что он вне опасности. Я буду ужасно нервничать, если он вернется домой, даже и дня не побыв под контролем медиков.

Разумеется, она вся в тревоге. Марк Данверс значил для нее больше, чем собственная гордость.

– Едва ли он станет меня слушать.

Мать, все еще красивая лицом, нахмурилась:

– Ты не хочешь налаживать с ним отношения, верно? Прошло уже почти двадцать лет, неужели ты не можешь его простить?

Маркус не хотел обсуждать с ней эту тему. Особенно сейчас. Она и так была расстроена, и он не хотел усугублять ситуацию. Жаль, но он не мог восстановить ту связь, то чувство единения, которое было между ними когда-то – то, что сломал его отец. Он даже не знал, с чего начать.

Когда он смотрел на отца, то видел лишь человека, который вел двойную жизнь, походя травмируя всех, кого вовлек в свою бесчестную игру ради собственного удовольствия. Перед ним был тот, чьи убеждения не допускали развода, но позволяли больше десяти лет поддерживать связь вне брака.

Удобная позиция.

Маркус любил мать и сносно относился к Марку, но уважать отца он не мог.

– Я поговорю с ним, – сказал он, чтобы избежать конфронтации.

Мать улыбнулась с явным облегчением:

– Спасибо. Твои брат и сестра уже в пути, но им предстоит перелет, и кто знает, когда они прибудут.

Забавно, но сводные брат и сестра куда легче приноровились к той роли, что стала играть в их жизни его мать, чем Маркус. Он так и не смог до конца смириться с решением матери выйти замуж за Марка. Может, так случилось потому, что дети Марка от первого брака успели вырасти и покинуть отчий дом до того, как умерла их мать и ее место заняла мать Маркуса.

Кроме того, мать его была заботливой, со щедрым сердцем женщиной, невзлюбить которую очень трудно. Она никак не соответствовала тому образу, который возникает у большинства людей при слове «любовница».

Войдя в палату, Маркус застал отца сидящим на кровати. Он выглядел так, словно ничего не произошло: так и лучился энергией и даже в стандартной больничной рубашке, в которой любой другой смотрится глупо и жалко, не утратил властности и достоинства.

– Итак, твоя мать тебя вызвала. Я надеялся, что она тебе позвонит.

– Ей необходимо, чтобы с ней рядом кто-то был.

– Верно. – Глаза у Марка были того же цвета, что и у Маркуса, но этим сходство с отцом исчерпывалось. – Я заставил ее переживать.

– Ты должен лучше о себе беспокоиться. – Он не хотел этого говорить, слова сами выскочили.

Он хотел сказать, что мать его без Марка потеряется в этой жизни. Но отец решил, что Маркус волнуется о его здоровье, и явно был этому обрадован.

– Обещаю. Больше физических нагрузок, минимум жирной пищи и меньше нервозности – вот мои будущие prerogatives в жизни.

– Мама хочет, чтобы ты остался на ночь для наблюдения.

Лицо Марка приняло знакомое упрямое выражение.

– Она всего лишь женщина. Она слишком много тревожится по пустякам. Я возвращаюсь домой. Сейчас я прекрасно себя чувствую.

– Зато ей будет плохо, если ты настоишь на выписке.

Марк открыл было рот, но Маркус поднял руку, останавливая его.

– Я знаю, что она тебе дорога. Просто прошу хоть раз ей это показать. Твои решения касаются не одного тебя, и мне кажется, тебе следует учитывать это обстоятельство.

– А ты считаешь, что я до сих пор этого не делал, верно? – спросил Марк на удивление смиренно.

– Да, не делал. Но ведь надо же когда-то начинать. – Он

ни в чем не обвинял отца, просто констатировал факт.

– Если ты полагаешь, что это для нее важно, я останусь.

– Хорошо.

В палату вошла мать Маркуса и была страшно обрадована, что ему удалось убедить отца не покидать на ночь больницу. Она хотела остаться с отцом, но Маркус предложил поехать домой, чтобы там встретить сводных брата и сестру.

В конечном счете Маркус пробыл с матерью до следующего дня и уехал лишь тогда, когда отца выписали. Сводная сестра предложила погостить у родителей несколько дней, и Маркус смело вверил их ее заботливым рукам.

Вероника разочарованно опустила трубку.

Маркуса не было на рабочем месте, он не отвечал на звонки, и мистер Клайн отказался сообщить ей, где он находится.

Ей надо было раз и навсегда покончить с этой историей о шантаже, чтобы она смогла рассказать Маркусу об Эроне, но он словно специально ее избегал. Если бы переживания могли убивать, Вероника уже давно была бы на том свете. Она должна знать, что намерен делать Маркус по поводу ее прошлого.

Вернувшись домой, она накричала на Дженни без всякого повода, сломала игрушку Эрона, которую пыталась починить, и пошла спать в самом мрачном расположении духа – такого плохого настроения у нее не было с тех пор, как она вернулась из Франции.

Маркус уселся в кресло, отхлебнул горького кофе, кото-

рый только что налил себе из кофейника для служащих, расположенного в маленькой нише в конце того ряда отсеков, где находились его и Ронни рабочие места. Он брезгливо поморщился.

В том, что этот кофе варила не Ронни, он был уверен. Она готовила кофе так, как делала все остальное – безупречно.

Он имел обыкновение дразнить ее, говоря, что кофейные бобы боялись плохо завариться, когда такая убийственно трудолюбивая дама за них бралась. Она смеялась над его издевками, но теперь он начал задаваться вопросом, не послужило ли это его замечание, как и многие другие, тому, что она, накапчивая обиду, перестала ему доверять и не изменила своего отношения даже тогда, когда они стали любовниками.

Он часто шутил по поводу ее поразительной, доведенной до полного автоматизма, работоспособности. При этом он проявлял полную слепоту и бестактность в отношении ее: ведь женщина, особенно такая темпераментная, как Ронни, могла возражать против такого с собой обращения. Была ли его вина в том, что она поверила: его абсолютно ничто в ней не интересует, кроме того, как она откликается на его ласки в постели?

Да имело ли это значение? Факты есть факты. Она ему не доверяла, и изменить он ничего не мог. Но он не желал мириться с тем, что она могла неправильно истолковать его мотивы сейчас. Только вот нужно выяснить для себя, в чем

же состоит подоплека его поступков.

Он не мог больше делать вид, что заинтересован лишь в расследовании порученного дела или даже в том, чтобы изгнать Ронни из головы и сердца. Все его существо жаждало вернуть ее в свою жизнь. Стоит ли прислушаться к этому зову души? Ведь однажды она уже предала его. Даже если у нее на то были чертовски основательные причины.

Впрочем, надо работать. На столе перед ним лежала стопка с персональными делами сотрудников. Он затребовал копии личных дел всех тех, кто имел доступ к утекавшей информации. Теперь у него был список из пятнадцати подозреваемых, восемь из которых работали в конструкторской группе, шесть – в отделе маркетинга и один – в администрации корпорации.

Вероника Ричардс была в их числе.

Звук ее голоса – она говорила по телефону в соседней комнате – ворвался в его мысли. Это случилось не впервые – неудивительно, ведь она работала в двух футах от него. Он не мог разобрать слов, но нежные обертона, интонации были безошибочно узнаваемы и служили горьким напоминанием о том, в чем она отказала ему после свидания вечером в понедельник.

Несмотря на то что он был озабочен в сексуальном плане сильнее, чем когда-либо за всю жизнь, он был рад, что она сказала ему «нет». Он не мог позволить себе пренебречь обязательствами перед клиентом, а рядом с ней забывал обо

всем.

Она пыталась поговорить с ним, после того как он вернулся из поездки, но он уклонялся от разговора. Ему требовалось время. Для расследования и для того, чтобы переварить услышанное вечером в понедельник.

Он не хотел обвинять Ронни в шпионаже, не имея безусловных доказательств ее вины, которые, возможно, лежали перед ним в одной из этих папок. Маркус мог лишь надеяться: если Ронни все же окажется виновной, у него хватит духу поступить как подобает в отношении своего клиента. Но он совсем не был уверен, что у него хватит на это духу. Такого с ним еще не случалось.

Он вынужден был признать, что отчаянно желает убедиться в ее невиновности. Хотелось верить, что она не прибегнет к предательству вновь, чтобы решить текущие финансовые проблемы. Те эмоции, что бушевали в нем, ему непривычны, и от этого он испытывал глубочайшее отвращение к собственной персоне. Да, он сделает все, чтобы ее защитить, перепробует все способы и сдастся лишь, если все альтернативные варианты будут исчерпаны.

Проявление такой слабости к женщине, которая не просто его бросила, но предпочла пойти на преступление, лишь бы не делиться своими проблемами с ним, угнетало его сильнее, чем неутоленное вождение.

Ругаясь сквозь зубы, он придвинул к себе стопку с папками. Папка с личным делом Ронни была самой нижней. Он

сказал себе, что должен оставить ее под конец, чтобы не допустить предвзятости. Это логично еще и потому, что он уже знает кое-что о ее жизни. Да, в прошлом у нее шпионаж и продажа корпоративных секретов конкурентам, но ему известно и то, что в тот момент ее сестра была на грани смерти.

Маркус как раз делал пометки, намечая возможную схему расследования касательно другого администратора отдела маркетинга, когда нежный голос Ронни отвлек его от работы:

– Джек попросил меня сообщить тебе, что он готов встретиться с тобой в ресторане в половине первого. Он немного опаздывает.

Маркус поднял голову и встретился со спокойным взглядом серых глаз. Она производила впечатление человека, безупречно владевшего собой. Глядя на нее, не скажешь, что эта самая женщина беззастенчиво позволяла ему наслаждаться ее телом, не оказывая никакого сопротивления, на переднем сиденье его «ягуара» прямо на общественной стоянке.

Маркус словно невзначай захлопнул папку.

– Спасибо.

Она кивнула, но уходить не торопилась.

– Ты что-то еще от меня хочешь?

Она прищурилась – его раздраженно-нетерпеливый тон ее задел.

Но он не мог иначе. Он понимал, что желает невозможного. Он страшно хотел опрокинуть ее на заваленный бумагами

стол и делать с ее телом все мыслимое и неммыслимое. Такого рода фантазии терзали его всю неделю, и сейчас ему казалось, что они готовы материализоваться. Еще немного, и он превратится в сексуального маньяка. И она, словно почувствовав его агрессивность, слегка попятилась. К столу она не приближалась, предпочитая держаться от него на безопасном расстоянии.

Она глубоко вдохнула, отчего ее маленькие твердые грудки натянули черный шелк строгой блузки.

– Да, у меня есть еще кое-что.

Он с трудом оторвал взгляд от приятных округлостей, прикрытых тонкой тканью, и перевел его на ее лицо.

– Что?

Она несколько боязливо приблизилась.

– Я должна рассказать тебе нечто очень важное. Но мне неудобно говорить об этом здесь. – Голос ее был чуть громче шепота, но он не дрожал.

Она собирается признаться ему в шпионаже? Она все же решила доверить ему свои тайны? Чушь. Скорее она прыгнет с самолета без парашюта. Быть того не может.

Тогда о чем она хочет поговорить? Что она согласна с ним спать в обмен на его молчание? От этой мысли его затошнило. Такой поворот был бы не только прямым доказательством ее вины, но и очевидным свидетельством гнусного к нему отношения. Мысль о том, что она готова переспать с ним лишь под угрозой шантажа, взбесила Маркуса.

– Что бы ты там ни хотела мне сообщить, это может подождать. Я занят до конца недели и в выходные тоже.

– Но...

– Я не могу пойти тебе навстречу сейчас. Может, на той неделе. – Он отвернулся, давая понять – разговор окончен. Но оказался совершенно не подготовлен к тому, что за этим последовало.

Она схватила его за предплечье железной хваткой и развернула к себе лицом. Такой маневр, очевидно, не удался бы, не сиди он во вращающемся офисном кресле. Тело его сделало поворот вокруг ножки кресла, и взгляд оказался на уровне ее груди – тот самый ракурс, что он уже наблюдал раньше. Грудь ее вздымалась и опускалась – она тяжело дышала от гнева.

– Нет, ты выслушаешь меня, самодовольная жаба. Я должна с тобой поговорить и не собираюсь дожидаться, когда тебе это будет угодно. Я всю ночь не спала, набираясь храбрости для этого разговора, так что тебе не отвертеться.

Как-то так получилось, что слово «жаба», произнесенное таким мелодичным, звонким и очень женственным голосом, прозвучало для него совсем с другим подтекстом, нежели вкладывала в него она. Ронни была чертовски соблазнительна в ярости.

Маркус прикусил губу, чтобы не улыбнуться. Пусть Ронни была невелика ростом и миниатюрна, сейчас она выглядела так, словно готова его задушить, и ему не хотелось злить ее

еще сильнее. Искушение привлечь к себе эту грозную киску и заставить ее спрятать коготки самым извечным и действенным способом было слишком велико. Он едва сдерживал себя.

– Послушай, детка. Я догадываюсь, что ты хочешь мне сказать, и я не желаю слушать это прямо сейчас. У меня есть дела поважнее, к тому же клиент, как ты знаешь, всегда прав. А мой клиент требует, чтобы в рабочее время я занимался делом, а не личными разборками. Твое маленькое признание может и подождать.

Он знал, что говорит точь-в-точь так, как должна говорить самодовольная жаба, – в полном соответствии с ожиданиями Ронни. Но он готов был сказать и сделать все, что угодно, лишь бы она унесла свое чертовски соблазнительное тело из его отсека. Тут все способы хороши – пусть разозлится, и ей ничего не останется, кроме как уйти, хлопнув дверью.

Ее гневный взгляд пылал огнем – так что мог бы прожарить его до пяток.

– Отлично. Дай мне знать, когда тебя будет для меня время.

В голосе ее звучал сарказм, на который полтора года назад она не была способна.

– Хорошо. А теперь, если ты не возражаешь... – И он кивнул ей на дверь.

Она резко отпустила его предплечье и повернулась к выходу.

– Не забудь про ленч с Джеком. Он ждать не любит, – бросила она напоследок.

Напоминание о том, что Ронни хорошо осведомлена о привычках Джека, не способствовало поднятию настроения.

– Ты не могла бы достать для меня карту, как добраться до ресторана, Ронни? Я все еще плохо ориентируюсь в городе.

Он лгал. Он прекрасно знал, куда ехать, и не сомневался в том, что ей это тоже известно, но ему хотелось ее уколоть, заставить немного пострадать за причиненные ему муки.

Она коротко кивнула и молча вышла.

* * *

Вероника скачала с Интернета карту и схему проезда к ресторану и отправила файл Маркусу по локальной сети. Назвав его жабой, она оскорбила всех обитавших на земном шаре амфибий. Он был хуже жабы. Он обладал душевной организацией скальной породы. Вероника едва удержалась от того, чтобы не ударить кулаком по клавиатуре.

Черт его дери! Даже камень, и тот мог быть чувствительнее, чем Маркус Данверс. Она наконец решилась рассказать ему об Эроне, а он не захотел ее слушать.

«Так почему ты не заставила его тебя выслушать?» – насмешливо поинтересовался внутренний голос, и Вероника заскрежетала зубами. Почему же она не довела дело до конца и позволила ему выпроводить ее из офиса, словно она была

нерадивой школьницей, а он – директором школы?

Потому что, как ни старалась она убедить себя, что он имеет право знать о существовании собственного ребенка, сколько ни твердила себе, что не должна скрывать от него сына, получив отказ от аудиенции, она почувствовала облегчение. Она буквально дрожала от страха, думая о последствиях своего признания. И этот страх не шел ни в какое сравнение с тем, который она испытывала при мысли о возможности разоблачения ее прошлого.

Попытается ли он отнять у нее сына? Она вдруг поняла: ему не все равно, есть у него сын или нет. Его трогательный рассказ о ребенке Алекса и Изабел заставил ее отбросить все сомнения. Он так гордился ролью приемного дядюшки! Что он скажет, узнав, что давно сам стал отцом? Странно, но Вероника была почти уверена – роль отца не покажется Маркусу такой уж невыносимой. Он скорее обрадуется, чем расстроится.

Бросив в сторону соседнего отсека яростный взгляд, Вероника напомнила себе, что это обстоятельство несколько не компенсирует полное отсутствие чувства такта и нормального человеческого участия в этом... в этой цементной жабе. Она не могла сравнить его с живым земноводным.

– Сильно сказано. Ты хочешь дыру прожечь в перегородке?

Вероника испуганно вздрогнула. В дверях стояла Сэнди. – Что?

Блондинка зашла в закуток.

– Окно между отсеками, безусловно, творческое решение.

Но я думаю, что резать взглядом пластик под силу лишь супермену.

– У супермена было рентгеновское зрение, а не лазерное. – Она не знала этого наверняка. Эрон был еще слишком мал для субботних утренних мультфильмов, а Дженни вот уже много лет их не смотрела. – К тому же я не пытаюсь прожечь стену взглядом.

– Меня тебе не обмануть, – со смешком ответила Сэнди. – Кое-кто тебя здорово разозлил. Я ни разу не видела у тебя такого выражения. Обычно ты довольно хладнокровная девушка.

«Совершенный маленький робот», – с отвращением подумала Вероника. Интересно, могут ли роботы впадать в ярость и бить бывших любовников по голове канцелярскими принадлежностями, как этого очень хотелось ей? Тяжелый степлер подошел бы, как и ноутбук, – главное, чтобы предмет был достаточно твердым.

Сэнди засмеялась с притворным сочувствием.

– А теперь у тебя такой вид, словно ты раздумываешь, залпом тебе выпить шоколадный коктейль или потянуть удовольствие. Что творится у тебя внутри за обычно безмятежным фасадом?

Вероника развернулась лицом к монитору и от нечего делать кликнула свой почтовый ящик. Если Сэнди считает, что

ей нечего делать, пусть себе треплет языком, сколько пожелает. Ответа ей не дожидаться.

– Я далеко не бесчувственна, – все же выдавила из себя Вероника.

– Это видно. Моя мама всегда говорила, что в тихом омуте черти водятся. Правда, она говорила так о моем отце. Но теперь я понимаю – эта поговорка хорошо подходит и к скромным труженицам офисного фронта.

Вероника хотела зарычать. Не хватало только, чтобы Сэнди подвергала ее психоанализу!

– Я уверена, что мудрость твоей мамы куда лучше применима к ее мужу, нежели ко мне. Ты что-то хотела? – Черт! Она становится такой же грубой, как Маркус. Вероника нахмурилась и повернулась к Сэнди. – Ты, конечно, можешь заскочить ко мне просто так, поболтать. Но у меня сегодня очень много работы.

Вероника не солгала. В отделе не хватало администраторов, но лишняя нагрузка для нее всегда была только в радость.

Сэнди улыбнулась. Ее и без того красивое лицо засияло.

– Не переживай, подружка. Я вижу, что тебя совсем заваляли. Хочешь, я возьму часть твоей работы на себя?

– Спасибо, нет, – вполне откровенно ответила Вероника.

Сэнди хрипловато рассмеялась.

– Ну, должна сказать, что ты кругами ходить не любишь. – Лицо Сэнди приняло хитровато-задумчивое выражение. –

Неужели тут не обошлось без того парня, что работает за стенкой?

Вероника почувствовала, как краска заливает лицо, и поспешила отвернуться к экрану компьютера. Ничего вдохновляющего в своем почтовом ящике она не обнаружила.

– С чего это ты взяла?

Сэнди обошла закуток Вероники, остановившись возле висевшего на стене календаря.

– Ты явно была с ним знакома раньше. Знаешь ли ты о нем что-то такое, что не известно остальным? Ну, например, что он здесь не только для исследования возможной экспансии...

Сэнди произнесла последнюю фразу, многозначительно понизив голос.

Вероника просмотрела текущую почту, убедилась, что ничего неординарного от нее не требуется, и вновь подняла глаза на гостью:

– Ты о чем?

Убей Бог, она не понимала, на что намекает Сэнди.

– Например, не собирается ли он подбросить мистеру Клайну мысль о преобразовании?

– С чего бы Маркусу этим заниматься?

– Несколько компаний, работающих в области высоких технологий, недавно провели реорганизацию. Так сказать, воспользовались случаем, чтобы избавиться от балласта.

– Но какое это имеет отношение к Маркусу? Он не спе-

циалист по перестройке. Его дело – расширение компаний и вложение капитала в различные предприятия.

И еще он профессионал по части девушек – по превращению девственниц с задатками «синих чулок» в одержимых. Помешанных на сексе самок. Он еще полтора года назад заставил ее сохнуть по нему, а потом этот вечер понедельника, когда все началось сначала. Хотя теперь она уже не была девственницей, да и мать-одиночка не слишком укладывалась в представление о типичном «синем чулке». Не попроси он ее подняться с ним наверх, она отдалась бы ему прямо там, в машине. Если он и был в чем-то особенно хорош, то именно в этом – освобождал ее голову от всяких мыслей, оставляя пространство для чувственных ощущений.

Сэнди пожала плечами и этим жестом привлекла внимание Вероники к себе и отвлекла от распутных мыслей.

– Я просто пыталась понять, почему, когда я к тебе вошла, у тебя был такой вид, словно ты кого-то убить собираешься.

– Так, пустяки.

Уж с Сэнди она этим делиться не станет. Только не с ней, беспринципной охотницей за мужскими сердцами. Сэнди была ее подругой, но многолетняя привычка держать чувства при себе слишком въелась в плоть и кровь Вероники, чтобы она сочла возможным сделать признания, которые из нее выманивала Сэнди.

– Ронни, ты распечатала для меня карту? – спросил с порога Маркус.

Вероника инстинктивно вскочила – ей не нравилось, чтобы он над ней нависал, как Пизанская башня. Она предпочитала общаться на равных, насколько это было возможно при их разнице в росте.

– Я уже давно отправила схему проезда по внутренней почте. – «И надеялась, что сегодня тебя больше не увижу», – добавила она одним лишь взглядом.

– Привет, Маркус. Что-то тебя не было видно. – Сэнди умело вспорхнула искусно покрашенными ресницами, и Вероника вдруг испытала сильнейший приступ тошноты.

– Я отсутствовал по семейным обстоятельствам. Так вот, значит, почему его не было.

То, что он избегал общения с Вероникой не с целью ее помучить, отчасти оправдывало его в ее глазах. Но только отчасти.

На лице Сэнди читалось искреннее сочувствие.

– О, надеюсь, все в порядке.

– Все хорошо.

По нему не скажешь. Даже бесчувственный чурбан понял бы, что ему вовсе не хотелось обсуждать свои семейные дела.

Вероника нахмурилась. Все было точно так, как в те времена, когда они встречались. Теперь она осознала, что в какой-то степени Маркус ничего не желал знать о ее личной жизни, потому что подробностями своего прошлого и настоящего сам не торопился делиться.

Он повернулся к Веронике:

– Так как насчет карты?

– Я уже сказала... – начала было она, но он виновато улыбнулся и махнул рукой:

– Да, помню. Не могла бы ты ее для меня распечатать? У меня проблемы с драйверами принтера, а переустанавливать их нет времени.

– Конечно.

Вероника отвернулась к компьютеру, чтобы найти нужный файл, и в этот самый момент Сэнди сделала шаг навстречу Маркусу. Она буквально заполонила собой его личное пространство.

– Я могла бы посмотреть, что там у вас не так с драйверами. По части компьютера я настоящая волшебница. Хотя, работая на компанию – производителя компьютеров, быть чайником просто неприлично.

Вероника внутренне напряглась, ожидая, как отреагирует Маркус на изящный флирт.

– Нет, спасибо. Особых проблем нет, и я вполне успею все сделать, когда вернусь с ленча. – Он подарил Веронике обезоруживающую улыбку. – И пока я не отлажу свой принтер, я всегда могу воспользоваться принтером Ронни.

Вероника сжала зубы до ломоты. На что он намекает? На то, что она всегда к его услугам? Или что у него полно времени для возни с дурацким компьютером, нонет и пяти минут на то, чтобы поговорить с ней о том, что представляется ей архиважным?

– Вы всегда можете воспользоваться моим принтером тоже. Мой офис не так близко к вашему, как офис Вероники, но зато он всегда для вас открыт, когда Вероника занята, – мурлыкала Сэнди.

Она с тем же успехом могла сказать, что она, Сэнди, всегда к его услугам. К чему ссылаться на офис?

Вероника выхватила с подноса отпечатанную карту. Ей нравилась Сэнди, но сейчас она готова была придушить ее собственными руками. Ни слова не говоря, она протянула Маркусу карту. Он взял листок из ее рук и вновь улыбнулся. На этот раз он говорил ей взглядом, что видит, как она ревнует, и это его забавляет.

Вероника с трудом подавила желание дать ему ногой в пах, чтобы стереть эту самодовольную усмешку с его красивого лица. Она снова повернулась к монитору.

– А зачем нужна карта? – невинно поинтересовалась Сэнди.

– У меня с Джеком назначена встреча в ресторане, в котором я еще ни разу не был. Я подумал, что лучше иметь при себе схему проезда. Не люблю опаздывать.

Вероника услышала шелест бумаги, а затем голос Сэнди: – О, я знаю это место. Я покажу вам дорогу, если хотите. Мне надо кое-что сделать в городе, так что я могла бы закончить свои дела и пообедать в торговом центре напротив ресторана, пока вы будете общаться с Джеком, а вы на обратном пути подбросили бы меня на работу.

У Вероники внезапно заболела голова, словно ее обручем сдавили. Она вдруг стала как безумная. Ей захотелось вскочить и заорать Сэнди на ухо, что и сама могла бы показать Маркусу этот дурацкий ресторан.

Но она сдержалась. Заставила себя сохранять невозмутимость в ожидании ответной реакции Маркуса.

Однако пялиться на экран она больше была не в силах. Она слегка повернула голову, чтобы увидеть, какое у него выражение лица. Вид у него был задумчивый. Не может быть, чтобы он так сразу запал на блондинку. После того, что было между ними вечером в понедельник...

Маркус улыбнулся Сэнди:

– Спасибо. С удовольствием принимаю ваше предложение. Эта поездка даст нам шанс лучше узнать друг друга. Заодно я хотел бы поинтересоваться вашим мнением о будущем «Клайн технолоджи».

Глаза у Сэнди зажглись как звезды.

– Я только захвачу сумочку. Через десять минут встречаемся в центральном холле.

Маркус кивнул и вышел из отсека Вероники, даже не оглянувшись.

Глава 9

Вероника несколько минут тупо смотрела на пустой дверной проем, после чего машинально прижала ладонь к сердцу.

Да, оно все еще билось. Забавно, а ведь чувство такое, словно его у нее вырвали. Разве может биться пустота? Он проглотил наживку.

Маркус поехал на ленч с Сэнди. Ладно, технически он обедал с Джеком, ноу ее роскошной подружки хватит дерзости попроситься на приглашение. Маркус, который всего два дня назад зацеловал ее до бесчувствия и напомнил ее телу ту ненасытную тоску, в которой оно все эти полтора года без него пребывало, взял с собой в ресторан Вероникину подружку и при этом заявил, что хочет ее получше узнать.

Намекал ли он на познание в исконном, библейском смысле этого слова? Он что, устал преследовать бывшую возлюбленную и занялся поисками более легкой добычи?

Сэнди больше отвечала его вкусам. Она представляла собой тот стандартный тип женщин, с которыми встречался Маркус в первые годы работы Вероники в «Си-ай-эс», пока он не положил глаз на нее. Наверное, теперь ему стало скучно оттого, что он должен делить ложе с серенькой куропаткой, когда к его услугам красавица какаду.

Горячие слезы подступили к глазам. Вероника несколько раз глубоко вздохнула, чтобы загнать их подальше. И досчи-

тала до десяти.

Она пережила смерть родителей. Болезнь сестры и рождение сына. Потерю Маркуса. И она не даст волю слезам лишь из-за того, что ее бывший возлюбленный ведет себя как пленной жеребец.

Еще раз глубоко вздохнув, она переключилась на работу. Пора загружать почту, касавшуюся текущего проекта.

Она тщательно следила затем, чтобы случайно не удалить с сервера входящие сообщения, так чтобы другие получатели могли скачать их на свои компьютеры. Однако, знакомясь со всей входящей почтой, она могла отслеживать ход выполнения проекта и идти в ногу с техническим планом.

Джек не спешил давать ей разрешение на получение всех входящих, но в итоге дал добро. У него был пунктик насчет безопасности.

Вероника начала просматривать сообщения и кликнула на одно из них, которое показалось ей подозрительным, – не было фамилии ни отправителя, ни адресата.

Слишком уж все законспирировано, даже принимая в расчет тот факт, что оно касалось запуска нового продукта. Ей пришлось дважды прочесть сообщение, прежде чем она поняла, почему оно было послано таким странным способом.

Вот что там было напечатано:

**ИНФОРМАЦИЯ ПОЛУЧЕНА, НО НУЖНА ТОЧНАЯ
ДАТА ЗАПУСКА. УСЛОВИЯ ДОГОВОРНЫЕ.**

Если бы не последняя фраза, ничего необычного она бы

не увидела. Однако эти два последних слова подразумевали отношения, весьма отличающиеся от тех, которые существовали между подразделениями компании. При отсутствии отправителя она не могла узнать, было ли это сообщение извне или прошло по локальной сети. Но у нее было сильное подозрение, что оно пришло извне – от того, кто покупал конфиденциальную информацию.

В «Клайн технолоджи» действительно был шпион, и этот человек работал в отделе маркетинга.

Вероника не могла оставить такую улику без внимания. Особенно после того, как и Сэнди, и Маркус говорили об утечке информации из компании.

Глубоко вздохнув, она попыталась успокоиться. Не получилось. Ее всю охватил жар и в то же время знобило. В животе образовалась неприятная пустота, и стены ее закутка словно сдвинулись, так что стало трудно дышать. Ее буквально тошнило от страха.

Кто-то в отделе маркетинга приторговывал информацией, и если об этом узнают, она первой попадет под подозрение. По крайней мере после того, как о случившемся узнает Маркус. У него не будет иного выхода, кроме как рассказать мистру Клайну о ее прошлых грехах. Такой человек, как Маркус, не сможет утаить подобное, даже если придется доносить на ту, с которой он спал.

– Господи, – прошептала она, и это было не просто эмоциональное восклицание – то была молитва о пощаде и про-

щении за прошлые грехи.

Маркус ни за что не поверит, что она тут ни при чем, а потому и Клайн тоже. Вся ее жизнь готова рассыпаться в прах, и никто, никто не придет ей на помощь. Время разбрасывать камни, время собирать камни.

Она сумела дать Дженни шанс выжить, но какое будущее она для нее уготовила? Жизнь сестры преступницы? А Эрон? Какому ребенку захочется сознавать, что его мать продала корпоративные секреты в минуту слабости и отчаяния, а двумя годами позже потеряла работу по той же причине?

Ее невиновность не имела значения. И слабость не принимается в расчет, и отчаяние тоже. Все это не важно, когда твой ребенок не может смотреть на тебя с уважением, и все, что он станет испытывать к своей матери, – это презрение или, еще хуже, жалость.

И Дженни, и Эрон заслуживали лучшей доли, а она ничего не могла им дать. Без прошлого нет будущего. Ее прошлое замарано преступлением, и оно ляжет черной тенью на ее родных... Она не может обеспечить им надежное завтра. Неужели, оступившись однажды, человек обречен хромать всю оставшуюся жизнь?

Она представляла себе, как они переезжают с места на место в попытке укрыться от того, что невозможно скрыть. Сейчас о том постыдном поступке знали всего двое – Маркус и Алекс. Как только Маркус расскажет Клайну, круг рас-

ширится. По всему сообществу людей, работающих в области высоких технологий, поползут слухи, а может, и за его пределами.

Слишком много инженеров переходят с одной работы на другую, колесят по всей стране – слухи распространяются мгновенно. Ей никогда не удастся удержать прошлое в тайне.

Ее трясло, когда она, распечатав злополучное сообщение, сохранила его на компьютере, чтобы вернуться к нему потом.

Она должна рассказать мистеру Клайну об этом письме. Наверное, следуя субординации, вначале ей нужно прийти с этим к Джеку, но интуиция подсказывала, что в таких делах чем уже круг посвященных, тем лучше. Кроме того, если мистер Клайн решит ее уволить, то этот ее поступок, возможно, заставит его воздержаться от передачи информации другим людям. Он не сможет преследовать ее по суду, не имея очевидных доказательств ее виновности, а таковых нет и быть не может, поскольку она к этим утечкам сведений не имеет никакого отношения.

Сама не своя, она кликнула по папке, куда только что переместила проклятое сообщение. Надо его удалить. Если по какой-то причине его обнаружат у нее на компьютере, ее могут посчитать замешанной в этой истории. Она кликнула по файлу с сообщением, нажала на кнопку «удалить» и подтвердила удаление, когда компьютер услужливо поинтересовался, действительно ли она хочет ликвидировать сообще-

ние без последующего восстановления.

Она свернула распечатанное сообщение в несколько раз и засунула его в сумочку.

Ей надо что-то показать мистеру Клайну, когда она ему об этом расскажет. Она взяла трубку и, пока не растеряла мужества, набрала номер секретаря Клайна. Если она не делает этого сейчас, то не посмеет никогда. Она не хотела повторения ситуации с Маркусом, когда она решила рассказать ему об Эроне. Вот уже неделя прошла, как он вернулся в ее жизнь, а она так и не решилась сообщить ему об их общем ребенке.

– Эллисон слушает.

– Эллисон, это Вероника Ричардс из отдела маркетинга. Я бы хотела поговорить с мистером Клайном, если можно.

– Сожалею, но мистер Клайн вылетел на встречу с представителями «Ай-би-эм». Он вернется только в понедельник.

– Тогда не могли бы вы... назначить мне встречу с ним на понедельник?

– Это так срочно, мисс Ричардс? Мистер Клайн обычно очень занят в первый день по возвращении из командировки.

Но он установил в компании политику открытых дверей, за что Вероника ему в настоящий момент была благодарна. У нее не возникло желания обсуждать с Эллисон тот предмет, ради которого ей надо встретиться с мистером Клайном.

– Я могу подождать до вторника, если так будет удобнее.

– Вы уверены, что не можете обсудить этот вопрос со своим непосредственным начальником? – Вероника всегда подозревала, что Эллисон политика открытых дверей, проповедуемая ее шефом, была не вполне по душе, и теперь она получила тому доказательство.

– Да, уверена. В какое время во вторник мистеру Клайну будет удобнее всего со мной встретиться? – спросила она, стараясь говорить спокойно, несмотря на то что у нее поджилки тряслись.

Эллисон назвала время, и Вероника поблагодарила ее, прежде чем повесить трубку. Пять дней в подвешенном состоянии – ей предстояла долгая и мучительная пытка.

Закрыв папку с личным делом Кевина Коллинза, инженера-конструктора, Маркус встал и потянулся. Он работал над информацией о сотрудниках вот уже два часа без перерыва – с тех пор как вернулся с ленча. Сцепив руки за головой, он сделал несколько разворотов в стороны, разминая затекшие мышцы воротниковой зоны.

Он с удовольствием бы сейчас поплавал. Мистер Клайн поселил его в прекрасную квартиру с плавательным бассейном на цокольном этаже. Как только вернется домой, сразу отправится туда. Отсутствие физической нагрузки дурно на него влияло.

Он подумал, что неплохо бы позвать с собой Ронни, но отбросил эту идею как вздорную. Он бы не пожалел месяч-

ного жалованья зато, чтобы увидеть ее в купальнике, но сомневался, что такое когда-либо случится. Она страдала водобоязнью. Он подумал, не имеет ли этот страх отношения к тому, что случилось с ее родителями. Кажется, она говорила, что они погибли на воде.

Маркус опустил руки и вернулся к изучению личных дел.

Итак, Кевин Коллинз. За последние пять лет это; инженер успел поработать в четырех фирмах, разрабатывающих высокотехнологичные продукты. Он вполне мог обрести достаточно связей, чтобы выйти на людей, заинтересованных в покупке информации, не говоря уже о том, что его образ жизни был как у классического шпиона – жить на широкую ногу и нигде долго не задерживаться. Да и квартира у него была в весьма престижном районе, дорогая даже для одинокого мужчины.

Все папки Маркус разложил на три стопки: в первой были еще не просмотренные личные дела, во второй – те, которые он считал практически абсолютно чистыми, а в третьей – биографии с изъянами. Эту третью стопку он собирался еще раз внимательно пересмотреть. Дело Коллинза он положил именно туда.

Маркусу не сиделось на месте, и он отправился за очередной чашкой горького кофе из кофейника для сотрудников. Эта порция оказалась еще хуже предыдущей, и он вылил содержимое, сделав единственный глоток.

Возвращаясь в свой закуток, он не удержался от искуше-

ния заглянуть к Ронни.

Он пообещал себе избегать ее, покуда возможно, но то, что он решил умом, не вполне соответствовало потребностям его тела. И тело его как вкопанное замерло в дверном проеме ее офиса, а глаза остановились на ее ладной фигуре.

Он наслаждался возможностью наблюдать за ней, не будучи замеченным. Созерцание вживую давало куда больше удовлетворения, чем ее фотография – он украдкой сделал снимок в одно из их совместных посещений ресторана. Раза три он хотел выбросить этот снимок, но в итоге сдался и поставил его на тумбочку возле кровати.

Он тешил себя мыслью, что эта фотография будет наглядным напоминанием: никогда нельзя позволять женщине делать из тебя дурака. Чтобы впредь не повторять такой глупости. Снимок действительно о многом напоминал, только не о том, для чего был поставлен.

Сейчас его мучительница работала над каким-то докладом, взгляд ее то устремлялся на экран монитора, то возвращался к пухлой папке с документами, лежащей слева от нее на столе. Движения ее были точны, быстры и выверены до автоматизма: пристальный сканирующий взгляд на документ в течение нескольких секунд, взмах пальцами и две минуты стремительного порхания по клавиатуре – его всегда поражала та скорость и легкость, с которой она печатала.

И эти легкие движения пальцев вызывали в памяти почти болезненные воспоминания о том, как они порхали по

его телу. У нее были очень талантливые пальцы. Она прошла путь от девственной скованности до поразительно умелой и страстной раскрепощенности в ласках всего за одну неделю – первую неделю их близости.

Маркус вздохнул и выдал себя – тело его помимо желания бурно отреагировало на непрошеное воспоминание.

Вероника напряженно застыла и опасливо подняла глаза, одновременно развернувшись на вращающемся кресле лицом к двери.

– Маркус. – В глазах ее застыла тревога, скорбные складки пролегли у губ.

Маркус нахмурился. Ему не понравилась ее реакция.

– Прекрати так на меня смотреть. Я не Джек-потрошитель, явившийся за очередной жертвой.

Глаза ее вначале расширились, но она быстро справилась с собой и надменно поджала губы. Ему захотелось в стену вжаться от этого взгляда.

Он чуть не заскрежетал зубами. Эта женщина знала, как его достать.

– Считай, что шантажа не было. Я беру свои слова обратно.

Похоже, она не удивилась.

– И это правильно.

Он приблизился к ней настолько, что сумел разглядеть влажную пелену, застилавшую ее серые глаза.

– Верно. Когда ты снова окажешься в моей постели, Рон-

ни, это случится потому, что ты просто не сможешь устоять. Я не буду вынуждать тебя на это пойти.

Он говорил тихо. Он не хотел, чтобы обитатели прочих отсеков оказались свидетелями их с Ронни выяснения отношений.

Лицо ее приняло то выражение ослиного упрямства, которое было ему хорошо знакомо по старым временам, когда они начали встречаться, но еще не стали любовниками.

– Я не собираюсь ложиться с тобой в постель, Маркус Данверс, – ни добровольно, ни по принуждению. Так что тебе лучше об этом забыть.

Насколько было известно Маркусу, Ронни никогда в библиотеке не работала, но интонации у нее были именно такие, какие бывают у старомодных библиотекарей, вернее, у мультяшных персонажей, пародирующих оных. Ему захотелось стереть с ее физиономии эту самоуверенную мину.

Он наклонился над ней и схватился руками за подлокотники ее кресла. Она откинулась на спинку, вжалась в нее. Маркус навис над ней. Лицо его едва не коснулось ее лица.

– Еще как ляжешь, детка, но, повторяю, шантаж тут будет ни при чем. Я не дам тебе этой форы. Тебе не прикрыться самообманом. Придется признаться себе самой, что ты меня хочешь.

Черт возьми, ему не терпелось ее поцеловать. Ее манящие губы были так близко, и все же он понимал, что это не то место, где можно забыться. Она не заслужила того, чтобы

сослуживцы стали распускать о ней сплетни. Собрав в кулак всю свою волю, он отпустил подлокотники, распрямился и отступил.

Вероника проглотила ком, судорожно глотнула воздух, и глаза ее, что удивительно, прояснились. Она явно испытала облегчение.

– Итак, прошлое продолжает между нами стоять, – сказала она, игнорируя его высказывания по поводу постели.

Он внутренне сжался. Он не мог обещать ей того, что не сможет исполнить. Она все еще была на подозрении.

– Я ничего не скажу, если у меня не будет к тому серьезных оснований, – сказал он, словно предлагая компромисс.

Она вытянулась в струнку и почти шепотом спросила:

– И что может послужить таким основанием?

– Я скажу, если решу, что ты вновь взялась за старое.

– Можно один раз оступиться в минуту отчаяния, но одна оплошность не делает человека закоренелым преступником, Маркус. – Голос ее звучал сдавленно, лицо походило на маску, и лишь глаза на нем жили – в них стояла боль.

Он пожал плечами, желая казаться непринужденным.

– Тогда тебе просто не о чем беспокоиться.

Он искренне хотел в это верить. Он вошел в ее отсек, чувствуя себя намного лучше, чем все эти дни. У него появился подозреваемый, и имя его было не Вероника Ричардс. Ее поведение с момента его, Маркуса, появления в «Клайн технолоджи» могло объясняться ее нервозностью. Вероятно, она

была взволнована из-за того, что он взбаламутил ее только-только устоявшуюся жизнь, поднимая, словно ил со дна, ошибки прошлого.

Или она чувствовала себя виноватой по поводу грехов настоящего и смертельно боялась быть пойманной с поличным.

Она нервно кусала губы.

– Что, если ты решишь, что я взялась за старое, как ты выражаешься, а на самом деле ничего этого нет? Вдруг тебе покажется, что это так?

Из него словно дух вышибли одним ударом.

– За старое? – выдавил он из себя, отдавая себе отчет в том, что непринужденность его как водой смыло. – Ты имеешь в виду промышленный шпионаж?

Она вздрогнула и побледнела.

– Да.

Только благодаря профессионализму человека, посвятившего себя ведению корпоративных расследований, он удержался от того, чтобы схватить ее и начать трясти, требуя ответа на вопрос, почему она задала ему этот вопрос. Если бы только он мог пережить эту правду, какой бы она ни была...

– Прежде чем что-то сказать, я бы убедился, что это так.

Разве не за этим он сюда прибыл? И все же он не мог не задумываться о том, не дурак ли он, не занимается ли ерундой, пуская на ветер деньги Клайна. Потому что она явно вела себя как женщина, преследуемая чувством вины и смертельно боящаяся разоблачения.

Он развернулся и пошел прочь, сильно пожалев о том, что явился сюда и вступил с ней в разговор.

Она схватила его за рубашку:

– Подожди.

Он развернулся, раздосадованный отчаянием, звучащим в ее голосе.

– Что такое?

Она встала и посмотрела на него с напряженным ожиданием.

– Что бы тебя убедило в моей виновности? Ты ведь не следователь.

Она произнесла это с такой иронией, что он не смог сдержать горькой усмешки.

– Думаю, что я бы стал собирать информацию по наитию.

Она прижала руки к бокам, сжимая кулаки.

– Если предположить, что в «Клайн технолоджи» орудуешь шпион, какие действия подсказала бы тебе интуиция, чтобы выяснить, кто это? – не унималась она.

Так, может, она знала – его пригласили сюда для ведения расследования. Не исключено, что таким замысловатым путем она пытается выудить у него информацию о его методах работы.

Он нахмурился:

– Не люблю отвечать на вопросы, заданные в сослагательном наклонении.

Он знал, что кажется ей мерзким занудой, и не удивился,

когда она торопливо отступила.

– Разумеется, – коротко кивнув, сказала она. – Мне просто стало любопытно, только и всего.

Маловероятно.

– Хорошо ли прошел ленч с Джеком? – спросила она, явно решив сменить тему.

– Я многое почерпнул. – Собеседник Маркуса мягко, но настойчиво пытался выпытать у него, что планирует Клайн в смысле экспансии, а Маркус, умело парируя его вопросы, узнавал то, что могло бы пригодиться ему для расследования.

Маркус узнал, что, по мнению Джека, «Клайн технолodge» должна вести себя гораздо более агрессивно. Но не это удивило Маркуса. Его поразило то, что Ронни действительно ни с кем не встречалась.

Джек упомянул, что она, должно быть, слишком занята, что неудивительно для одинокой матери. Маркус посчитал, что термин «одинокая мать» не вполне применим к женщине, на попечении которой сестра-подросток, но, поразмыслив, решил, что определение это соответствует сути. Однако в свое время это не помешало Ронни встречаться с ним. Маркус почувствовал удовлетворение.

Но именно из-за этого она порвала с ним, Маркусом, и предала компанию ради денег, необходимых для лечения своей подопечной в Европе.

Ронни разгладила несуществующую морщинку на юбке,

чем привлекла внимание Маркуса к ее точеным ножкам.

– Хорошо. Уверена, что ты получил удовольствие от компании Сэнди по дороге туда и обратно. Она умеет развлекать.

Блондинка не просто пыталась его развлечь, она была совершенно прозрачна в своих видах на него.

– Она желает знать, что готовит для «Клайн технолоджи» будущее. Я сказал ей, что я не хрустальный шар.

Ронни вновь села в кресло и уставилась на монитор.

– Я уверена, что она хотела не только этого.

Нет. Сэнди явно питала к нему интерес. И ясно дала это понять. Она не стала бы делать заявления вроде того, что никогда не покажется в дверях его спальни. И вдруг Маркус страшно разозлился оттого лишь, что эта дерзкая блондинка его хотела, а Ронни – ни в какую. Он столько времени хранил целомудрие, а она смела заявлять ему, что никогда не окажется в его постели.

– Не думаю, что она бы довела меня до мучительной эрекции и потом бросила в таком состоянии, если ты на это намекаешь.

Ронни замерла в кресле на мгновение, но уже в следующую секунду стояла на ногах, вытянувшись во весь свой рост – пять футов и четыре дюйма оскорбленной и разгневанной женской плоти.

– Ты грубиян! Ты знаешь, почему я бросила тебя тогда. Я не хотела продавать свое тело в обмен на твое молчание. И

ты не долго меня помнил, так ведь? Флиртовал с Сэнди, как тот Казанова, со всеми этими «лучше ее узнать» сегодня же вечером...

Гнев его как пришел, так и ушел – очень быстро.

– Ты меня ревнуешь.

Он заподозрил, что Ронни его ревнует, еще тогда, во время разговора с Сэнди, но сейчас, получив подтверждение своей догадки из уст самой же Ронни, он чувствовал настоящее глубокое мужское удовлетворение.

Она зло на него воззрилась:

– Я не ревновала. Что ты там делаешь со своими блондинистыми деваками – не мое дело.

Он не мог подавить искушение ее поддеть.

– Я думал, Сэнди – твоя подруга. Ронни выглядела несколько растерянной.

– Она и есть моя подруга.

– Ты всех подруг называешь «деваками» или только тех, кто выказывает интерес к твоему бывшему любовнику?

– Я не это имела в виду, – процедила Вероника сквозь стиснутые зубы. – Сэнди очень милая.

– Она еще и обалденно привлекательная.

Он совершенно не был готов к тому, что случилось. Глаза Ронни заволокла влага, и нижняя губа у нее подозрительно задрожала. Она развернулась, подставив его взгляду собственную спину.

– Да, это так, – сдавленно пробормотала она. Черт с ним,

с самолюбием. Он не мог видеть ее плачущей.

Маркус положил ладони ей на плечи и притянул ее к себе до соприкосновения тел.

– Я бесчувственная свинья. Прости меня, детка.

– Жаба. И даже не живая, цементная жаба. Не понимаю, почему ты должен просить прощения за то, что сказал правду. Сэнди – роскошная женщина. – Голос ее дрогнул на последней фразе, и она отстранилась.

Он крепче схватил ее за плечи.

– Единственная женщина, которую я сейчас хочу, – это ты. Сэнди волнует меня так же, как красивый стол или стул.

Ронни всхлипнула.

– Это не имеет значения.

Желание как следует ее встряхнуть вернулось к нему. Имеет! Еще какое! Более восемнадцати месяцев он ни с кем не спал. И еще это было очень важно, потому что его невозмутимая Ронни, из которой и слезинки не выжмешь под самой жестокой пыткой, сейчас плакала.

– О, это имеет значение.

Она снова попыталась отстраниться, но он, еще крепче вжав пальцы ей в плечи, развернул ее к себе лицом.

Она отказывалась поднять на него глаза и все пыталась вырваться из кольца его рук.

– Не усложняй, – укоризненно сказал он.

Она прекратила борьбу и уперлась головой в яркий хлопок его рубашки.

– Я не хочу усложнять. Я просто пытаюсь быть разумной. А снова ввязываться в отношения с тобой – глупость.

В этом он был с ней согласен. Ложиться с Ронни в постель было бы преступной дуростью, но с каждым днем потребность в этом лишь усиливалась, и он не знал, сколько еще сможет противиться искушению. В особенности когда уверен, что и она его хочет. Он чувствовал ее желание – по тому, как она вздрагивала, стоя в кольце его рук.

– Приходи ко мне завтра на ужин.

Она потерлась головой о его грудь из стороны в сторону, но вслух «нет» не сказала.

– Пожалуйста, детка.

Зачем он ее умоляет? Разве не наоборот все должно быть? Ведь это она его бросила.

– Помнится, ты говорил, что у тебя для меня времени не найдется до понедельника.

– Я сказал чушь. – В тот момент он еще верил, что может сопротивляться. Какой придурок!

Она сдавленно засмеялась:

– Да уж.

– Так ты придешь?

– Не думаю, что это хорошая мысль.

– Но ты придешь. – Он не спрашивал, он заявлял в надежде, что она подтвердит это. – Я поджарю мясо.

– Просто ужин.

Он обнял ее и молча привлек еще ближе к себе. Он не

мог обещать, что все будет так прозаично. Два года назад он готов был сказать или сделать все, что угодно, лишьбы заманить ее к себе в постель. Но больше он не желал играть в эти игры. Если она к нему придет, то он должен знать, на что она соглашается.

Она оттолкнула его, и на этот раз Маркус ее отпустил.

Она пробуравила его взглядом и сказала:

– Я не намерена заниматься с тобой сексом.

– Ладно. – Он тоже не был настроен на секс. Он хотел заниматься с Вероникой Ричардс любовью, и она была единственной женщиной, для которой он делал это различие.

Глава 10

На подкашивающихся от волнения ногах Вероника стояла перед дверью в квартиру Маркуса. Временную квартиру.

Он в Сиэтле только в командировке. Потом он уедет. И если она позволит себе снова ввязаться в отношения с Маркусом, то обречет себя на те же страдания, через которые уже проходила. Едва ли она снова переживет эту боль.

Ужин и все – только ужин, вновь напомнила она себе.

Она сказала Маркусу, что не собирается заниматься с ним сексом, и он согласился. Ей не о чем беспокоиться. Он также сказал, чтобы она забыла про угрозы. Итак, она могла вздохнуть спокойно... разве не так?

Вероника подняла руку и нажала на звонок.

Дверь распахнулась сразу. На пороге стоял Маркус. На нем была гавайская рубашка, на этот раз в голубых тонах, но вместо плотных темных джинсовых брюк, что он носил в офисе, сейчас на нем были потертые и очень тугие светлые джинсы.

Сделав для храбрости глубокий вдох, она протянула ему шоколадный торт, что испекла накануне.

– Вот. Я принесла десерт.

Лениво улыбаясь, он взял из ее рук бело-голубую пластиковую коробку.

– Спасибо.

Он отступил в глубь коридора, пропуская ее в квартиру. Пряный мужской запах, в котором угадывался аромат дорогого лосьона после бритья, ударил ей в ноздри, когда она протиснулась мимо него в холл – коридор был узковат. Этот запах кружил голову и навевал непрошенные воспоминания. Колени задрожали еще сильнее, когда она невольно вспомнила о тех обстоятельствах, когда к этому запаху примешивался иной аромат – так благоухает влажная земля весной. Так пахнет постель после любви. Вероника мысленно себя одернула. Не об этом ей следовало сейчас думать.

Он закрыл дверь и остановился, покачивая коробку с тортом за бечевку на одном пальце.

– Выглядит вкусно, медовая моя. Не то ли это шоколадное изделие, что ты приготовила в тот единственный раз, когда мы ужинали у тебя дома?

Вероника не знала, куда деваться от смущения. В тот раз этому шоколадному торту выпало играть весьма заметную роль в эротических утехх, сопровождавших ужин. Зачем она приготовила именно этот десерт, когда знала с десятков других рецептов?

– Да, то самое.

Маркус многообещающе улыбнулся.

Неужели он всерьез считает, что она испекла его специально, чтобы, так сказать, сделать намек? Веронике вдруг стало жарко. Желая вернуть мыслям трезвость и холодность, которых ей так не хватало, она сняла джинсовую куртку и

небрежно бросила на светлое кожаное кресло. В надежде, что удобная одежда поможет ей чувствовать себя непринужденно, она надела поношенные джинсы и розовую заправленную в них блузку. Ничего менее сексуального она подобрать не могла.

Обернувшись к Маркусу, она пожелала убедиться, что он тоже не считает ее наряд сексуальным, и встретила его неприкрыто голодный мужской взгляд. Он пожирал ее глазами. Интересно, что такого он нашел в ее наряде, что могло разбудить столь откровенное желание? Целую минуту они не могли оторвать друг от друга глаз.

Затем он заговорил:

– Ронни.

Всего одно слово, но в нем было столько страсти, что она, не устояв на ногах, облокотилась о диван.

– Ужин, Маркус. Ты обещал. – Она говорила с придыханиями и ничего не могла с собой поделать. Но это не должно ей помешать действовать по намеченному плану.

Она мысленно похвалила себя уже за то, что продолжает стоять на ногах и еще способна на членораздельную речь под таким взглядом.

Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, потом долгий судорожный выдох и сказал:

– Ладно. Ужин так ужин.

Открыв глаза, он направился к нише, за которой, вероятно, располагалась кухня.

– Гриль уже разогрет, и мясо поджарится очень быстро.

– Отлично.

Она облегченно вздохнула. Очевидно, он и сам готов придерживаться условий сделки. И это хорошо, потому что в себе она была не так уверена.

– Я пока приготовлю салат.

Он привел ее в светлую, отлично оборудованную кухню, раза в два больше той, что была в ее квартире. Вероника вздохнула. Много бы она дала, чтобы иметь кухню такого размера, – готовить она любила и умела. Увы, при выборе квартиры она руководствовалась не желаниями, а необходимостью. Важнее была цена при требуемом количестве спален. После многих месяцев, проведенных в госпиталях, Дженни заслужила право на личное пространство, на комнату, которую она могла бы назвать только своей, и ничьей больше. И, понимая это, Вероника пошла на то, чтобы снять квартиру, менее комфортабельную, с маленькой гостиной и крохотной кухней и в не слишком престижном районе, но зато с отдельной комнатой для Дженнифер.

Маркус поставил коробку с тортом на холодильник.

– Салат готов.

В нише, представляющей собой крохотную столовую, стол уже был накрыт.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Составь мне компанию, пока я буду готовить мясо. –

Маркус открыл застекленную дверь, ведущую на маленький

балкон, и шагнул за порог.

Вероника последовала за ним, уже пожалев о том, что сняла куртку. От свежего весеннего ветерка она поежилась, несмотря на то что блуза ее была из плотного хлопка. Как-то неприятно дала о себе знать тонкая ткань бюстгальтера. Она подошла поближе к грилю, чтобы согреться. Скрестила руки на груди, словно хотела защититься от холода или нескромного взгляда.

– Здесь прохладно.

Маркус окинул ее синим взглядом и улыбнулся:

– Я могу согреть тебя, моя сладкая. Только скажи. Она торопливо отступила.

– Я вернусь за курткой.

Его смех преследовал ее. Отступление и вправду было похоже на бегство. Ей показалось, что он назвал ее трусихой, но она не вполне была уверена, что правильно его расслышала, и решила, что возвращаться, чтобы призвать его к ответу, просто глупо. Остановившись посреди ультрасовременной гостиной, чтобы накинуть куртку, она попыталась взять себя в руки. Чувства ее пребывали в полнейшем смятении. Она не понимала, как вообще решилась прийти сюда. Ей очень хотелось заглянуть в спальню, и при этом она говорила себе, что как раз туда-то заходить не стоит. Если бы не суровый самоконтроль, она бы давно схватила Маркуса за руку и напрямую потащила туда, куда ей был навеки путь закрыт, – в его постель.

Вернувшись на балкон, Вероника увидела, что предмет ее чувственных терзаний небрежно прислонился к остеклению балкона. Синее небо и вода создавали потрясающий фон для открывшейся ее взгляду картины. У Вероники слегка закружилась голова. Квартира у Маркуса располагалась на двадцатом этаже.

Ей страшно захотелось схватить его за голубую рубашку и оттащить подальше от стеклянной стены.

– Маркус, отойди. А вдруг стекло не выдержит? Глаза у него округлились от приятного удивления.

– Строители наверняка застраховались на случай, если кому-то из жильцов придет в голову прислониться к ограждению.

Кисти ее сжались в кулаки. Как глупо! Она отвела взгляд.

– Да, конечно.

Он был прав. Ей не раз становилось неловко из-за своей боязни высоты. Она не понимала, откуда у нее этот страх. Когда ее родители были еще живы, папа, строитель по профессии, совершенно спокойно ходивший по лесам на высоте десятого этажа, не раз над ней за это посмеивался. По мере взросления Вероника научилась контролировать свои реакции – но лишь до определенной степени.

Она все еще реагировала слишком бурно, когда видела кого-то, кто был ей дорог, возле края обрыва или рядом со стеклянной стеной лифта. Всякий раз, когда Дженни, до того как болезнь лишила ее возможности заниматься любимым

спортом, прыгала с трамплина в бассейне, Вероника сжимала зубы и, зажмурившись, читала молитвы.

Маркус отделился от стены и шагнул к ней.

Он протянул руку к ее лицу и, взяв за подбородок, приподнял его так, чтобы глаза их встретились.

– Ты боишься воды. Высоты. Боишься меня. Есть ли хоть что-нибудь, что тебя не страшит?

Она открыла было рот, но один взгляд в его гипнотизирующие глаза лишил ее дара речи.

– Ч-что?

Он улыбнулся, и глаза его изменили цвет – они стали синими, как воды Карибского моря перед закатом.

– Ничего. Это не важно.

И он стал опускать голову. Губы его были совсем близко, когда до нее дошел смысл тех слов, что он сказал раньше.

В отчаянной попытке предотвратить неизбежное она выпалила:

– Я не боюсь воды и тебя тоже.

Ее пугало то, что он заставляет ее чувствовать, но она не собиралась признавать этот очевидный факт. Он прекратил наступление, но не отступил.

– Ты никогда не ходила со мной плавать.

– Я не хотела, чтобы ты увидел меня в купальнике. Он изумленно рассмеялся, и его дыхание оведало ее губы.

– Я видел тебя вообще без ничего.

И она его видела без одежды. От вставшей у нее перед

глазами картины – Маркус без ничего, если не считать его сексуальной улыбки, – у нее перехватило дыхание.

– Это было после того, как ты пригласил меня поплавать. Кажется, он тоже об этом вспомнил.

– Понятно. Итак, у меня есть шанс уговорить тебя составить мне компанию в бассейне, что находится в подвале этого самого здания, в ближайшем будущем?

– Нет! – выпалила она.

– Почему? – Его хриловатый голос щекотал нервные окончания.

– Я не хочу видеть тебя в плавках, – напрямик созналась она. Едва ли она сможет выдержать это зрелище.

– Ты сказала, что не боишься меня.

– Не боюсь, но не надо считать меня полной дурой.

– Значит, ты признаешь, что зрелище моего почти нагого тела слишком сильно тебя заведет? – Глаза его бросали ей вызов. Запах и тепло его тела кружили голову.

Она решила не отвечать. Хранила упрямое молчание. Он чертовски хорошо знал, что с ней творится при виде его неприкрытого тела. Она слышала, что женщины любят не глазами и обнаженный мужчина не так уж их возбуждает. Куда важнее то, что происходит в их головах и сердцах.

Ну, может, оно и так, только Вероника знала про себя, что при виде Маркуса без рубашки у нее рождалось столько разгоряченных фантазий, что и не рассказать. И чем меньше на нем было надето, тем больше разыгрывалось ее вообра-

жение.

Как-то раз она призналась ему в этом, готовая к тому, что он засмеется. Но он сказал ей, что она самая необыкновенная женщина из всех, кого он знал. И при воспоминании об этом разговоре на глазах у нее выступили слезы.

Он нежно убрал с ее глаз очки, отчего она вдруг стала вдвое беззащитнее под его взглядом. Он отступил, положил их на стол возле гриля и затем вернулся, чтобы заполнить собой ее личное пространство, до предела заряженное желанием.

– Ты скоро увидишь меня раздетым, – пообещал он, прежде чем прижаться губами к ее губам.

И мир повернулся вокруг оси и закружился, и вся ее вселенная съежилась, объята вкусом его губ, запахом и теплом его тела. Как она вообще могла подумать о том, чтобы лишиться себя всего этого? Маркус ей был нужен, как воздух, и все эти восемнадцать месяцев она жила словно на голодном воздушном пайке. Если бы не Дженни и Эрон, которые без нее пропали бы, она бы вообще потеряла волю к жизни.

Время, проведенное в компании Маркуса в его машине в понедельник вечером, было первым днем за полтора года, когда она почувствовала, что живет полной жизнью.

Как могла она противиться искушению вновь испытать радость и полноту жизни после стольких месяцев призрачного существования?

Вероника приоткрыла губы, и он тут же воспользовался

этим. Он исследовал глубины ее рта с безудержной страстностью, и тот голод, что отражал его взгляд, в полной мере проявил себя в этом поцелуе. Вероника таяла под его губами; она, сама того не замечая, прижалась к нему всем телом. Она чувствовала, как символ его мужества упирается в ее живот, и испытывала благоговейное восхищение перед стремительностью и каменной твердостью его эрекции.

Пробежав пальцами по спине Маркуса, она просунула руки под его рубашку и с голодной жадностью принялась гладить шелковистую кожу. Мышцы его напряглись, он вздрагивал от ее прикосновений. Она скользнула руками вниз, дошла до пояса и, не задумываясь о последствиях, продолжила движение вниз. На нем не было нижнего белья. Она улыбнулась своим мыслям, сжав ладонями его мускулистые ягодичцы, и он тихо застонал.

Она сама не знала, откуда в ней взялась эта дерзость. Почти два года она вела жизнь одинокой матери и сексом не интересовалась.

Она игнорировала все попытки за ней приударить, хотя не так-то было их много, этих попыток. Но каждый, кто делал ей недвусмысленные предложения, встречал холодный и вполне определенный отказ. Она говорила себе, что просто не хочет совершить еще одну ошибку. И теперь правда настигла ее.

Она ждала Маркуса.

Отклик ее тела был настолько силен и импульсивен, что

не признать правды она не могла. Она хотела его с душераздирающей силой полтора года назад, и эта страсть несколько не ослабла. Она привлекла Маркуса к себе, и он расставил ноги, чтобы обнять ее всем своим телом. Она опустила руку так, что кончики пальцев достали до мягкой плоти мошонки.

Осторожно надавив на точку, о которой она в одном женском журнале вычитала, что это одна из самых сильных эрогенных мужских зон, она почувствовала, как все его тело затвердело от напряжения, и тогда он застонал – застонал как зверь. Она бы улыбнулась, поздравив себя с успешным применением на практике теоретических познаний, но губы ее были заняты – они слились с губами Маркуса.

Поцелуй, который с самого начала был жарким, теперь достиг градуса раскаленной лавы. Он мял губами ее губы, язык его исследовал глубины ее рта с убийственной настойчивостью.

Оторвавшись от ее губ всего на секунду, он что-то раздраженно пробормотал насчет ее роста. Затем одной рукой сжал ее голову, а другой приподнял ее ягодицы так, чтобы ему не пришлось слишком сильно наклоняться, целуя ее в губы, – в этом положении телесный контакт оказался сильнее. Она была вынуждена отпустить его спину и прекратить исследование только-только открытой новой эрогенной зоны.

Не желая лишать себя удовольствия наслаждаться осязанием его кожи, она вцепилась в его покрытую волосками грудь. Отчаянно нуждаясь в большем и не желая отрываться

от его губ, чтобы об этом попросить, она прижалась промежностью к его паху. Хрипло застонав, он сделал два шага вперед, и она почувствовала у себя за спиной холодное стекло балконной двери.

Казалось, нет ничего более естественного, чем, раскинув ноги, приподнять их и сцепить у него за ягодицами. Господи, как это было приятно! У нее голову сносило от счастья.

Он сделал толчок бедрами, словно входил в нее, и она испытала невероятно мучительное наслаждение. Два слоя джинсовой ткани были словно пыточные орудия, мешавшие тому, чего она так отчаянно хотела – почувствовать его кожей к коже, плотью к плоти.

Она желала ощутить его в себе.

Оторвавшись от его губ, глотая воздух, она прошептала: – Прошу тебя, Маркус...

Она сама не знала, о чем его просит: то ли о том, чтобы он прекратил эту пытку, то ли чтобы сорвал с них обоих одежду и довершил начатое.

Он наклонился – поцеловать ее под подбородком, одновременно, выпростав руку из-под ее затылка, потянул за полублузки. Блузка была на кнопках, и они поддались после двух сильных рывков. Он не стал запускать руку ей за пазуху, а приподнял рубашку, обнажив обтянутую тонким бюстгальтером грудь. Ловко щелкнув застежкой, которая, на его счастье, была спереди, он добился того, что ее округлившаяся грудь предстала перед его взглядом во всей своей осле-

пительной нагоде.

Он благоговейно притронулся к каждой груди кончиком пальца.

– Ты такая красивая.

Она издала звук, похожий на всхлип.

– Они полнее, чем мне помнится. Как я мог забыть? – Голос его звучал так, словно он был немного навеселе.

– Ты не забыл. – Слова вылетели быстрее, чем она спохватилась.

Как она могла объяснить ему увеличение объема груди – побочный эффект материнства и шестимесячного кормления младенца, не рассказав правду?

– Ты и в весе прибавила тоже. – Он провел рукой вниз по обнажившемуся животу. – Мне нравится.

Она ничего не сказала. До беременности у нее был шестой размер, а после стал восьмой. Бедра у нее слегка округлились, бюстгальтер она стала носить на размер больше, и появился маленький круглый животик, но при этом даже самый суровый критик не мог бы назвать ее крупной или пышной.

Он обвел кончиком пальца вокруг сосков, уже превратившихся в твердые камешки и вызывавших к более пристальному вниманию. Ей так хотелось этого, что она прогнулась ему навстречу и застонала – соски уже болели от напряжения.

– Все по-прежнему. Ты так отзывчива, что у меня дух захватывает. – Он опустил голову и дал ей то, о чем зывала

ее плоть. Накрыл ее сосок губами.

Господи! Нет, он ошибался. Она реагировала еще острее, чем раньше. Соски, которые постоянно ныли во время беременности, при первом сосательном движении откликнулись с преувеличенной интенсивностью. Ее словно током пробило – почти болезненно острое наслаждение, рожденное в соске, молниеносно распространилось по всему телу. Она коротко, но громко вскрикнула. Он стал интенсивнее работать губами, и она в слепом экстазе неутоленного желания извивалась под его мучительной лаской.

Работая губами над одной грудью и играя рукой с соском другой, он возбудил ее еще больше. Она сама не поверила в то, что с ней происходит, – внутри у нее все сжалось, она была на пороге оргазма.

– Маркус, не останавливайся! Еще! Сильнее! Прошу...

Голос отказал ей, но Маркус и так все понял и увеличил давление на ставшие каменными соски. И когда пришел миг ее блаженства, ноги ее сжались вокруг его бедер с такой силой, что их едва не свела судорога. Голова ее откинулась, она упиралась макушкой в стеклянную дверь, ногти впивались в его грудь, и из полураскрытых губ вырвался стон – стон страсти.

Маркус весь натянулся как струна, но не переставал ласкать ее, и сокращения следовали одно за другим, казалось, бессчетное число раз, пока наконец она не обмякла как тряпичная кукла.

– Пожалуйста, не надо больше, – взмолилась она. Он ласково поцеловал каждую грудь и нежно лизнул ооба соска, перед тем как поднять голову.

Его ошалевший взгляд встретился с ее глазами.

– Как это? – только и спросил он.

У нее не было ответа на его вопрос, и она лишь уперлась головой в его плечо. Она поцеловала его в соленую шею и уткнулась в нее губами. Она чувствовала, что тело его все еще накалено, но прямо сейчас она не в силах была заставить себя помочь ему снять напряжение. Бурная реакция собственного тела выхолостила ее.

Он не настаивал. Казалось, он готов всю ночь вот так стоять и обнимать ее. Он гладил ее по голове и поцеловал в висок. Поцелуй был нежен, осторожен и без всякого ожидания ответных действий. И тогда в ней стало подниматься это чувство – расти как снежный ком. Чувство любви и благодарности к мужчине, что обнимал ее. Она была все еще под действием того невероятного, что только что испытала в его объятиях. Эти ощущения были слишком свежими, чтобы отрицать их, но родившееся в ней чувство было таким сложным и многогранным, что она решила оставить на потом его анализ.

Постепенно в ее одурманенный страстью мозг начали проникать внешние раздражители. Осознание того, где они находятся, например. Запах жарящегося на гриле мяса. Догадался ли Маркус убраться решетку подальше от углей? Ни один

из них думать об ужине сейчас, пожалуй, не мог.

Шум машин внизу вдруг напомнил ей, что она только что прокричала на весь западный Сиэтл о своем оргазме. Краска стыда залила ей шею, поднялась до щек. Господи! Она зарылась головой Маркусу в грудь, словно пытаясь погасить смущение, пряча наготу за его телом.

Он крепче обнял ее и поцеловал в щеку.

– Позволь мне любить тебя, Ронни.

Слова были столь же искушающими, сколь и тон, какими они были сказаны. Он всегда называл то, что они делали вместе, сексом. И при одном этом простом слове «любовь» тело ее вздрогнуло от желания.

Возможно, потеряв ее, он осознал, что ее любит? Нет, маловероятно. Как мог мужчина полюбить женщину, которая предала и его, и себя?

– Отбивные, – заставила она себя напомнить ему.

– Забудь о них.

– Когда они превратятся в уголь и соседи вызовут пожарную бригаду, ты сам о них вспомнишь.

– Как можешь ты думать об этих чертовых отбивных, после того что сейчас произошло? Неужели ты не чувствуешь, как ты мне нужна? – Он прижался к ней пахом, и она вздрогнула.

Если бы он говорил сердито или требовательно, она нашла бы, что ему возразить, но в голосе его звучало одно лишь горестное недоумение и очень явно осязаемое мужское

желание.

И еще он произнес слово «любить».

Она не могла отказать ему любить себя. Она честно пыталась перестать любить Маркуса. Но уже во время беременности поняла, что дело ее проиграно.

Как могла она искоренить в себе любовь к мужчине, от которого имела ребенка – маленькую частицу отца, о ком он будет напоминать ей всю жизнь? Ребенка, которой будет вечно вызывать в памяти того, кого она так желает и по кому отчаянно скучает? И как она может отказать ему любить если не ее самое, то ее тело, когда ее желание полностью совпадает с его потребностью в ней?

Оргазм не принес ей удовлетворения. Она могла получить его, только когда Маркус наполнит ее собой. Она обняла его и прижала к себе так, словно он грозил ее покинуть, а не умолял остаться.

Она снова поцеловала его в шею, вдохнула его запах и пробежала губами под подбородком.

– Мне плевать на отбивные. Мне даже почти все равно, что я только что занималась сексом на балконе на виду у Всевышнего, птиц и соседей с биноклями. Отнеси меня на кровать, Маркус. Пожалуйста.

Глава 11

Маркус замер, услышав слова Ронни. Она согласилась. Она хотела его. Его отвердевшая плоть загудела при этой мысли, а в голове все никак не укладывалось, что она не придала никакого значения тому, что ее крик, крик наслаждения, услышал сам Господь, птицы и соседи.

Восемнадцать месяцев назад у нее случилась бы истерика в подобной ситуации. Она и помыслить не могла о том, чтобы отдаться страсти там, где ее могли услышать или увидеть посторонние.

Маркус не стал рисковать. Если дать ей время, она, того и гляди, опомнится и изменит решение. Поэтому он понес ее, обвившую его руками и ногами, с балкона в квартиру. В несколько шагов он преодолел расстояние до спальни, уложил ее на кровать, а сам лег сверху, придерживая на локтях вес тела, чтобы ее не раздавить. В распахнутой на груди рубашке и с взъерошенными волосами она казалась воплощением необузданной чувственности.

И он хотел ее.

Плоть его распирало от желания. Он не знал, удастся ли ему расстегнуть молнию на джинсах, не нанеся себе телесных повреждений.

– Я хочу войти в тебя, детка. Я так сильно тебя хочу.

– Да. – Она качнулась под ним – одно легкое движение,

но его было достаточно, чтобы подвести Маркуса к опасной черте.

Животный крик сдавил ему горло. Он простонал сквозь сжатые зубы.

Если он не возьмет себя в руки, то поведет себя в постели как подросток, впервые оставшийся с женщиной наедине. Ему нужна была передышка. Шестьдесят секунд, чтобы успокоиться, – шестьдесят секунд без контакта с ее телом. Маркус медлил.

Если он покинет ее на минуту, вдруг она придет в себя и даст ему от ворот поворот?

Маркус взвешивал шансы.

Серые глаза Ронни были подернуты дымкой страсти. Ее поступками едва ли правил разум. Черт!

Он сейчас кончит.

Маркус откатился на бок.

– Я должен спасти мясо.

Ронни широко открыла глаза и одними губами прошептала:

– Не уходи.

Маркус покачал головой и приложил палец к ее губам.

– Молчи. – Он попятился к двери, с трудом преодолевая силу, что влекла его к ней. – Я сейчас вернусь.

Возле двери он сделал крутой поворот и чуть ли не бегом бросился на кухню, не давая себе передумать.

Из ярко освещенной кухни он вышел на балкон и несколь-

ко раз глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух. И только потом снял мясо с гриля. Отбивные поджарились сильнее, чем он любил, но, к счастью, не подгорели. Вернувшись на кухню, он решил, что недостаточно остыл для успешного выполнения своей миссии, и, сознательно продлевая мучения плоти, убрал в холодильник салат и прочие закуски, приготовленные для ужина.

Тело его не вполне расслабилось, но зато он дал Ронни время, чтобы собраться с мыслями. Решить, на самом ли деле она хочет, чтобы он занялся с ней любовью.

Ронни не отличалась терпением в том, что касалось секса. Так было у них с самого первого дня.

Ему это нравилось. Очень. Но на этот раз он не станет пользоваться ее слабостью. Он даст ей равные шансы. Ведь на кон поставлено их с Ронни будущее. Ронни не глупа и, когда угар страсти рассеется, поймет, что ее использовали. И решит, что вправе нанести ответный удар. Маркус не мог позволить, чтобы она вновь внезапно ушла от него. Если она позволит ему все, пусть знает, на что идет.

Маркус сознательно тянул время, и с каждой минутой он все больше утверждался в мысли, что, вернувшись в спальню, застанет Ронни одетой и готовой уйти. Или она уже ушла. Нет. Очки ее остались на балконе. Она без них не может вести машину. Он вернулся на балкон и принес очки.

И только тогда, переведя дух, он медленно направился в спальню. Неуютная тугая тяжесть в районе ширинки напо-

минала ему о том, что тело его по-прежнему пребывало не в ладу с разумом.

Лампа на тумбочке была выключена, но света, проникавшего в спальню из коридора, хватало, чтобы разглядеть кровать и совершенно нагую женщину на ней.

Маркус остановился как вкопанный посреди комнаты.

– Тебя так долго не было... Я решила, что ты съел все мясо. Только не говори мне, что утолил голод. – Она явно пыталась пошутить, но в голосе звучала тревога. Она была на пределе.

Он снова просчитался и обидел ее долгим отсутствием?

Ведь он просто хотел дать ей время собраться с мыслями.

– Ни капли. – Его страсть к ней была неутолима. Он слишком хорошо усвоил этот урок.

Она улыбнулась. Как маленькая хищница в предвкушении вкусной добычи.

– Тогда чего ты ждешь?

– Раньше ты была застенчивой. – Голос его прозвучал серьезно, он хотел ее поддразнить, но не вышло.

Она безразлично пожала плечами. Какое там безразличие – он видел знаки, которые кричали об ином: кожа ее приобрела розоватый оттенок, а грудь вздымалась и падала.

– Как тебе не стыдно? С тобой я никогда не была другой.

Он сорвал с себя рубашку и осторожно расстегнул джинсы.

– Я хочу, чтобы только со мной ты была такой.

Он побагровел при мысли о том, что она может лежать вот так – нагая – перед другим мужчиной. Кстати...

– Где ты научилась этому трюку, что продемонстрировала мне на балконе?

Она раньше никогда такого не делала, и ему стало тошно от подозрения, что ее этому научил другой мужчина.

Вероника покраснела. Природная стыдливость вернулась к ней.

– В «Космополитене».

Маркус облегченно вздохнул. Раньше он не знал, что такое ревность. Маркус давно заметил, что с ним что-то происходит, и эти перемены не слишком его радовали. Впрочем, об этом он поразмыслит потом. А сейчас... Он спустил джинсы до бедер, освобождая пенис. Тот радостно вспрыгнул, и Маркус едва не засмеялся, увидев, как расширились устремленные на его член зрачки Ронни. Он скинул ботинки и носки, снял до конца джинсы и, совершенно нагой, встал перед ней, давая ей насладиться зрелищем.

Ей нравилось смотреть на его обнаженное тело. Несколько раз бывало так, что он, очнувшись от дремы, видел, как она, присев рядом с ним на колени, просто смотрит на него.

– Довольна просмотром? Хватит?

– Мне тебя всегда мало, – сказала она.

Он подошел к кровати, чувствуя себя хищником, готовым вонзиться в добычу.

Он хотел эту женщину. Вчера. Сейчас. Завтра.

– Тебе будет хорошо.

Она вздрогнула и еле слышно застонала. Ноги ее сами раздвинулись в недвусмысленном приглашении. Все было, как в добрые старые времена. Он был по-настоящему рад тому, что она достигла оргазма на балконе, потому что далеко не был уверен в том, что сможет протянуть долго. Дай Бог, чтобы после восемнадцати месяцев воздержания он смог сделать большее, чем несколько коротких толчков, перед тем как кончить.

Он ни разу до сих пор не видел женщину, которая достигла бы оргазма только от того, что ей ласкают грудь. Он терся об нее, это верно, но много ли почувствуешь через два слоя джинсовой ткани?

– О чем ты думаешь? – сдавленно спросила она.

– О том, какая ты сексуальная. И что я долго не протяну. – Он ни за что не признался бы в слабости перед другой женщиной.

Она прикусила губу. Она несколько сдвинула ноги, но не до конца.

– Я решила, что могла тебе не понравиться. Ведь я изменилась.

Он кивнул, приблизился к кровати, к ней, встал так, что его голени уперлись в край матраса.

– Я сказал тебе, что мне нравятся эти изменения. И теперь, когда я могу видеть тебя всю, мне это еще больше по вкусу.

У нее был очаровательный маленький животик, и бедра стали полнее. Он не мог понять, как это могло случиться. Мать его всегда худела, когда переживала стресс, а Ронни, наоборот, поправилась – и это при том, что последние полтора года стали для нее настоящим адом. Но, как бы то ни было, он говорил правду – его еще больше возбуждала ее новая фигура. Он хотел изучить на ощупь каждый дюйм ее ставшего более пышным тела, каждую новую округлость. Прикоснуться к ним ладонями и губами.

Но потом. Сейчас он хотел одного – войти в нее как можно скорее.

Все, о чем он сейчас мечтал, – это примитивный акт совокупления.

Он опустился на нее и задрожал от прикосновения к желанному нагому телу. Ему было так хорошо, что он испугался, что кончит, даже не войдя в нее. Она беспокойно задвигалась под ним, раздвинув ноги пошире. Кончик его пениса почувствовал вход в убежище. Нежное влажное тепло манило его, и он хотел войти в нее одним сильным толчком.

Он остановил себя как раз вовремя, чтобы задать вопрос: – Ты принимаешь противозачаточные пилюли? Я должен тебя защитить?

Он не собирался вести беседу насчет безопасного секса, когда сам восемнадцать месяцев хранил целомудрие и что-то ему подсказывало: и она тоже.

Она часто задышала, приподнявшись ему навстречу.

– Да. Я не подумала. У тебя что-то есть?

Она подтвердила его догадку о том, что не занималась сексом, с тех пор как его оставила. Она перестала принимать пилюли – ей это было ни к чему. Он потянулся через нее к тумбочке, и кончик пениса проехал по шелковистой коже. Открыв выдвижной ящик стола, вытащил маленький пакетик.

– На, сделай это сама. – У него руки дрожали.

Она выгнулась ему навстречу, лаская телом его возбужденную плоть. Сама она сосредоточилась на том, чтобы открыть упаковку с презервативами.

– Вот, – сказала она, разорвав пакетик.

Он приподнялся над ней на колени, и она нежно надела на него кондом.

Голова его откинулась при прикосновении, и он застонал.

– О, детка! Так хорошо! Как давно этого не было! Как давно...

– А как давно?

При этом он вздрогнул, и глаза их встретились. В ее взгляде было беспокойство, смешанное со страхом. Она боялась того, что услышит.

Он попытался ободрить ее улыбкой, насколько это вообще возможно, когда твоя плоть готова взорваться.

– Восемнадцать долгих одиноких месяцев, крошка. Она вскрикнула от шока, но сейчас он не собирался обсуждать причины своего затянувшегося целомудрия. Он взял ее как

раз так, как она того хотела – одним долгим толчком. Она вскрикнула, и он замер.

– Я сделал тебе больно? – Ему дорогого стоило задать этот вопрос.

– Нет. Просто там немного туго, вот и все. Ты большой мальчик, Маркус.

Он засмеялся бы над этим комплиментом, тешащим мужское самолюбие, но дыхания не хватило. Он опустил голову и жадно овладел ее ртом, погружаясь раз за разом в ее тело. Когда она снова достигла пика наслаждения, он чувствовал, с какой силой она сжимается вокруг него – как удав, и, находясь внутри ее, взорвался сам, так что в глазах потемнело. Потом упал на нее, и мышцы его более не в силах были держать его вес.

Смутная мысль о том, что он может ее раздавить, мелькнула в его голове, но Ронни, кажется, была не против. Она крепко держала его за шею.

Теплые слезы текли у нее по вискам, увлажняли волосы. Вес Маркуса давил на нее, но эта тяжесть была приятной. Она понимала, что должна как-то исправить ситуацию, что совершила ужасную глупость, но тело ее и чувства были не в ладах со здравым смыслом. Впервые за долгое время она ощущала блаженное удовлетворение, и о том, что выбор был ею сделан не самый лучший, думать совсем не хотелось. С точки зрения ее тела и ее чувств лучшего с ней не могло случиться.

Маркус приподнял голову, вытер свою влажную щеку и прикоснулся к ее виску. Лицо его было в тени, и она не могла различить его выражения.

– Ты сказала, что я не сделал тебе больно, – сказал он с поистине мужским участием.

Она замотала головой – говорить она была пока не в состоянии. Сморгнув слезы, она все же сказала:

– Нет, ты не причинил мне боли.

– Тогда почему ты плачешь?

– Я соскучилась по тебе, – сказала она не подумав. Но это было правдой.

Восемнадцать месяцев она прожила без него, и не было дня, когда бы она физически не страдала от его отсутствия.

– Ты меня бросила. – В словах его не было ни упрека, ни злости. Только недоумение. – Почему?

– Я думала, у меня нет выбора.

– Ты мне не доверяла.

– Я не знала тебя. – Как можно доверять мужчине, после того как он заявил тебе, что все, на что она может рассчитывать с его стороны, – это секс?

Он изменил положение, и она почувствовала, что его плоть, еще наполовину эрегированная, находится в ней.

– Как ты можешь так говорить? Ты знала меня ближе, чем любая другая женщина.

Она ошеломленно уставилась на него. Неужели он и в самом деле так думает?

– Маркус, мне неизвестно даже, как зовут твоих родителей, живы ли они. Есть ли у тебя братья и сестры. Ты, настоящий, всегда прятался за дурацкими шуточками и сверхъестественной сексуальностью.

Той самой сексуальностью, которая подвигла ее на то, чтобы, раздевшись донага, дожидаться его в кровати, несмотря на то что слишком уж долго он «спасал отбивные», словно услужливо предоставлял ей возможность передумать.

Он поцеловал ее в уголок губ и снова шевельнул бедрами, в результате чего его наполовину уснувшая плоть вновь отвердела. Она пробормотала что-то насчет того, чтобы он с нее сползал, но замолкла на полуслове, когда увидела, что он снова открыл выдвижной ящик и деловито и быстро принялся менять использованный презерватив на новый.

Он вернулся к ней, раздвинул ее бедра, чтобы вновь войти в нее, на этот раз медленно, дюйм за дюймом.

Он улыбался, глядя ей в глаза с чувственным обещанием.

– Мою мать зовут Шарон, а отца – Лайонел Маркус Данверс четвертый.

Она с шумом вдохнула, аркой выгибаясь ему навстречу.

– Потом...

И снова потерялась в водовороте, который всегда увлекал ее, когда Маркус к ней прикасался. Его толчки были мучительно медленными и глубокими. Он целовал ее и ласкал, пока дыхание ее не стало сбивчивым и она не взмолилась о пощаде. Тогда он дал ей просимое серией жестких, силь-

ных толчков, не прекращавшихся до того самого момента, как тело ее стало конвульсивно сжиматься, волна за волной, возвещая о разрядке.

После этого она задремала. Она не знала, сколько времени проспала, но когда проснулась, лампа на тумбочке уже горела. Маркус сидел рядом с ней на кровати в одних черных трикотажных трусах. Она села, увлекая за собой простыню, прикрывая грудь.

Он подоткнул подушки ей под спину, улыбнулся, подмигнул и многозначительно посмотрел на простыню.

– Хорошая мысль. Иначе я рискую снова пропустить ужин.

Он взял с тумбочки поднос и поставил его на кровать между ними. Ужин. Аромат жареного мяса и острой итальянской приправы ударил в ноздри. В животе заурчало от голода.

Он насмешливо приподнял бровь:

– Нагуляла аппетит, как я погляжу?

Она покраснела и успела кивнуть как раз перед тем, как он положил ей в рот немного салата. Чутьочку майонеза осталось на губах, и она слизнула его. Глаза его зажглись уже знакомым желанием, и она почувствовала, как тепло изнутри разливается по телу.

Не важно, сколько раз они занимались любовью. Ей всегда хотелось еще. Ее любовь, ее потребность в этом мужчине были неутолимыми. Она бы отложила ужин, если бы процесс приема пищи из его рук не был исключительно приятным

сам по себе.

Она жевала кусочек хорошо прожаренного мяса, когда он сказал:

– У меня есть сводные брат и сестра, ни тот, ни другая не питают ко мне особой любви.

Торопливо проглотив еду, она спросила:

– Что?

Все еще несколько дезориентированная после сна, уже находясь под оупляющим действием вновь накатившего желания, она не сразу поняла, о чем он говорит. И лишь с некоторой задержкой до нее дошло. Он говорит о своей семье.

– Как их зовут?

– Лайонел Маркус пятый и Патриция.

– Выходит, твой брат старше тебя.

– Да, на несколько лет.

– А сестра? – У нее до сих пор не укладывалось в голову то, что он говорил о своей семье.

Он всегда обходил эту тему молчанием, будто боялся раскрыть государственную тайну.

– Она тоже старше.

– Так ты самый младший. Поэтому они тебя недолюбливают? Потому что родители тебя избаловали? – Она улыбнулась и потянулась, чтобы погладить его по щеке.

Но в его глазах не отразилось ее нежное изумление.

– Нет.

Она ждала дальнейших объяснений, но их не последовало.

ло. Похоже, нужны наводящие вопросы.

– Не слишком ли это сложно – иметь в семье столько мужчин с одинаковыми именами? Я хочу сказать, твоего папу, наверное, звали в семье Лайонел. А как же тогда звали твоего брата? Лайонел-младший?

В ответ он рассмеялся густым смешком.

– Лайонел взбесился бы, если бы кто-то посмел назвать его таким недостойным титулом.

– Лайонел?

– Моего отца зовут Марк.

Итак, его мать – очевидно, вторая жена, потому что брат и сестра у него сводные – застолбила для Маркуса достойное место на семейном древе, дав ему среднее имя отца.

– Я все еще думаю, что это очень сложно.

– Поскольку я редко там появляюсь, проблем не возникает.

– Ты говорил Сэнди, что ездил недавно домой, чтобы с ними повидаться. Какое-то происшествие в семье? – осторожно спросила Вероника.

– У Марка был сердечный приступ. Маме потребовалась моя поддержка.

– Марк? – Теперь она запуталась. Она решила, что Марк приходился Маркусу отцом.

– Мой отец.

– Ты называешь отца по имени?

– Вообще-то я стараюсь обращаться к нему как можно ре-

же. Насколько это возможно.

Забыв об ужине, она смотрела на Маркуса.

– Но почему?

Он промолчал, и после нескольких секунд полной тишины Вероника решила, что он и не собирается отвечать.

Она отвернулась. Конечно, она чувствовала себя обиженной, но удивлена не была.

– Не мое дело. Я знаю. Случайная партнерша не обсуждает животрепещущие проблемы в семейных отношениях партнера.

Маркус схватил ее за плечи:

– Ты не просто партнерша, черт возьми! Ты всегда была для меня чем-то большим.

– Именно поэтому ты в первый же вечер объяснил мне, чтобы я не путала секс с любовью?

Она не понимала, почему он пытается переписать историю их отношений. Возможно, он это делает для того, чтобы полностью свалить вину за разрыв на нее. Но у него не получится. Она и так несла достаточный груз вины, чтобы взваливать на себя еще и эту – за отсутствие настоящей близости между ними.

– Но так все и было – вначале.

Она знала это. И все равно слышать об этом из его уст было больно.

– Но все изменилось. Я поймал себя на том, что мне хочется, чтобы ты проводила со мной всю ночь, но только ты

никогда не оставалась. Я начал подумывать о том, чтобы попросить тебя переехать ко мне, но тут ты ушла. Не сказав ни слова.

Боль и растерянность в его голосе полностью соответствовали тому, что чувствовала она. Вероника резко повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза. Глаза эти потемнели от переполнявших его чувств. Он смотрел на нее с почти отчаянной пристальностью.

– Прости, что не сказала тебе «до свидания».

– Мне больно не от того, что ты даже не попрощалась. Гораздо больнее то, что ты ушла.

– Я объяснила, почему должна была исчезнуть из той жизни.

Он кивнул.

– Теперь, полагаю, пришла моя очередь объясняться, верно?

– Только если ты сам этого хочешь.

– Моя мать была любовницей Маркуса целых пятнадцать лет. Они были вместе всего чуть больше года, когда она забеременела. Я думаю, она верила в то, что он оставит свою respectable жену и даст их отношениям законное основание. Но так не случилось. Он перевез ее в город поменьше, неподалеку от того, где жил сам, и помогал материально, но отказался развестись с женой. Он не считал, что развод – это хорошо, и, кроме того, не мог позволить себе это из соображений карьеры. И он не хотел, чтобы двое его детей,

рожденных в браке, пострадали.

Вероника почувствовала, как у нее все сжалось внутри. Как сильно, должно быть, страдал Маркус ребенком, если и сейчас в голосе его слышалась такая горечь!

– Он приезжал навестить тебя?

– Дважды в неделю.

И тут она вспомнила, что Маркус сказал о матери, будто она была любовницей отца пятнадцать лет.

– Ты хочешь сказать, что их внебрачный роман длился пятнадцать лет?

Она не могла себе представить, что такое возможно. Она находила ситуацию отвратительной. Что чувствовал по этому поводу Маркус? Неужели то же, что и она? И каково ему было жить во всем этом?

– Да, – сказал он, отвечая на ее вопрос. – Когда я был маленьким, я не понимал, что мой папа жил с нами только два вечера в неделю. Я не задавался вопросом о том, почему он никогда не оставался у нас дольше, чем до утра. Моя мама как-то решила его бросить, когда мне было лет пять. Я помню, как я умолял ее вернуться к папочке и как она плакала.

– И она вернулась?

– Да. Потом, когда мне исполнилось десять, она снова решила покончить с этим и уехать из города. Но к тому времени я уже понял, что являюсь незаконным ребенком и мой отец принадлежит двум другим детям.

– И она снова вернулась? – Вероника пыталась понять.

– Марк нанял частного детектива, и он нас разыскал. В один прекрасный день он появился и привез нас обратно. Я не хотел уезжать с ним. В новой школе я не был чьим-то там бастардом, я был просто собой. Мы с мамой переехали тогда в Сиэтл, и все там было по-другому. Наше прошлое никого не интересовало.

– Но теперь твои родители поженились.

– Когда мне было двенадцать, жена Марка умерла. Он подождал год ради приличия и затем женился на маме. Мои старшие брат и сестра уже учились в колледже. Он подумал, что мы трое можем составить счастливую семью.

– Но так не получилось? – Иначе и быть не могло после стольких лет.

Человек, способный чувствовать так, как Маркус, ни за что не простил бы того, кто причинил столько боли его матери. И с его гордостью он не мог забыть того унижительно-го положения, в которое отец его поставил, – сына только на два дня в неделю.

– Нет, не получилось.

Вероника похолодела при мысли о том, что ей предстояло сообщить Маркусу об их общем ребенке. Узнав об истории его семьи, Вероника сомневалась, что он адекватно воспримет известие о том, что она родила от него ребенка вне брака, даже не соизволив ему об этом сообщить.

Вероника глубоко вдохнула.

– Маркус, я должна кое-что тебе рассказать.

Глава 12

Маркус почувствовал, что каждая жилка в его теле напряглась при словах Ронни. Она еще вчера утром собиралась ему что-то сообщить, но он не захотел слушать.

Из страха.

Пора было в этом себе признаться. Он не хотел знать о том, что она взялась за старое. И он не мог морочить себе голову, считая, что ее откровенность имеет отношение к попытке шантажом заманить ее в постель.

С этим они разобрались.

Но сейчас он понял, что лучше выслушать правду и покончить с этим раз и навсегда. Он сумеет как-нибудь защитить ее от последствий ее же действий. Он не знал, насколько это ему удастся, но полагал, что если они сразу пойдут к Клайну и она признает перед ним свою вину, его клиент проявит благоразумие.

Особенно если Ронни расскажет ему о том, что пришлось ей пережить после смерти родителей. Туги камень бы разжалобился.

Он поставил поднос с ужином на пол и посмотрел ей прямо в глаза. Она нервничала, но во взгляде ее читалась решимость.

Черт! Он хотел построить будущее с женщиной, которая служит тому, кто больше заплатит. Это не слишком обнаде-

живало.

– Ладно, Ронни. Я тебя слушаю. – В голосе его слышалась горькая решимость. Но его можно было понять.

Она отпрянула, прищурилась, поджала губы. Вздохнув, устремила взгляд за его плечо.

– Это нелегко. Не знаю, с чего начинать и как об этом сказать.

– Лучше сказать правду, даже если, как я понимаю, она будет горькой. – Он не хотел вкладывать в свои слова столько скорби.

Ему захотелось выругаться, потому что она разом побледнела как полотно.

– Да. Ну, дело не в том, что я тебе лгала. Я не сказала тебе о чем-то очень важном.

Ее сбивчивые объяснения не улучшили его настроения. Он уже все давно понял. Он ведь не спрашивал ее в лоб, не занимается ли она промышленным шпионажем у Клайна. Да, она ему не лгала. Ему лично.

– Выкладывай, – приказал он хрипло.

Он просто хотел, чтобы эта стадия была завершена, а дальше можно будет собирать осколки.

Она снова посмотрела ему в глаза. Нехорошо посмотрела.

– Не торопи меня. Мне и так нелегко.

Маркус был вдвойне раздражен, ибо этот ее непонятный взгляд возбуждал его непостижимым образом. Возможно, причину следовало искать в генетической природе особи

мужского пола. Вероятно, та самая мужская хромосома издревле побуждала самца искать примирения со своей самкой не в драке, а в физической близости — к обоюдному удовольствию. Ответная реакция его организма была примитивной, и он слышал, что женщины не считают такой метод решения конфликтов самым действенным. Он не был так уж уверен в их правоте. Он даже был склонен проверить эффективность этого метода примирения на практике, после того как она скажет ему правду.

Он ждал, стараясь быть терпеливым, и с каждой секундой волновался все сильнее. Секунда за секундой проходили в напряженном молчании, он уже подошел совсем близко к тому, чтобы выложить всю правду за нее, чтобы разом с этим покончить.

– Маркус, я...

Зазвонил телефон. Резко и противно. Она замолчала.

Маркус нахмурился:

– Не отвлекайся. Закончи то, что начала. Вероника покачала головой:

– Нет, пожалуйста, не заставляй меня. Я дала Дженни твой номер на случай, если ей что-то понадобится.

Маркус не желал понимать такого трогательного внимания к потребностям некогда тяжелобольной, но уже успешнейшей выздоровевшей сестры.

– Сильно сомневаюсь, что звонит твоя сестра. Телефон не умолкал.

В глазах Ронни читалась мольба.

– Прошу тебя, Маркус.

Маркус резко снял трубку. Телефон стоял на прикроватной тумбочке.

– Маркус слушает.

– Добрый вечер, мистер Данверс. Это Дженни Ричардс. Моя сестра все еще у вас?

Глядя на обнаженную женщину, вжавшуюся в подушки, он вздохнул так, словно не верил тому, что услышал. Он протянул трубку Ронни:

– Это твоя сестра.

Глаза ее на мгновение округлились от страха, но она быстро сумела взять себя в руки.

– Дженни?

Ее сестра что-то сказала.

– Нет. Все в порядке. Не волнуйся. Он не против. – Она бросила на Маркуса еще один умоляющий взгляд, и он понял намек.

Забрав поднос с ужином, он вышел на кухню.

Веронике стало немного стыдно за то чувство облегчения, что она испытала, когда телефон помешал ей продолжить фразу и Маркус вышел из комнаты. Ему не пришлось бы никуда идти, расскажи она об Эроне сразу по прибытии, как и планировала. Она смогла бы спокойно общаться с сестрой в его присутствии. Но нужные слова не приходили на ум. Она не знала легкого способа рассказать бывшему возлюбленно-

му о том, что у них есть совместный ребенок.

Вероника поежилась под простыней, и прикосновение мягкой ткани к обнаженному телу напомнило ей, что Маркус больше не попадал под категорию экс-любовника. Хотя она не знала, как именно ей следует его называть. Они снова любовники? Можно ли сказать, что между ними вновь установились близкие отношения? Имел ли он это в виду, когда в понедельник вечером говорил о будущем, или то было лишь гипотетическое предположение?

– Вероника, ты меня слышишь? Голос сестры вернул ее к реальности.

– Да, конечно. Дженни, неужели ты думаешь, что я могу повесить трубку, не выслушав тебя?

– Я не знала, что и думать, – ответила Дженни явно с насмешливой интонацией. – Я болтала с Эроном несколько минут кряду, а ты даже не удосужилась кашлянуть в трубку. Там у вас что-то совершилось, о чем мне следует знать?

Материнский инстинкт взял свое. Вероника проигнорировала издевательский тон сестры. Дженни упомянула об Эроне, и только он теперь был в фокусе ее внимания.

– С Эроном ничего не случилось?

– Нет, он в порядке, но капризничает – зубы режутся. О чем я тебе сказала минуту назад.

– Должно быть, я это упустила. Дженни засмеялась:

– Могу представить. Что там у вас происходит с этим Маркусом? Ты какая-то сама не своя.

Вероника украдкой взглянула на свою одежду, валявшуюся в ногах постели, и на одежду Маркуса на полу. Ни за что она не сказала бы младшей сестренке, что прыгнула к Маркусу в постель с энтузиазмом шокоголика, попавшего в Херши-лэнд, шоколадное царство в Пенсильвании.

– Я просто задумалась о чем-то на минутку.

– О чем-то высоком, светловолосом и, если верить тебе, чертовски сексуальном?

– Дженни!

– Тебя так легко раздражить. Ты об этом знаешь, Вероника?

Маркус тоже ей раньше так говорил. Он смеялся над тем, что она воспринимает жизнь слишком серьезно и ее до постыдного легко завести. Но все же были времена, еще при жизни родителей, когда некоторые полагали, будто у Вероники есть чувство юмора. Вероника поморщилась.

– Как я понимаю, ты еще не рассказала ему об Эроне, верно?

Вероника вжалась в подушки у себя за спиной, словно могла спрятаться от собственной трусости.

– Ну... нет. – Прежде всего она не нашла подходящих слов, а потом он буквально выбил почву у нее из-под ног своим страстным натиском. Она все еще не вполне пришла в себя после любовного соития, а после того как он рассказал ей о своем прошлом, ситуация еще более усложнилась.

– Может, тебе просто стоит пригласить его в гости? Он

увидит Эрона и сложит два плюс два, раз уж у тебя не получается выдавить из себя это «четыре». – Дженни говорила насмешливо, даже с издевкой.

Но мозги Вероники, изрядно потрепанные эмоциональной бурей, уцепились за предложение Дженни с силой, достойной урагана, рожденного у берегов Флориды. Почему бы нет? Что, если просто представить Маркуса его собственному сыну? И ничего не говорить. Она не знала, как сообщить этому светловолосому гиганту, что они вместе сделали ребенка, особенно после его откровений о собственном прошлом.

Одно время она думала, что самой большой трудностью, с которой она столкнется, будет его желание избежать ответственности за произошедшее. Теперь она опасалась его реакции по совсем иным причинам.

Будет ли Маркус возмущен и оскорблен тем, что она родила от него незаконнорожденного ребенка, то есть поступила так же, как в свое время его мать? Решит ли он, что она оттягивала момент истины специально, чтобы причинить ему боль?

Она думала, что от ее исчезновения ему плохо не станет – в личном плане. А он вел себя так, словно этот аспект ее предательства оказался для него самым болезненным.

Пригласив его к себе, она закроет себе путь к отступлению – в пещеру внутренних страхов и предположений. Правда вылезет наружу, как только он увидит их ребенка. Эрон

сильно похож на Маркуса, и тот знает, чтобыл ее единственным мужчиной. Мозги у него проворные – его не затруднит понять все.

– Вероника, ты снова замолчала.

– Я просто подумала, что ты у меня умница.

– Спасибо. Что это ты вдруг так решила?

– Ты всегда была умницей, но сейчас я просто потрясе-на твоим провидением. Показать Эрона Маркусу будет куда проще, чем рассказать ему о его сыне.

– Я просто шутила!

– Я знаю, но мысль и в самом деле неплохая. Жаль, что я раньше до этого не додумалась.

– Но, Вероника...

Она не дала Дженни закончить.

– Никаких «но». Я, кажется, не в силах выдать из себя нужные слова. Никогда не считала себя трусихой, но теперь думаю, не написано ли это слово у меня на спине несмываемой краской. Если я его приглашу, у меня не будет иного выхода, как сказать ему о том, что он – отец Эрона. Разве ты не понимаешь?

Повисла напряженная тишина.

– Дженни?

– Да, понимаю. – Дженни вздохнула и рассмеялась. – Может, ты и права. Кроме того, когда он увидит нашего ангелочка, он просто не сможет злиться на тебя долго.

Вероника об этом не думала, но у нее было смутное ощу-

щение, что так оно и будет, и еще она поняла, что ее собственное подсознание ухватило за эту правду. Именно поэтому идея показать Эрона отцу показалась ей такой удачной.

– Только сегодня его не приводи. У Эрона зубы режутся, а ты знаешь, какой он становится капризный, когда ему больно или он устал, – увидев чужого, он расплачется, и все.

Да, сейчас Эрон был не в лучшей форме. Он плохо спал, у него слегка поднялась температура, и он тянул в рот все подряд – можно себе представить, как у него чесались и ныли десны. И это могло продолжаться еще несколько дней.

– Ладно. Я приглашу его на ужин вечером в понедельник.

– Отлично. Хочешь, я исчезну на этот вечер? В библиотеку, например, могу сходить.

Вероника задумалась.

– Да, пожалуй, так будет лучше. Я думаю, что Маркус оценит возможность познакомиться с Эроном без свидетелей.

Наверное, он был бы не против, чтобы его заранее предупредили о том, что ему предстоит. Но не все коту масленица.

– Идет. Кстати, ты не могла бы по дороге домой заскочить в аптеку и купить для Эрона зубную притирку?

– Конечно. А у нас все кончилось?

– Я поэтому и позвонила.

Вероника могла представить, как сейчас улыбалась Дженни.

– Ах вот как. – Она тоже расцвела улыбкой. – Теперь по-

нятно. – Вероника бросила взгляд на часы. Было уже почти девять. – Я приеду домой минут через сорок – сорок пять.

– Не торопись. На самом деле притирка не кончилась, ее просто мало осталось.

– Спасибо, моя сладкая. Мое сокровище. Ты об этом знаешь?

– Конечно. Я уверена, что ты всегда мечтала провести лучшие годы, ухаживая за больной сестрой. Так что насчет сокровища ты погорячилась. – Дженни пыталась шутить, но чуткое сестринское ухо уловило горечь.

Более того, Веронику слова сестры повергли в шок, и она добрых пять секунд молчала в трубку.

– Никогда больше так не говори! – сдержанно сказала Вероника. – Когда мама и папа умерли, ты была всем, что у меня осталось. Я и выжила лишь потому, что была нужна тебе. Для меня находиться с тобой рядом в трудное время было смыслом жизни, и я не позволю тебе думать по-другому. Ты – мое благословение. Ты так помогаешь мне с Эроном... Что бы я без тебя делала?

– О, Вероника...

Когда Маркус вернулся в спальню, Ронни вешала трубку.

– Мне надо идти.

– Ты сказала, что должна сообщить мне что-то важное.

Вероника побледнела.

– Да. – Она неопределенно взмахнула рукой. – Я просто поняла, что все будет намного проще, если ты просто зай-

дешь ко мне. Я скажу тебе там.

Он молча смотрел на нее в ожидании дальнейших объяснений.

– Лучше один раз увидеть картину, чем сто раз услышать о ней, – продолжала она, еще более его запутав.

– Картину? – спросил он беспомощно.

Что за картину может она хранить у себя дома, чтобы та облегчила ей признание в шпионаже?

– Ну, я имею в виду не картину в прямом смысле, скорее визуальную поддержку. Ты ведь понимаешь, что я хочу сказать? – спросила она, нервно теребя простыню. – Помнишь, в школе, когда учитель тригонометрии рассказывал об этих запутанных теоремах, ничего не было понятно, пока он не начинал рисовать мелом на доске?

– У меня с тригонометрией был полный порядок, и теоремы мне давались легко, – сказал он. И только потом понял, что она вовлекает его в довольно странную дискуссию, вместо того чтобы помочь решить ту действительно актуальную проблему, перед лицом которой оба стояли. А решить ее могло только чистосердечное признание.

Она разом осунулась.

– Ну ладно. Ты ведь притворяешься, что не понимаешь? Скажи!

– Я не понимаю.

Руки, зажатые в кулаки, беспокойно заерзали по матрасу, отчего простыня опасно приспустилась, грозя обнажить

ее маленькую, но весьма симпатичную и очень чувствительную грудь. Рейтинг вышеупомянутого примитивного и очень мужского способа достижения семейной гармонии существенно повысился.

Она посмотрела ему в глаза, совершенно не замечая того, что простыня вот-вот сползет совсем.

– Послушай. Это как одна из матриц, что так любил использовать Алекс. Знаешь, у него есть такая коробочка, которую он часто достает, когда общается с клиентами – чтобы донести до них информацию.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы ты разъясняла мне методы, которыми пользуется Алекс. Он мой партнер. – Можно было бы и не напоминать об этом, если бы беседа не принимала все более нелепый оборот.

На скулах у нее загорелись красные пятна.

– Верно. Я просто пытаюсь сказать, что эти маленькие коробочки помогают сделать ту информацию, которую он передает, наглядной.

Ронни, эта абсолютно логичная, исполнительная до автоматизма офис-менеджер, несла чушь, как какая-то пустоголовая домохозяйка. Маркус был потрясен.

– Ты пытаешься мне сказать, что твое сообщение будет сделать легче с помощью визуальной поддержки, которая находится в твоей квартире?

Вероника радостно закивала:

– Да, именно это я и хочу сказать.

– Дорогая, – терпеливо заговорил он, – тебе не нужна никакая визуальная поддержка, для того чтобы поведать мне это. Если у тебя проблемы на работе, скажи мне, и я помогу тебе их решить.

Она уставилась на него, наморщив лоб. По глазам ее было видно, что она растеряна.

– У меня нет проблем на работе. Это не имеет никакого отношения к «Клайн технолоджи». С чего ты вдруг решил, что у меня проблемы? Я люблю свою работу.

Наступило молчание.

– Я просто предположил, что это имеет отношение к работе, – промямлил он.

Она надула губки, и тут глаза ее широко раскрылись. В них было понимание.

– А, теперь понятно. Потому что я подняла эту тему на работе?

– Это, и еще то, о чем ты мне сказала вчера, когда я заглянул в твой отсек. – «Ну, давай же, признавайся». Она должна понять, что он не так уж наивен, как ей кажется.

– То, о чем я хочу тебе рассказать, не имеет никакого отношения ни к моей работе, ни к «Клайн технолоджи», ни к состоянию бизнеса в мире в целом.

Он открыл рот и закрыл его, словно выброшенная на берег рыба, которая попала в сети ребенку, после того как весь сезон ловли счастливо избегала хитроумных приманок и сетей куда более опытных рыболовов.

Тогда что, черт возьми, она хочет ему сообщить?

– Ты меня с ума сводишь, детка. Она пожевала нижнюю губу.

– Я не нарочно.

Он закрыл глаза, досчитал до десяти и открыл их.

– Я тебе верю.

– Послушай, Маркус, мне было бы гораздо проще, если бы ты зашел ко мне домой на ужин. Клянусь, все бы стало куда яснее.

Только один факт сдержал его желание немедленно потребовать от нее разъяснений, невзирая на отсутствие визуальной поддержки, – то, что ее сообщение не имело отношения к работе. Если она действительно была той самой искомой шпионкой, то признаться в этом Маркусу пока не готова.

И, возможно, она ею действительно не была.

Как бы то ни было, его бедная крошка ужасно нервничала, и в ее прекрасных глазах стояла мольба. Эта женщина прямо-таки нуждалась в расслабляющей терапии – в сексе. Она не хотела, чтобы он дожал ее, заставив сделать какое-то бессвязное признание, которое, принимая во внимание ее теперешнее состояние, он, вероятно, все равно бы не понял.

Маркус поймал себя на том, что улыбается. Она приняла его улыбку за знак согласия, лицо ее просветлело.

– Значит, ты придешь ко мне на ужин?

– Да. – Он медленно опустил взгляд, блуждая глазами по ее телу, и увидел по ее почти полностью обнаженной гру-

ди, что реакция оказалась вполне ожидаемой. Основной удар приняла на себя простыня. Именно на ней выместила Ронни нервное напряжение. – Как насчет завтрашнего вечера?

Что бы там она ни собиралась ему сообщить, он не хотел ждать целую вечность.

– Ну... В выходные я буду сильно занята. А если в понедельник?

Он нахмурился:

– Чем это ты намерена заниматься в выходные? Было бы нелепо даже представить, что у нее есть мужчина, после того как она ему только что отдалась, но ревность не прислушивается к доводам разума, и острый приступ ее буквально пронзил Маркуса насквозь.

Она пожала плечами, и вздрогнувший напряженный сок воззвал к его либидо.

– Так, дела по дому.

Непохоже, чтобы она предвкушала жаркое свидание. Джек прав, Ронни вполне серьезно относилась к роли единственной родительницы. Черт, может, если бы у него, Маркуса, была младшая сестра, которая прошла через то же, что и Дженни, и он вел бы себя, как Ронни.

– В понедельник я ужинаю с Клайном. – Клайн ждал от Маркуса, что за ужином тот даст ему отчет о проводимом расследовании. – Я мог бы потом заехать, но, возможно, будет уже довольно поздно.

Глаза Ронни, по которым можно было читать, как по кни-

ге, отразили разочарование и следом облегчение.

– Нет, поздно лучше не приезжать. Как насчет вторника?

– Я приду сразу после работы.

– А если в половине седьмого? Я бы хотела кое-что подготовить.

Он предположил, что она имеет в виду приготовление еды.

– Да, конечно. Как скажешь.

Его желание продолжать этот разговор уменьшалось пропорционально тому, как обнажалось тело Ронни из-под сползавшей простыни.

– Тебе надо уходить? – спросил он.

Она кивнула, но на этот раз как-то медленно, без энтузиазма, и никаких попыток покинуть кровать не предпринимала. Взгляд ее отрешенно блуждал по его обнаженной груди и ниже.

Он снял боксерские трусы, которые заметно приподнялись на определенном месте.

– У тебя хватит времени перед отъездом принять душ?

Она сделала глотательное движение и облизнула губы, не сводя глаз с пениса Маркуса. Ему нравился тот эффект, что производил на нее вид его обнаженного тела.

– Д-душ?

– Я подумал, что ты, может, хочешь поехать домой пахнувшей не мной, а как-то иначе.

Она вскинула голову и, похоже, только сейчас заметила,

куда устремлен его взгляд.

Она что-то недовольно пробормотала и натянула простыню повыше. Глаза ее все так же были подернуты дымкой желания.

– Да.

Вот что в ней его особенно восхищало – совместимость несовместимого – стыдливости и страстности.

– Мы могли бы принять душ вместе. Это сэкономило бы время.

– Зачем? – Она искоса на него посмотрела. – Ты можешь принять душ после моего отъезда. – Практичность с лихвой вернулась к его Ронни.

Он усмехнулся:

– Но я очень хочу к тебе прикоснуться. Если мы примем душ вдвоем, я смогу и себя побаловать, и тебя как следует отмыть. Что скажешь?

Она открыла рот, но никаких звуков извлечь из себя не смогла.

– Этот раз не будет первым. – Такой аргумент должен ее убедить.

Эротические воспоминания о совместных принятиях душа услужливо пришли на память обоим. Повисла заряженная чувственными образами тишина, и это лишь разогревало его либидо. Больше всего он любил в их физических взаимоотношениях ее способность неустанно его удивлять. То, что она обожала сейчас, через минутумогло повергнуть ее в

стыд. Она то шокировала его первозданной чувственностью, то буквально посылала подальше с его притязаниями.

Как все сложится на этот раз? Откажется ли она принять с ним душ, согласится или будет ждать, пока он не убедит ее в мудрости своего плана?

С Ронни никогда не знаешь, что предстоит.

Уронив простыню, она встала с постели.

– Я всегда была за эффективность во всем, – сказала она наконец. Голос ее был нежен и хрипловат, а щеки стали ярко-розовыми от смущения, хотя она откровенно предлагала себя ему.

Он подхватил ее на руки и понес в ванную.

Глава 13

Когда Маркус опустил ее на ноги в маленькой кабине для душа, Вероника не могла сосредоточиться ни на чем другом, кроме как на всепоглощающем ощущении близости Маркуса, – пространство, что они делили, было совсем тесным. Да, они много раз принимали вместе душ. Однако ванная в кондоминиуме Маркуса в Портленде была огромной, а душевая кабина оборудована сидячей ванной. И эта обширность, при всей своей декадентской сексуальности, все же проигрывала той крохотной душевой кабине, в которой они находились сейчас, в том, что касается ощущения телесной близости.

Маркус стоял спиной, устанавливая струю нужной температуры, и, разворачиваясь к ней лицом, задел бедром ее живот, предплечье его скользнуло по ее груди. У нее перехватило дыхание, и он улыбнулся.

– Дай я тебя помою, крошка.

Она кивнула, онемев от желания. Она не смогла бы сказать ему «нет», даже если бы прямо сейчас началось землетрясение. И дело даже не в том, что Дженни предупредила ее, что она может не торопиться. Вероника сознавала: не исключено, что ей представилась последняя возможность поделиться так полно своим телом с мужчиной, которого она любила. И эта мысль подстегивала ее.

Узнав, что она прятала от него ребенка, как он будет к ней

относиться?

Но когда его намыленные руки заскользили по ее плечам и предплечьям, даже эти убийственные соображения стали таять в тумане чистого наслаждения. Он со знанием дела мылил ее руки, массируя ладони большими пальцами, пока ее брэнная оболочка не загудела от неожиданно мучительной ласки. Хотя она бы куда сильнее удивилась, если бы тело ее не откликнулось на его прикосновения.

Разве она не успела понять, что с Маркусом все ее существо превращалось в одну сплошную эрогенную зону?

– Ты просто необыкновенный любовник, – призналась она, не в силах сдержать эмоций. Не надо было это говорить. Зачем тешить его и без того непомерное мужское самолюбие?

– Дело не во мне, малышка. Ты так отзывчива. Что бы я ни сделал, все для тебя хорошо. – Он снова намылил руки и стал массировать ее спину, вплотную прижавшись к ней спереди животом.

Она ощутила его эрекцию и застонала, опустив голову на его мускулистую грудь.

– Да, верно, как и то, что ни одна другая женщина не возбуждает тебя так, как я.

Она не знала, откуда взялось это чувство. При одной мысли о том, сколько женщин прошли через его руки, ее пронзала острая боль. Она давно решила, что об этом лучше не думать. Так зачем сейчас поднимать эту тему?

Она не хотела портить момент беспричинной ревностью. До сих пор ей удавалось держать себя в узде. Он и не догадывался, как ее раздражало, что он столь опытен в искусстве любви, тогда как она совершенный новичок. Она запретила себе думать об этом, так как сравнение с женщинами из его прошлого может быть не в ее пользу.

Маркус перестал массировать ей спину и приподнял ее лицо за подбородок так, чтобы увидеть глаза. Она заморгала от раскаленного до синевы гнева в его взгляде.

– Когда я с тобой, другие женщины для меня не существуют. Я не испытываю на твоём теле то, что срабатывало с кем-то другим. Поняла? – Гнев, что горел в его глазах, отразился и в голосе.

Она снова попыталась кивнуть, но он крепко держал ее за подбородок, не позволяя опустить голову.

– Да.

Губы его были поджаты.

– Ни одна женщина не мучила меня своим уходом так, как ты. Мне никого не хотелось все то чертово время, пока ты была не со мной, и если ты думаешь, что я от этого счастлив, ты просто дура. Ты ушла от меня не оглянувшись, а я все еще хочу тебя, и только тебя. И даже не смей сравнивать то, что у нас с тобой, с тем, что у меня было в прошлом.

Каждое слово его было как удар, но вместо обиды вызывало в ней бурный душевный подъем. Если он говорит, что до нее у него, считай, никого не было, значит, так оно и есть.

Теперь она это знала, и это сознание было подобно разбушевавшемуся пожару, который превращает в пепел все мосты.

Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но он зажал его губами, вторгся в него языком. Он целовал ее с голодной страстью, и горячий пар, клубившийся в кабине, не шел ни в какое сравнение с жаром, охватившим ее тело. Она провела ладонями по его груди и почувствовала, как он дрожит. Тогда она вцепилась ему в плечи и прижалась к нему так тесно, как только могла.

Она хотела его. Прямо сейчас. Она не желала ждать. Ни одной секунды. Но не могла ему это сказать. Поскольку рот ее был занят – он прижался губами к ее губам так, словно они были приклеены самым сильным клеем. Она попыталась сообщить ему о своем желании, вжимая низ живота в его лоно. Он ответил на призыв, прижав ее спиной к стене душевой кабины, но входить в нее не стал.

Она застонала, извиваясь. Она целовала его со всей страстью, на которую была способна, что копила в себе все эти восемнадцать месяцев, так, словно трижды за этот вечер не улетала на небеса в его объятиях. Она раскинула ноги, всеми доступными средствами демонстрируя свою готовность.

Он застонал и сделал невозможное – еще глубже вошел языком в ее рот, воспламенив его и все остальное тело заодно. Одна его сильная, мужественная и мыльная рука опустилась вниз и сжала ее ягодицу, приподнимая ее вверх навстречу ему так, что кончик его пениса уперся в самое со-

кровенное место на ее теле. Она вздрогнула всем телом и вскрикнула возле самых его губ.

Своей мужской плотью он ласкал этот чувствительный бугорок, доводя ее до самозабвения. Она кричала, не замечая того.

Непонятно, как это вышло, но теперь ее пальцы вцепились в его волосы, она оттащила его голову назад, заставив прервать поцелуй.

– Сейчас, Маркус! Войди в меня сейчас же!

Она с трудом выдавила эти слова из себя – горло сжимал спазм, и ей совсем не понравилось, что с таким трудом давшиеся ей слова не имели на него никакого воздействия. Он продолжал свои мучительные ласки, усугубив сладкую пытку и накрыв ее мокрую и скользкую от воды грудь свободной ладонью. Он сжал ее, и ей показалось, словно ее пробило током.

– Маркус... – Она была готова убить его... но после того, как он ею овладеет.

Он играл с ее соском, сжимая ягодицу, усиливая ощущения тем, что терся пенисом о чувствительный бугорок.

– Хорошо тебе, крошка?

– Прошу тебя, войди в меня. – Куда еще яснее? Она схватила его голову и прижала его губы к своим губам для еще одного душераздирающего поцелуя. Он приподнял ее чуть-чуть, чтобы можно было войти в нее. Она раздвинула ноги и, согнув их в коленях, обхватила его, сцепив лодыжки у него

за спиной, чуть выше его великолепных ягодич.

И после этого она опустилась, вбирая в себя его всего – на всю длину и толщину за один толчок.

И так ей стало хорошо, что слезы полились из ее зажмуренных глаз, мешаясь с водой, поливавшей их из душа. Она замерла, и он тоже, сплавившись губами и телами, боясь шевельнуться. Ей хотелось навечно остаться в этом положении, слитой с ним воедино, пусть на краткий миг согретой сознанием, что сейчас он принадлежит ей весь целиком.

И тогда он начал движение. Только один долгий медленный толчок. Ей хотелось больше таких неторопливых и протяжных толчков, которыми он словно запрессовывал себя в ее тело, соединял ее с собой той связью, которая для нее была невозможна ни с одним другим мужчиной на земле.

Она едва не выпалила ему в тот миг, что любит его, но остатки разума спасли ситуацию, и она простонала:

– Маркус...

Он выругался, и она открыла глаза.

У него было выражение лица человека, который смотрит на виселицу.

– Я забыл про кондом.

Внутренние мышцы ее сжались вокруг него, всего на миг, но этого было достаточно, чтобы дать знать о том, что тело ее было на волосок от оргазма. Она хотела сказать ему, чтобы он не беспокоился на этот счет.

Отчаянно хотелось.

Но воспоминание о девяти месяцах беременности, проведенных в одиночестве, вызвало к жизни совсем иные слова.

– Сходи за ним.

Он кивнул и отстранился, и недовольный стон вырвался у него из горла, когда тела их разъединились.

Он поставил ее на ноги, и она осела, проехав спиной по стене. Она не была уверена в том, что сможет продержаться на ногах до его возвращения. Она чувствовала себя как после изнурительной тренировки. Он раздвинул стеклянную дверь душевой кабины и мокрый, со стекающей с тела водой, помчался в спальню, не потрудившись ни дверь закрыть, ни полотенцем вытереться. Не прошло и нескольких секунд, как он вернулся с уже открытой пачкой.

Он не стал ждать, пока она поможет ему надеть презерватив, но сделал это сам с проворством гонщика. Красивый рот его свела судорога желания. Глаза его потемнели и стали синими почти до черноты, и на скулах его краснели пятна. Он без лишних предисловий схватил ее и высоко приподнял по стене, перед тем как войти в нее с ласкающей душу жадностью.

Они оба застонали, когда он оказался внутри. Она снова обхватила его ногами, на этот раз еще плотнее. Она почти боялась: вдруг что-то еще может помешать им закончить начатое, не даст пережить сладкую муку слияния душ.

– Господи, девочка моя! Я не хочу, чтобы это кончалось. – Ее подернутый дымкой желания мозг с трудом воспринимал

смысл слов. Он жадно и часто входил в нее всей мощью своего тела, продолжая держать ее крепче некуда для более полного проникновения.

Она не потрудилась отвечать. Она не смогла бы откликнуться на его жар, даже если бы захотела. Силы ее рассеянного разума едва хватало, чтобы не забывать дышать, – настолько захватывающим оказалось подступавшее наслаждение. Она не знала, сколько времени он загонял себя в ее восприимчивую плоть до того момента, пока окружающий мир не взорвался тысячей искр, но, когда взрыв закончился, она что-то кричала, и пульсации у нее внутри были такими сильными, что она каждой клеткой почувствовала его извержение.

– Я люблю тебя, Маркус. Я так сильно тебя люблю.

Она не позволяла себе произнести эти слова, наступая на горло собственной песне, едва ли не с первого дня их встречи, но на сей раз их выбросило из нее неудержимым потоком того самого, только что пережитого ею взрыва.

Он замер, а потом крепко прижал ее к себе. Она боялась, что ребра треснут.

– Я рад, малышка. Чертовски рад.

То не были слова глубокой привязанности, но и не были слова мужчины, бегущего от ответственности за продолжение отношений. Как бы то ни было, она, улыбаясь, уткнулась ему лицом в шею.

– Я тоже рада, – шепнула она, чувствуя губами влажное

тепло его кожи.

Утром в понедельник Вероника села за рабочий стол без пяти восемь – на десять минут позже обычного времени. Она надела очки, подавив искушение потереть усталые глаза. Эрон не давал ей спать всю ночь – капризничал. Резались зубы. У этого бедного зайчика уже было во рту немало зубов, но на этот раз прорезалось сразу два, что, вероятно, удваивало страдания. Он хныкал, не находил себе места и никак не желал успокаиваться.

Хорошо, что у Маркуса на этот день оказались свои планы. Может, к завтрашнему дню ей удастся выспаться, чтобы быть готовой к предстоящему испытанию – достойно представить Маркуса их сыну.

Но она даже перед собой не могла притворяться, будто не хочет его видеть, не тоскует без него. Она думала о нем непрерывно. Это навязчивое состояние усилилось с его приездом в Сиэтл, а жаркие поцелуи в машине еще больше усугубили ситуацию. Но в пятницу вечером рухнули последние линии обороны, которые она так тщательно возводила вокруг своего потерянного сердца.

Она могла лишь молиться о том, что он поймет, почему она не сказала ему о своей беременности полтора года назад и потом, восемь месяцев спустя, умолчала о рождении сына. Это был страх. Она боялась потерять его и не могла представить себе будущее, где ему не найдется места.

Вероника включила компьютер и в ожидании, пока он за-

грузится, повернулась к телефону, чтобы проверить голосовую почту. Сделала несколько пометок, выслушивая сообщения, которые поступили в пятницу после ее ухода с работы. Она также выслушала бессвязное послание, оставленное одним из инженеров конструкторской группы. Не вполне поняв, чего тот от нее хочет, она сделала у себя пометку, что должна ему позвонить. Она уже хотела повесить трубку, когда электронный голос сообщил ей, что у нее еще три сообщения, сделанные сегодня утром.

Она поддалась искушению потереть виски. Утро понедельника – не самое приятное время на работе. Время кризиса. Это слово – кризис – первым пришло ей в голову, после того как она узнала, что три человека хотели с ней поговорить еще до того, как она явилась на работу.

Первое сообщение было от половины восьмого. Джек ее искал. Голос у него был вполне нормальный, не рассерженный, и ничего конкретного он от нее не потребовал. Вероника нахмурилась. Странно это как-то. Может, он снова хочет пригласить ее на свидание?

Вероника надеялась, что возмутительное поведение Маркуса в буфете имеет хоть один положительный результат – избавит ее от навязчивого внимания Джека. Но, вспомнив, что Джек назвал ее Ронни только для того, чтобы показать Маркусу, кто в доме хозяин, она вздохнула. Очевидно, соперничество Джека только раззадоривает.

Сэнди тоже оставила сообщение. И оно было настолько

же конкретным, насколько досадным.

Блондинка желала выяснить у Вероники, занят ли Маркус кем-то или пока свободен, и если тот не занят, просила дать номер его временного домашнего телефона. Сэнди была свято уверена, что, будучи администратором отдела, Вероника имела доступ ко всей вселенской информации.

Так был ли Маркус занят? Хотелось бы верить, что да. Ею, Вероникой. Он ясно дал понять, что сейчас хочет только ее, но этот факт не делает его особенно счастливым. Тут Веронике не в чем было его винить. Любой мужчина, обладающий самолюбием, не радовался бы тому, что хочет женщину, которая не только продала секреты его фирмы, но и между делом бросила его самого.

Так что она могла ответить Сэнди? «Я люблю этого парня, и держись-ка ты от него подальше ради своего же блага»?

Такое сообщение было бы в духе сентиментальных сериалов. Но Веронике хотелось отправить его подружке, набрав заглавными буквами. Возможно, если она проигнорирует ее вопрос, Сэнди станет искать нужную ей информацию в другом месте. Может статься, она обратится непосредственно к Маркусу, и он сообщит ей все, что требуется. Или нет?

Начало проигрываться третье сообщение. Сердце Вероники лихорадочно забилось. Оно было от Маркуса.

– Привет, малышка. Я просто позвонил, чтобы проверить, пришла ли ты. Соскучился по тебе за выходные. Может, в следующий раз мы могли бы сделать работу по дому вместе?

Она трижды нажимала на кнопку, чтобы раз за разом прослушать это сообщение, и повесила трубку, не став стирать его. Так может говорить мужчина, встречающийся только с одной женщиной. Теперь она знала, что сказать Сэнди, если та решит перезвонить.

Она все же надеялась, что обстоятельства не изменятся кардинально к худшему, после того как она обрушит на Маркуса ошеломляющее признание. Завтра вечером решится ее судьба.

Набирая номер Джека по телефону, Вероника одновременно запустила загрузку полученного по электронной почте за выходные дни. Вместо Джека ответил автоответчик, и она оставила голосовое сообщение о том, что прослушала сказанное им в полвосьмого утра. Повесив трубку, она принялась просматривать почту. Быстро пробежав глазами сообщения для команды, занимающейся новым проектом, она заметила, что то письмо, которое, по ее мнению, могло подразумевать шпионаж, оказалось удаленным с почтового сервера. Все сообщения, что она могла видеть, имели ясный адрес отправителя и получателя. Слава Богу!

Из потока писем она оставила лишь два, имеющих прямое отношение к ее работе, остальные удалила.

– Привет, любимая. Занята? – От неожиданности Вероника чуть не подпрыгнула.

Маркус стоял в дверном проеме и выглядел как никогда соблазнительно в красной гавайке и джинсах цвета хаки.

Она почувствовала, как рот сам расплылся в улыбке.

– И тебе привет.

– Получила мое сообщение?

Она кивнула.

– И?..

– Что – и?

– Можем мы в следующий раз вместе сделать твою работу по дому?

Перспектива разделить компанию Эрона с его отцом заставила ее просить.

– Я целиком за.

От его улыбки на душе стало еще теплее.

– Отлично. – Он заглянул ей через плечо и вдруг замер. – Разве это письмо адресовано тебе?

Вероника растерянно взглянула на монитор. Вначале она не поняла, о чем он говорит, и лишь потом заметила, что у нее на экране высвечивается сообщение, адресованное одному из членов конструкторской команды. Она оставила его потому, что из него было ясно, что ей придется уладить распорядок работы с администратором конструкторского отдела.

Она перевела взгляд на Маркуса. Не чувствуя за собой никакой вины и пребывая в хорошем настроении, она решила поддеть его.

– Нехорошо читать чужие письма, заглядывая через плечо.

Вообще-то по правилам она должна была выключить экран, когда кто-то посторонний заходит в ее отсек, но Маркусу она доверяла и не считала такие меры необходимыми.

Он пожал плечами:

– Ты же меня знаешь. Я всегда так делаю.

И она снова глуповато улыбнулась:

– Знаю. Для тебя информация – золотое дно. Поэтому вы с Алексом так преуспели.

Его хмурая мина ее удивила.

– Теперь я начинаю думать, что лучше бы мне не преуспевать.

– Почему?

– Так что ты делаешь с чужим сообщением?

Как это типично для Маркуса – отвечать вопросом на вопрос.

Она не видела причин умалчивать.

– Нет ничего необычного в том, что администраторам дают доступ к почтовым сообщениям команды. Это общепринято. Только так можно отслеживать распорядок работ и вникать в детали проекта. Тебя же не удивит, если твоя мама будет слушать адресованные тебе сообщения и делать пометки у тебя в календаре.

– Лично я не хотел бы, чтобы мама слышала то, что адресовано мне. – Его безмерно сексуальный голос понизился до шепота заправского соблазнителя.

Она громко рассмеялась, чему и сама удивилась.

– Могу представить. Кое-какие из твоих сообщений тоже не подходят для материнских ушей. Я стараюсь не читать ничего личного.

Ее легкомысленное настроение улетучилось, как только она вспомнила о послании, полученном на прошлой неделе. Может, стоит обговорить это дело с Маркусом, прежде чем идти к Клайну? Она пожевала губу, взвешивая «за» и «против», и в конце концов решила, что должна доверять ему настолько, чтобы по крайней мере спросить у него совета, не как в прошлый раз.

Только ей не хотелось делать это у себя в отсеке, да и вообще в помещении фирмы.

– У тебя есть планы на обеденный перерыв?

Он сверлил ее взглядом, и Вероника спросила себя, о чем он сейчас может думать. Он выглядел очень серьезным, даже грустным.

– Я сегодня обедаю с Сэнди, – виновато сказал он, – а потом...

Она не дала ему договорить:

– Ты обедаешь с Сэнди после того, что было в пятницу вечером?

Она старалась говорить тихо, но вместо этого почти завизжала. Ее словно разорвали в клочья. Как он мог думать о свидании с ее блондинистой подружкой после пятницы, после того, что он сказал утром? Она отвернулась, чтобы он не понял, как она расстроена, не желая видеть холодной отчуж-

денности в его глазах.

Она почувствовала его руку у себя на затылке. Он отвел в сторону прядь ее волос и поцеловал за ухом.

– Это не свидание, родная. Это работа. Ты же знаешь, что я делаю. Не старайся увидеть в этом что-то большее. Ты единственная женщина, которую я сейчас хочу.

Это «сейчас» в его устах звучало зловещим предзнаменованием. Она знала, что он думал ее успокоить, но вышло наоборот. У нее все внутри свело от этих слов.

– А если завтра все изменится, тогда что?

Она никогда раньше не задавала ему таких вопросов. Она играла по его правилам и от этого всегда чувствовала себя отчаянно жалкой. Теперь ей требовалось большее. Она должна знать, оставляет ли он за собой право в любой момент увильнуть ил и хочет установить с ней нормальные, честные отношения, такие, при которых можно строить планы на будущее.

Он развернул ее кресло так, чтобы она оказалась к нему лицом.

И навис над ней, заглядывая прямо в глаза.

– За восемнадцать месяцев ничего не изменилось. Я сильно сомневаюсь, что завтра будет по-другому.

При напоминании о том, что у него все это время никого не было, у нее немного отлегло от сердца.

– Надеюсь.

– А я знаю. Если бы существовал способ вырвать тебя из

сердца, я бы сделал это, когда ты меня бросила.

Ей не понравилось то, что он сказал, и она сердито на него посмотрела.

Маркус покачал головой, в глазах его было отчаяние.

– Что ты хочешь сказать? Что я должен веселиться от того, что прикипел к женщине, которая ушла от меня не оглядываясь?

Вероника прикоснулась к его щеке.

– Все было не так.

Он закрыл глаза и повернул голову, так что ее ладонь оказалась вровень с его губами. Он нежно поцеловал ее в ладошку и снова открыл глаза. В аквамарине его глаз боль от воспоминаний мешалась с иным чувством, имени которого она не знала. Веронике захотелось успокоить его. Но как?

– Я теперь все гораздо лучше понимаю, когда ты рассказала мне о Дженни, но все равно не могу до конца осознать, почему ты мне ничего не сказала тогда. Я не знаю, что готовит нам будущее, моя родная, но уверен – не хочу смотреть в это завтра без тебя.

В горле у нее встал ком.

– Я бы все отдала, чтобы услышать эти слова тогда, полтора года назад.

Он поморщился:

– Да, похоже, я не показывал своих чувств.

Ей хотелось спросить его, что это за чувства. Но сочла это здесь неуместным. Она слышала, как деловито гудели голо-

са ее коллег за тонкими перегородками. В любую минуту к ней могли заглянуть. При мысли о том, что кто-то застанет их в такой интимной позе, она встрепенулась и отъехала на кресле. Он, очевидно, понял, о чем она подумала, потому что выпрямился и отступил на шаг.

– Сожалею, что сегодня так получилось с ленчем, дорогая.

Она кивнула:

– Мне тоже жаль.

– Как насчет завтра?

– Завтра мы ужинаем вместе. – И она к этому времени уже поговорит с мистером Клайном.

– Есть причины, по которым я не могу видеться с тобой чаще, чем раз в день? – спросил он.

Она глубоко вздохнула. Тот простой факт, что этот неотразимый мужчина готов проводить с ней время, вызывал в ней бурный восторг. С ней, с заурядной серой мышкой!

– Таких причин нет.

По крайней мере у нее будет возможность поговорить с Маркусом о шпионе в корпорации и посоветоваться с ним насчет встречи с Клайном.

Маркус опять улыбался.

– Хорошо. Я, пожалуй, пойду. Мне надо написать отчет для босса.

Она улыбнулась в ответ.

– Тогда тебе и вправду пора.

Он кивнул и пошел к выходу, но задержался в дверях.

Бросив на Веронику взгляд через плечо, он сказал:

– Жаль, что мы не можем встретиться сегодня. После пятницы я так и остался голодным.

Она почувствовала, что тает.

– И я тоже, – прошептала она. Глаза его зажглись желанием.

– Сегодня вечером... – Он так и не договорил, и его соблазнительное предложение повисло в воздухе.

Ей так хотелось ответить согласием, что пришлось прикусить язык, чтобы не выпалить «да». Она не могла. Было бы несправедливо снова оставлять Дженни одну с Эроном, после того как он им обоим не давал спать всю ночь.

– Ты сказал, что не знаешь, когда освободишься, – напомнила она Маркусу.

Он раздраженно пробормотал что-то сквозь зубы. Ему не нравилось это ощущение сексуального срыва.

– Как насчет завтра? Ты поедешь ко мне после ужина? Вероника подумала о том, что собирается сказать ему за ужином, и у нее душа ушла в пятки.

– Если ты не расхочешь.

Он оценивающе прищурился:

– Я-то не расхочу. Только не удивляйся, если я приготовлю что-то особенное на десерт.

Она от всей души надеялась, что планы его не изменятся и после того, как он узнает ее тайну.

Глава 14

– Вы и Эллисон занесли в список подозреваемых? – Клайн был потрясен.

– Будучи вашим личным помощником, она имеет доступ ко всей той информации, которая загадочным образом утекает. – Маркус не стал даже садиться. Разговор с главой «Клайн технолоджи» не обещал быть длинным.

Он собирался отдать клиенту лишь малую толику информации, но понимал, что если не скажет ему ничего, то Клайн может встревожиться. А с беспокойными клиентами всегда проблемы.

Клайн ударил кулаком по столу. Он весь пылал от гнева и возмущенно смотрел на Маркуса. Так бы Маркус глядел на того, кто выдвигает обвинения против Ронни.

– Она не шпионка. Маркус пожал плечами:

– Она не ведет себя как корпоративная шпионка, но это может быть лишь умелой маскировкой.

Он лучше, чем кто-либо другой, знал, как с виду весьма лояльная секретарша может скрывать свои действия и мотивы.

– Дайте мне просмотреть весь список. Клиент был недоволен, и Маркус нахмурился:

– Хорошо, я дам вам список, но вы не должны говорить Эллисон о расследовании.

Клайн поднялся из-за стола.

– Это мое расследование.

– Нет, мое, и если вы хотите, чтобы я на вас работал, я устанавливаю правила.

Клайн кивнул:

– Не вопрос. Я не считал, что она должна об этом знать, когда приглашал вас, и не собираюсь говорить ей, что вы ее подозреваете в том, что она меня предает.

Маркус теперь был уверен, что у Клайна есть какие-то отношения с его персональной помощницей. И он от души пожелал, чтобы Эллисон оказалась невиновна.

Он на собственной шкуре испытал, каково оказаться преданным.

Только сейчас, спустя полтора года после того, как это случилось с ним, Маркус стал отходить от потрясения. И то потому, что Ронни снова вошла в его жизнь. И хотела там остаться.

Это многое меняло.

Вероника ждала в приемной возле стола Эллисон. Ладони ее вспотели, и сердце билось вдвое чаще противобычного. Она пришла на пятнадцать минут раньше установленного времени, и Эллисон сказала, что Клайн задерживается. Она сидела на этом жестком стуле уже почти тридцать минут.

Изящные линии современной мебели в приемной Клайна производили впечатление на всех посетителей. Попав сюда, сразу же ощущаешь, что ты в мире высоких технологий. Но,

посидев на этом стуле, Вероника невольно представила, будто находится на жесткой деревянной скамье под дверью кабинета директора школы.

Сделав неглубокий вдох и выдох, она напонила себе, что не Клайн ее к себе вызвал – она сама напросилась. И правильно сделала.

– Мистер Клайн приглашает вас к себе. – Эллисон не улыбалась и вообще вела себя не слишком дружелюбно.

Вероника видела в ней себя той, какой она была, работая в «Си-ай-эс». Есть ли у этой поразительно работоспособной секретарши, подобно Веронике, личные причины для того, чтобы осознанно вести себя как робот-секретарь? И если это так, не просвечивает ли на горизонте Эллисон какой-нибудь Маркус, готовый вдребезги разбить эту бесчувственную оболочку?

Вероника встала, пригладила серые брюки и поправила короткий костюмный жакет, который надела поверх белой шелковой блузки. Она обычно не носила на работу костюм, предпочитая юбки с блузками, – это позволяло не выходить из образа серой мышки.

Но сегодня, чтобы придать себе уверенности, она оделась понаряднее. Принимая во внимание стильную манеру одеваться личной секретарши Клайна, которая умудрялась выглядеть как офисный робот, которого одели по последней парижской моде, она не рассчитывала произвести на Клайна впечатление своим костюмом.

Эллисон открыла дверь директорского кабинета и жестом предложила Веронике войти.

– К вам мисс Ричардс, сэр.

Клайн поднял на нее доброжелательный взгляд:

– Спасибо, Эллисон.

Эллисон явно восприняла его «спасибо» как приказ удалиться, что и сделала, прикрыв за собой дверь.

– Благодарю за терпение, Вероника. Итак, чем могу быть полезен? – спросил Клайн, жестом предложив ей присесть на черный кожаный диван у окна с видом на город.

Диван был куда удобнее, чем тот стул в приемной. Ощущение комфорта дополнялось приятным запахом натуральной кожи. Вероника опустилась на него, мысленно приказав себе не цепляться за сумочку так, словно кто-то грозил вырвать ее из рук и украсть драгоценное письмо. Она поставила сумку рядом с собой на сиденье.

Не зная, с чего начать, она молча ждала, пока Клайн сядет в кресло справа или слева от дивана.

Но он обошел стол и скрылся в нише позади него.

– Хотите кофе?

– Да, спасибо. – Ей не хотелось кофе, но зато был повод оттянуть начало беседы.

Этот разговор был бы куда менее напряженным, если бы не ее прошлое.

Клайн налил кофе в две кружки с логотипом компании и протянул одну из них Веронике.

– Сливки? Сахар?

Вероника покачала головой. Тонкий аромат хорошего кофе разлился по комнате.

– Я буду черный.

Он сел и стал ждать, будто у него времени было хоть отбавляй, словно он не был президентом компании-миллионера, а бизнес шел сам по себе, не требуя его внимания.

Она глотнула кофе, наслаждаясь вкусом и собираясь с мыслями. Поставила кружку на стол и только сейчас заметила, что тот имел форму пантеры. Пораженная, она вглядывалась в очертания стола, в которых было что-то очень изящное и в то же время хищное. Опомнившись, она подняла глаза на владельца компании.

Как-то так вышло, что форма стола символически выражала ее судьбу. Она чувствовала, что, идя верным путем, она вступила на тропу хищника – голодного и, возможно, грозящего ей смертью.

– Я обнаружила нечто, о чем, как мне кажется, вы должны знать.

– Да? – Он не наклонился вперед, ничем не выдал своей напряженности, но у нее возникло смутное ощущение, что он слегка насторожился.

Она раскрыла сумочку и достала сложенный вчетверо листок. Развернув его и зачем-то попытавшись разглядеть, она протянула его Клайну.

– Я думаю, что кто-то в отделе маркетинга может продавать корпоративные секреты.

Он вопросительно поднял брови, но взял протянутый листок и молча прочел.

– Вы видите, что ни адреса отправителя, ни адреса получателя тут нет. Заблокированы. – Она не знала, заметил он это или нет, просто хотела привлечь его внимание к очевидному факту.

Он ничего не сказал, и чем дольше тянулось молчание, тем глупее она себя чувствовала. Она сделала из мухи слона. Может, это письмо вообще ничего не значило и она увидела в нем что-то зловещее только потому, что сама в прошлом оказалась втянутой в темную историю, или потому, что и Сэнди, и Маркус говорили о возможном присутствии шпиона в компании.

С чего она взяла, что эта писулька что-то значит?

Она почувствовала, как краска стыда заливает лицо, и не знала, куда деваться. Как можно пойти на попятную в теперешнем положении? Как потом доказывать Клайну, что она не полная дура, помешавшаяся на мелодраматических сериалах?

Она сделала еще один глоток кофе, но он был слишком велик, и кофе обжег ей рот.

Мистер Клайн поднял глаза:

– Вы в порядке?

Давясь от смущения, она пробормотала:

– Да.

Он стал перечитывать сообщение, и ей казалось, что она читает его вместе с ним, так хорошо она выучила текст.

Но сейчас, когда она словно воочию видела пропечатанные слова, ей уже не казалось, что она допустила ошибку, придя сюда. Она должна убедить мистера Клайна, что угроза реальна. Это надо сделать.

Вероника не спрашивала себя, откуда взялось такое настойчивое желание. Зачем? Словно сама судьба вложила в ее руки эту информацию, с тем чтобы она могла, насколько возможно, загладить вину перед «Си-ай-эс», пусть не прямо, а через мистера Клайна, предупредив его о грядущей опасности.

Вероника сделала глубокий вдох и вновь заговорила:

– Я думаю, что здесь прослеживается связь между утечками информации, которые наблюдаются у нас несколько последних месяцев. Это сообщение слишком подозрительное, чтобы его проигнорировать.

Он положил листок на стеклянный стол – как раз пантере на голову.

– Верно.

Она не могла скрыть облегчения. Он явно ей поверил.

– Я рада, что и вы так думаете.

Глаза его, в которых сквозило тепло и дружелюбие, когда она зашла в офис, теперь изменили выражение. Он прищурился, и взгляд его стал похож на взгляд хищника – как глаз

пантеры под стеклом.

– Каким образом это сообщение оказалось у вас? Вероника сглотнула вязкую слюну. Во рту сразу пересохло.

– Я... Я администратор команды, работающей над новым продуктом.

Он поднес кружку с кофе к губам, не спуская с нее пристального взгляда. – И?..

– И... – Она вдохнула поглубже, моля Создателя о наставлении.

Ей показалось, словно мозги у нее перестали работать, заодно с артикуляционным аппаратом. Неужели он уже ее подозревает, даже не зная ничего о ее прошлом? Или Маркус все ему рассказал? Она отбросила последнее предположение как невозможное. Он не смог бы так ее предать.

– И, будучи администратором команды, я имею доступ ко всем посланиям по электронной почте. Когда я получаю сообщения, адресованные мне, то вместе с ними загружаются и все остальные. Большую их часть я удаляю, но некоторые сохраняю, потому что они нужны мне в работе. Ну, например, надо изменить график или в нем содержится то, что может понадобиться одному из членов команды, даже если оно не ему предназначено. – Она поняла, что лопочет что-то невразумительное, и замолчала.

Седые волосы Клайна отливали сталью. Он наклонил голову и еще раз внимательно посмотрел на листок.

– Таким образом, вы не можете узнать, кому предназна-

чалось это письмо?

– Нет, сэр. Не могу.

– Я вижу, что оно было отправлено на прошлой неделе. Насколько я понимаю, его уже получили и удалили с сервера. – Он поднял голову и пробуравил ее взглядом.

– Да, когда я утром проверяла почту, его уже не было.

– Я также предполагаю, что вы сохранили копию на вашем компьютере. Мы еще можем проследить, откуда оно было послано. – В голосе его звучала удовлетворенность.

У нее от напряжения заныла шея.

– Нет, сэр. Я его удалила.

Он воззрился на нее, словно увидел доисторического монстра.

– Что вы сделали?

Ей не хотелось повторять сказанное, но она взяла себя в руки и произнесла:

– Я его удалила.

Он тоже явно прилагал усилия к тому, чтобы сдерживать ярость.

– Вы хотите сказать, что удалили его без последующего восстановления?

– Да. – Вероника уткнулась в кружку с кофе, не желая видеть его реакцию на свои слова.

Ответом ей была тишина. Она ждала, что он спросит, почему она сделала такую глупость, но он промолчал. Вместо этого он встал.

– Думаю, пора нам пригласить Маркуса. Она помимо воли вскинула голову.

– Маркуса?

Он имел в виду ее Маркуса? Консультанта из «Си-ай-эс»? Мистер Клайн энергично шагал к столу, и ее вопрос не заставил его остановиться.

– Да. Ему покажется любопытным такое развитие событий.

Отчего это Маркусу должно быть интересно, что корпоративный шпион работает в отделе маркетинга? Она чувствовала себя так, словно упускала какой-то существенный элемент головоломки.

Вероника пришла к мистеру Клайну, чтобы поделиться своей озабоченностью. Он выслушал ее. Поверил ей. Теперь он вызывает Маркуса. Почему не агента внутренней безопасности? Почему не Эллисон?

Она вполуха слушала, как он язвительно сообщает Маркусу о ее открытии. Из обрывков разговора Вероника поняла, что Маркус поднимается к нему в кабинет. Она зашла в тупик. Она не понимала, при чем тут Маркус.

Закончив с Маркусом, Клайн набрал еще один номер. Он назвал имя Эллисон, но Вероника не могла сосредоточиться и ухватить суть второго разговора.

Она зациклилась на одном – Клайн вызвал Маркуса... Первым. Эллисон зашла в кабинете блокнотом. Она поставила рядом со столом еще два стула, таких же, как в прием-

ной. Затем она села на один из них, не глядя на Веронику.

Следом вошел начальник отдела внутренней безопасности, Бен Уоррен. Он что-то вполголоса сказал Клайну, который продолжал говорить по телефону, и сел рядом с Эллисон. Он улыбнулся Веронике, и та заставила себя ответить улыбкой, хотя уже была в таком состоянии, когда чувство реальности утрачивается.

Через несколько секунд пришел Маркус. Клайн повесил трубку и начал шептаться с Маркусом, поглядывая на Веронику. Затем они оба присоединились к группе у окна.

Вероника чувствовала себя как животное, выставленное напоказ в зоопарке. Все присутствующие смотрели на нее. Может, она должна встать на задние лапы и исполнить какой-то медвежий трюк? Что вообще происходит? Вопросы крутились у нее в голове, как цифры на табло в старомодном кассовом аппарате. Она старалась не замечать пробежавший по спине холодок. Теперь ей не казалось таким уж невероятным то, что Маркус рассказал Клайну о ее прошлом. Не обращая внимания на пустующий стул напротив того, на который сел Клайн, Маркус устроился рядом с Вероникой на диване. Вероника искоса на него посмотрела, но голову старалась не поворачивать. Она не переставала спрашивать себя, не потому ли он здесь, что поведал-таки Клайну о ее истории с «Си-ай-эс». Не для того ли, чтобы обвинить ее в том, что она имеет прямое отношение к посланию, с которым пришла к президенту компании?

Такая мысль казалась фантастической, но разве все происходящее поддавалось рациональному объяснению? Ей было стыдно за себя, за то, что она подвергла сомнению порядочность мужчины, с которым разделила свое тело и сердце, и, чтобы прогнать чувство вины, решила сосредоточиться на дыхательных упражнениях.

Она не станет выглядеть лучше от того, что начнет задышаться, сидя в кондиционированном кабинете Клайна на удобном кожаном диване.

Маркус перегнулся через нее и взял со стола листок с сообщением. От него пахло хорошим одеколоном. Этот запах у нее всегда ассоциировался с Маркусом – свежий мужской аромат. Ей хотелось дотронуться до него, взять его за руку, чтобы он провел ее невредимой через все это нереальное представление.

– Это то сообщение, которое вы получили вместе с другими для команды маркетинга? – спросил он, пристально на нее глядя.

– Да. – Она всматривалась в его лицо, стараясь понять, что он думает. Но у нее ничего не получилось.

Как было бы здорово, если бы он улыбнулся ей, потерся ногой о ее ногу, сделал бы хоть что-нибудь, чтобы приобрести ее, вселить уверенность, убедить, что ее страхи необоснованны.

– Когда вы получили это сообщение?

– В четверг. – Почему он задает вопросы, а не Бен, на-

чальник внутренней безопасности?

Он посмотрел на листок и снова на нее.

– Ни отправитель, ни получатель не указаны. Вы можете как-то определить хотя бы одного из них?

– Нет. Я уже сообщила об этом мистеру Клайну. Маркус пожал плечами:

– Клайн сказал, что вы удалили сообщение со своего компьютера. Это так?

Она нервно кивнула, ощущение нереальности нарастало.

Вероника огляделась, стараясь понять, не находят ли прочие присутствующие поведение Маркуса столь же странным. Он вел себя как человек, ведущий корпоративное расследование, а вовсе не как консультант. Блокнот лежал на коленях у Эллисон. Она делала в нем записи, но в позе ее чувствовалась напряженность, которой раньше не было. Клайн словно выжидал что-то, а Уоррен слушал допрос с почтительным вниманием и глубоким интересом.

И тогда у Вероники родилось подозрение, которое крепло с каждой секундой. Оно душило ее с паучьей неотвратимостью.

Она обратилась к мистеру Клайну:

– Я не понимаю, почему Маркус задает мне все эти вопросы.

Клайн поставил локти на подлокотники черного кожаного кресла и сцепил кисти.

– Первым ко мне обратился Бен. Он сообщил о своем

подозрении об утечке информации из «Клайн технолоджи» несколько недель назад. Мы посоветовались и решили, что следует пригласить для расследования специалиста извне.

Эллисон уронила ручку. Она наклонилась, чтобы поднять ее. Движения ее были судорожными.

Бен кивнул с убийственно серьезным лицом:

– Я навел справки, и мистер Клайн нанял специалиста из фирмы с безупречной деловой репутацией.

– «Си-ай-эс»? – Вероника едва выдавила из себя вопрос. В горле ее стоял ком. Такого предательства она никак не ждала.

Клайн улыбнулся хищной улыбкой:

– Да. Они умеют работать под прикрытием. Даже вы не догадывались о том, что они создали отдел по ведению внешних корпоративных расследований, а ведь вы у них работали.

При этих словах президента Вероника почувствовала себя так, словно она была сделана из стекла и в нее влетел мяч, посланный метким ударом игрока лучшей бейсбольной сборной. Выходит, Маркус лгал ей с самого начала. Он вел расследование по корпоративному шпионажу в ее компании, и внезапно все их разговоры с момента его приезда в Сиэтл приобрели зловещие обертона.

Он ее использовал.

Она с трудом удерживалась от того, чтобы не сказать ему прямо в лицо, что о нем думает.

А ведь она уже стала ему доверять!

Он разбил ее сердце своим предательством, а ей приходится напускать на себя спокойствие.

Он, вероятно, считал ее главной подозреваемой. И занимался с ней любовью. Нет, черт возьми! При чем тут любовь? Сексом. Он занимался с ней сексом, чтобы завоевать ее доверие.

Комната поплыла у нее перед глазами, закружилась, как на карусели. Она продолжала сидеть прямо толькоценой громадных волевых усилий. Она не позволит себе раскиснуть перед своим нанимателем. Не допустит, чтобы Маркус разрушил ее жизнь. Ей нужна эта работа. Сейчас как никогда. Она не вылетит отсюда лишь потому, что чувства возьмут верх над разумом.

С лицом, похожим на маску, она повернулась к Маркусу. Надо делать вид, будто она готова к сотрудничеству. Чтобы он не расценил ее желание плюнуть ему в лицо за все те нежности, что говорил ей, как признание вины. Но помогать этому змию подколодному, этой гадине она хотела меньше всего.

Уж лучше проглотить битое стекло.

Она не могла заставить себя посмотреть ему в глаза, поэтому выбрала точку чуть повыше его плеча и смотрела туда.

– Что еще вы хотите у меня спросить? Лицо его оставалось непроницаемым.

– Зачем ты удалила это сообщение, Ронни?

Она не смела огрызнуться в ответ, даже если ей этого

очень хотелось. Не могла она и лгать. Хватит лжи. Поэтому ей оставалось лишь сказать правду в надежде, что ее объяснения будут приняты.

– Я испугалась. Подумала, что если это сообщение найдут в моем компьютере, то на меня падет подозрение.

Мистер Клайн раздраженно хмыкнул. Вероника болезненно поморщилась, но продолжала смотреть в сторону Маркуса.

– Почему ты никому не сказала, когда обнаружила это сообщение?

Он задает эти вопросы, с тем чтобы она себя сама оговорила?

Она не позволит ему это сделать.

– Я пыталась сообщить об этом мистеру Клайну, как только прочла послание. Поэтому сразу позвонила Эллисон и попросила назначить встречу с мистером Клайном, но его не было в городе.

Маркус повернулся к Эллисон:

– Мисс Ричардс звонила вам в четверг?

Уже по тому, как он задал этот вопрос, было понятно, что он не верит ни одному ее слову. Сердце, которое и так кровоточило, сжалось от невыносимой боли.

Эллисон кивнула:

– Она попросила назначить ей встречу с мистером Клайном, но я спросила, сможет ли она отложить ее до сегодняшнего дня. Мистер Клайн обычно очень занят сразу после ко-

мандировки. И мисс Ричардс легко согласилась подождать.

Эллисон распрямила спину и погладила блокнот. «Интересно, кто-нибудь еще заметил, как нервничает персональная помощница президента?» – подумала Вероника. Теперь Эллисон уже не знала, правильно ли сделала, отложив визит Вероники к Клайну, и пыталась свалить вину на самое Веронику, говоря о той легкости, с которой она согласилась ждать.

Маркус кивнул, но Эллисон на него не смотрела. Она смотрела на Клайна, который раздраженно возрился на личную секретаршу:

– Вы могли бы спросить, что нужно Веронике.

– Я пыталась. Она сказала, что хочет поговорить именно с вами.

Даже пребывая в полном смятении, Вероника не могла не отметить, с какой завидной выдержкой Эллисон отмечает все упреки босса и не сжимается от начальственного гнева.

Маркус открыл черный кейс, вынул уместающийся на ладони органайзер и включил мини-компьютер.

– Назовите фамилии сотрудников – членов команды по новому продукту.

Вероника решила, что обращаются к ней, и перечислила членов группы маркетинга и двух конструкторов, чьи письма она тоже получала.

Вероника сама поразилась тому, что способна говорить нормальным голосом. С этим подонком! Как он смел исполь-

зовать ее страсть к нему для ведения расследования?! Все это просто отвратительно.

Ее тошнило. Тошнило от обиды и боли.

Маркус делал пометки электронным пером на экране мини-компьютера.

– Четверо из тех, кого упомянула Ронни, в моем списке подозреваемых, – сказал Маркус, обернувшись к Клайну.

Клайн мрачно усмехнулся:

– Четверо лучше, чем пятнадцать, как вы вчера сообщили в отчете.

– Список подозреваемых? – Вероника понимала, что говорит как идиотка, но сейчас все до нее доходило очень медленно. Он составил список из пятнадцати фамилий? – А я была в этом списке?

Она пожалела о том, что задала этот вопрос, еще не договорив его до конца, но слово не воробей – вылетит, не поймешь.

Мистер Клайн скривился, как от боли. Маркус был мрачнее тучи. Веронике казалось, что лицо ее треснет, словно тесная маска, при малейшем движении.

– Так я была в этом списке, не так ли? – все же спросила она и посмотрела Маркусу прямо в глаза.

Он кивнул. Он пытался что-то сказать ей взглядом, но она больше не желала принимать от него никаких личных сообщений, в какой бы форме они ни были сделаны.

– Да, но на сегодня вы вычеркнуты.

Должна ли она радоваться этому обстоятельству? Он только что подтвердил, что подозревал ее, занимаясь с ней сексом в пятницу вечером.

– Отчего же? – Неужели этот визгливый голос действительно принадлежит ей? – Может, я и есть та самая шпионка и принесла это сообщение лишь затем, чтобы отвести подозрение от себя?

К чему она пошла по пути самоуничтожения? Если Маркус не думал в этом направлении, зачем она его надоумила?

Эмоции взяли верх над разумом, и ей надо было срочно их усмирить. Потом будет время зализывать раны, бросать ему обвинения, а свою голову посыпать пеплом. Но не сейчас.

Она должна помочь ему найти виновного, тем самым доказав, что шпионила не она.

Бен примирительно зашикал, впервые за время совещания обратив на себя внимание.

Он весело подмигнул ей, словно она только что очень удачно пошутила.

– Не надо так говорить. Никто не поверит, что такая милая девочка может продавать корпоративные секреты. Черт, любой, кто увидит ту развалюху, на которой ты едешь, сразу поймет, что, кроме зарплаты, у тебя нет ничего за душой.

Только не тот, кто желает думать, что она виновна. Маркус.

И у него есть основания сомневаться в ее невиновности. Полтора года назад она сделала именно то, в чем ее никак не

мог бы заподозрить начальник безопасности.

У нее были веские причины так поступить. Но никто из участников сделки не думал на ней погреть руки. Алекс хотел уничтожить компанию, в которой работали сотни людей, только ради личной мести. Сделай он то, что задумал, едва ли был бы счастлив от содеянного и вряд ли его брак не закончился бы разводом. Если учесть, что его жена была дочерью владельца той самой компании, которую он стремился разорить.

И Веронике нужны были деньги, чтобы спасти жизнь Дженни и начать новую жизнь – уже с ребенком. Да, средства для достижения этих целей были не самыми лучшими, и она не переставала терзаться по этому поводу. Но разве Маркус может это понять? Конечно, нет. Иначе он не стал бы делать ее объектом своего расследования. Она поделилась с ним самым сокровенным – и получила в ответ лишь ехидную насмешку над собственной доверчивостью.

Она рассказала ему о родителях, о Дженни, но это не развеяло его сомнений. Что он думал? Что она продаст секреты компании, для того чтобы оплатить обучение сестры в колледже?

Его молчание во время этого допроса говорило о многом. Веронику лихорадило. Она понимала, что должна покинуть кабинет, прежде чем потеряет контроль над собой.

– Если у вас больше нет ко мне вопросов, я бы хотела уйти.

Она начала подниматься, но Маркус положил ей руку на

предплечье. Она с трудом удержалась от того, чтобы не отшвырнуть ее. Она осталась сидеть с видом холодного презрения. По крайней мере она надеялась, что выглядит именно так. Если испытываемые ею страдания выдавали ее глаза, то лучше бы ей умереть.

– Еще минуточку.

Вероника кивнула. Она боялась говорить, чтобы голосом не выдать себя.

– Можно мне получить такой же доступ к почте, какой имеете вы?

– Нельзя без разрешения Джека.

– Он в списке, – сказал мистер Клайн. Маркус нахмурился:

– Мы не можем действовать через него. Мне придется использовать вашу систему для расследования.

Чтобы Маркус постоянно сидел у нее в отсеке после того, как он поступил с ней? Она этого не вынесет. Вероника проглотила комок, застрявший в горле.

– Хорошо. Что-то еще?

Она должна уйти отсюда. Прямо сейчас. Маркус убрал руку.

– Не теперь. Если мне придет в голову что-то еще, мы могли бы обсудить это за ленчем.

Он думает, что после всего она пойдете ним на ленч? Может, с его самомнением он полагает, что она еще и спать с ним будет?

Она хотела послать его к черту. Здесь, при всех. Наступить каблуком ему на ногу и вдавить острую шпильку прямо в мягкую кожу его ботинок. Ей хотелось вылить теперь уже остывший кофе ему на голову – на наглую блондинистую голову, но она не сделала ни того, ни другого.

Она встала и пошла к двери.

– Вероника, – окликнул ее мистер Клайн. Она остановилась на полпути к двери.

– Да?

– Спасибо, что довели до моего сведения это сообщение. Не каждый сотрудник по собственной воле ввязался бы в такую историю.

Вероника коротко кивнула и сделала еще один шаг к спасительному выходу. Еще десять футов – и она на свободе. Ни Маркуса, ни зрителей. Она была на грани нервного срыва.

Эти десять футов были как десяток миль, но в итоге она оказалась за порогом злосчастливого кабинета. В приемной она буквально упала на стол Эллисон.

Как могла она оказаться такой дурой? Такой наивной? Поверить сладким речам Маркуса о будущем? У него врожденная аллергия на прочные отношения.

Ну что ж, никогда и ни за что не станет она делить ленч – и что бы то ни было другое – с Маркусом Данверсом. Больше никогда.

Глава 15

Эллисон дождалась, пока Бен и Маркус уйдут из кабинета Джорджа.

– Ты ведешь здесь, в «Клайн технолоджи», расследование возможного шпионажа? – спросила она, оставшись наедине с боссом.

Он поднял взгляд от записей, и по его глазам было ясно: он удивлен, что она все еще здесь.

В течение дня она редко задерживалась у него в кабинете. Это запрещалось правилами. От нее требовалось умение полностью подавлять эмоции, она должна была вести себя как робот, чтобы ни одна живая душа в компании не заподозрила, что босс водит шашни с личным секретарем.

– Я думал, это и так понятно.

– Ты мне ничего не сказал.

– Не было необходимости ставить тебя в известность.

– Я твой персональный секретарь.

– Да, но ты не моя тень. Я в состоянии принимать кое-какие решения, не спрашивая у тебя совета. – Ее больно ужалил его сарказм, но она преодолела боль.

Она начала привыкать к ней. Пренебрежение на работе с лихвой окупалось тем вниманием, что он оказывал ей во внерабочее время. Она сумела себя в этом убедить.

– Я была в списке?

Тот же вопрос задала Вероника Ричардс. И то же отчаяние, что увидела Эллисон в глазах своей более молодой сослуживицы, охватило ее от сознания того, что ответ скорее всего будет положительным.

– Это не важно. И вообще этот разговор ни к чему. Если ты закончила, я бы предпочел вернуться к работе.

– Не смей испытывать на мне свои руководящие приемы. Ответь, черт побери, на мой вопрос.

Джордж отложил в сторону документы, нарочито медленно поправил бумаги.

– Вы не могли бы повторить то, что вы сказали, миссис Дженнингс?

– Ответь, черт побери, на мой вопрос.

От шока глаза у него стали круглыми. Он рассчитывал, что она попятится от его взгляда, но, похоже, сейчас ей было на все наплевать. Даже на то, что он ее уволит.

На кону было нечто поважнее работы.

Сердце.

– Да, ты была в списке.

– И поэтому ты предпочел не посвящать меня в расследование? Я ведь подозреваемая.

– Ты имела доступ ко всей той информации, что утекала, – сказал Клайн, не подтверждая, но и не опровергая ее предположения.

– Я имела доступ к информации, утечка которой имела бы для твоей компании куда более далеко идущие последствия,

и я ее не разглашала.

– Ты здесь ни при чем. Источник утечки информации, как оказалось, находится в отделе маркетинга.

Разочарование камнем легло на сердце. Ее буквально гнула к земле эта тяжесть.

– Тебе не кажется, что как твоя любовница я не заслужила того, чтобы меня держали в полном неведении?

– Ты ведь знаешь, я не позволяю личным склонностям влиять на решения, связанные с бизнесом.

Он держался так надменно, словно был принцем крови.

– Я думала, что между нами что-то есть.

– Я бы предпочел не обсуждать это сейчас.

Она во все глаза смотрела на него. Тело у нее ныло от с трудом сдерживаемого гнева и обиды.

– А что, если я хочу это обсудить?

– Ты мой личный секретарь, а не жена. Когда мы находимся здесь, в этом здании, мои желания главенствуют.

Как будто только в этом здании!

Она развернулась на каблуках, спеша покинуть этот кабинет, до того как сделает нечто необратимое, о чем будет потом горько жалеть. Например, скажет этому надменному сукину сыну, что он может сделать со своей работой.

– Эллисон!

Она остановилась у двери.

– С тобой все в порядке? Она быстро кивнула:

– Да.

– Хорошо. Мне не хочется приглашать сюда другого секретаря. Сегодня еще многое предстоит сделать.

Вот так. Может, в постели с ней он и ощущает себя разгоряченным подростком, но секс с ней всегда будет на вторых ролях – в первую очередь она для него секретарша. И то, что было у него с ней во внерабочее время, тоже имело свое название – секс, и ничего больше. В этот момент ослепительной ясности она это поняла.

Он ни разу не пригласил ее на свидание.

Ни разу не представил ее взрослым детям и не попросил, чтобы она познакомила его со своими детьми.

Если и было в их отношениях что-то теплое и личное, то это ее работа личного секретаря. Только эта ее роль в его жизни имела для него значение. К несчастью, она не могла больше играть ее.

* * *

Маркус выследил Ронни в кладовой комнате отдела маркетинга.

Хотя «комната» – слишком громкое название для закуточка, образованного двумя железными шкафами, расположенными под углом, и стеллажом между ними. Этот закуток находился в противоположном от отсека Ронни конце коридора, и Маркус оказался здесь только потому, что, решив забежать за Ронни, чтобы вместе пойти на ленч, нигде не мог

ее найти.

Бросив лишь один взгляд на этот безупречно организованный склад канцелярских принадлежностей с надписями и закладками, чтобы все было под рукой, Маркус сразу понял, кто тут командует.

Одна из дверей металлического шкафа была открыта, и голова Ронни и верхняя часть ее тела оставались скрытыми от его глаз. Все, что он мог видеть, – это изящный абрис ее ягодиц и бедер в аккуратных серых брюках.

Он предпочел бы юбку шесть дюймов выше колен, но облегающие брюки – не такая уж плохая вещь. Она, вероятно, считала, что они отлично маскируют ее маленькое сексуальное тело. Но ошибалась.

– Разве мы не договорились встретиться в полдвенадцатого, чтобы вместе пойти на ленч?

Из-за двери донеслось сдавленное восклицание, и тут Ронни споткнулась обо что-то и попятилась с естественной грацией выпивохи, покидающего бар в момент закрытия оного.

– Маркус... – Она казалась шокированной его появлением.

Не в ее правилах забывать о назначенных встречах, но, по-видимому, утренние события выбили ее из колеи. Ему не понравилось то явное напряжение, которое исходило от нее в кабинете Клайна, но он не сомневался, что оно было вызвано страхом, что ее прошлое будет разоблачено.

Она явно довела себя до ручки опасениями, что Маркус рассказал Клайну о том, что она сделала, прежде чем покинуть «Си-ай-эс».

Он собирался успокоить ее за ленчем – сказать, что ей нечего бояться на этот счет. И они могли бы обговорить кое-что еще, он объяснил бы ей, почему вынужден был скрывать от нее истинную причину своего присутствия в «Клайн технолоджи».

Она должна понять. Ронни была девочкой разумной, и, если посмотреть на вещи трезво, она не стала бы ставить ему в вину то, что он заподозрил ее в шпионаже. Она должна признать, что обстоятельства были далеко не в ее пользу.

Кроме того, как только он скажет ей, что никогда и в мыслях не имел причинить ей вред, она поймет – все, что он здесь делает, всего лишь его работа. Делая эту мучительную работу, он чуть ли не надвое разрывался, но по-другому поступать не мог – выбора не было. И никогда в жизни он не испытывал такого облегчения, как тогда, когда Клайн позвонил ему, чтобы рассказать о том, что обнаружила Ронни. Он нутром почувствовал, что она невиновна.

– Уже почти полдень, моя сладкая. Тебя нелегко было найти.

Он весь этаж обрыскал, пока ее тут обнаружил.

Она распрямилась, и выражение ее лица – холодная маска презрения – вызвало в нем некоторую нервозность.

– Может, я не хотела, чтобы меня нашли.

Ему совсем не нравились эти слова и то, как она на него смотрела. Словно он был собачьим дерьмом, которое прилипло к каблучкам ее серых лодочек.

– С чего бы тебе от меня прятаться, детка?

Она прищурилась, и на секунду ему показалось, что она вгонит его в землю этим взглядом.

И снова эта холодная маска вместо лица.

– Я не твоя детка. Я не твоя сладкая. Я вообще не твоя. И поэтому прошу не употреблять эти бессмысленные уничижительные слова, обращаясь ко мне.

Бессмысленные? Уничижительные? Ситуация уходила из-под контроля. По крайней мере она могла бы выяснить, рассказал ли он что-нибудь Клайну, перед тем как делать такие заявления.

– О чем, черт возьми, ты говоришь?

Ее изумительно очерченные брови взлетели над черной оправой очков.

– Все просто. Твоя хитроумная техника обольщения больше не действует. Впредь можешь не стараться. Я и так буду сотрудничать для успешного проведения вашего расследования. Так что нет абсолютно никакой необходимости жертвовать собственным телом ради работы.

Она отступила назад, насколько это позволяло ограниченное пространство кладовки, словно желала оказаться от него как можно дальше. Он был в ярости. Она вела себя так, словно само его присутствие было ей невыносимо, не говоря уже

о том, что громко вещала о его расследовании, будто здесь их никто не мог услышать, хотя на самом деле место для этого она выбрала не самое безопасное.

– Не думаю, что говорить о моей работе здесь – хорошая мысль, – сказал он, упрещающе понизив голос. И тут до него дошел смысл остального ею сказанного. И как только это произошло, голос его возвысился: – Хитроумная техника оболъщения?

Ее нежные губы сложились в нитку, и ему захотелось расцеловать ее так, чтобы они покраснелись, набухли и она прекратила использовать этот чудный природный инструмент для извержения подобного мусора.

Стараясь говорить как можно спокойнее, он сказал:

– Я не знаю, о чем ты говоришь, но одно могу гарантировать – обсуждать это здесь я не стану ни при каких условиях.

Он не вступит с ней в дискуссию относительно принесения в жертву расследованию собственного тела в том месте, где их в любой момент может услышать кто-либо из сотрудников компании. В интересах расследования как такового.

– Нам ни к чему обсуждать эту тему. Ни здесь, ни где-либо еще. Что касается меня, то если у нас и могут быть какие-то отношения, то отныне и впредь они ограничиваются лишь нашей профессиональной деятельностью и...

Он должен был остановить ее, прежде чем она снова заговорит о его расследовании.

– Ронни...

Вид у нее был такой, что своим взглядом она могла бы превратить его в глыбу льда, но внешность, как известно, обманчива – она сама не ведала, что творит. Очевидно, она была расстроена куда сильнее, чем хотела показать. Но, пока она не отказывалась от диалога, все еще можно поправить. Только говорить здесь нельзя – он должен как можно скорее увести ее из этого здания. Иначе она его раскроет.

Маркус схватил ее за предплечье и потащил за собой.

– Пошли. Нам надо поесть.

Она попыталась оторвать его руку, и он позволил ей это сделать, ловко перехватив ее за талию. Ее и так ставшее не слишком податливым тело напряглось, словно он обнимал не Ронни, а кусок мрамора. Маркус тихо выругался.

Разрешить ситуацию после утренних событий оказалось сложнее, чем ему представлялось. Но он как-нибудь это переживет, так или иначе найдет способ уладить разногласия между ними. Черта с два он допустит, чтобы она опять от него ускользнула.

Он потащил ее мимо ее отсека, чтобы она захватила сумочку, затем вывел из здания, успев на ходу отметиться у дежурного. Ему пришлось буквально запихнуть ее в машину, но, оказавшись на переднем пассажирском сиденье его «ягуара», она больше не предпринимала дурацких попыток убежать. И слава Богу. Игра в догонялки на стоянке для машин только усложнила бы дело.

Они проехали в полном молчании минут пять, когда она

ледяным тоном спросила его, куда он ее везет.

– Ко мне, – без колебаний ответил Маркус.

– Забудь об этом, – категорически заявила она. Она отказывала ему не только на словах: все в ней – и поза, и взор – выражало неприязнь.

Маркус метнул на нее взгляд, на миг отвлекшись от дороги. Она смотрела прямо перед собой, поджав губы в ледяном презрении.

– Нам надо обсудить несколько щекотливых тем, которые в общественных местах обсуждать не следует. Либо мы едем ко мне, либо к тебе, – добавил Маркус, услужливо предоставляя ей право выбора.

Руки ее, лежавшие на коленях, сжались в кулаки и притиснулись к бедрам.

– Почему мы не можем поговорить, скажем, в парке? Маркус включил дворники – начал моросить дождик.

– Потому что мы находимся на северо-западе страны и климат у нас не располагает к беседам на свежем воздухе. По крайней мере сегодня.

Он хотел немного сбросить накал страстей, но тема погоды, очевидно, не показалась ей такой уж забавной. Ронни по-прежнему держалась очень напряженно.

– Так куда мы едем? – спросил он.

– К тебе.

Он не обманывался. Он понимал, что ей совсем не хочется ехать к нему в квартиру, но еще меньше она желает ви-

деть его у себя. Попытается ли она захлопнуть перед его носом дверь, когда он придет вечером к ней на ужин? Маркус приказал себе не думать о предстоящем, а вместо этого сосредоточиться на том, что происходит в данный момент. А настоящее не сулило легких решений.

Он притормозил у мексиканского фаст-фуда.

– Что тебе взять?

Она продолжала смотреть прямо перед собой. Даже глазом не повела.

– Ничего. Я не голодна.

Он заказал ей тако⁴ и диетическую колу. Себе он взял еду с рутбир⁵ – кола ему никогда не нравилась. Он протянул ей пакет с едой и напитками, прежде чем тронуться с места. Подъехав к дому, он взял пакет и решительно направился к двери.

Она шла следом на почтительном расстоянии.

У дверей квартиры он не удержался и, ухмыльнувшись, попросил ее вытащить ключи у него из кармана.

– Видишь, у меня руки заняты.

Если он хотел ее поддеть, то это ему вполне удалось. Вероника заглотила наживку целиком. Она скривила такую физиономию, словно только что лимон съела.

⁴ Тако – горячая свернутая маисовая лепешка с начинкой из рубленого мяса, сыра, лука и бобов и острой подливой.

⁵ Рутбир – шипучий напиток из корнеплодов, приправленный мускатным маслом.

Алекс был прав, когда говорил, что его, Маркуса, своеобразное чувство юмора не доведет его до добра.

Схватив пакет с провиантом, она прошипела:

– Сам достанешь.

Он вздохнул и, вытащив ключи из кармана, отворил дверь. Галантно отступив на шаг – ровно настолько, чтобы она могла пройти, он сказал:

– Дамы вперед.

Он понимал, что оказывает на нее давление, но ведь полтора года назад он на собственном опыте убедился, что стоит чуть ослабить напор, как она возведет между ними такой прочный эмоциональный барьер, что ни одному смертному не пробить.

И все же вид у нее был такой, словно она готова дать ему ногой в пах, и Маркус усмехнулся про себя. Ему нравилось ее дразнить, и с этим ничего не поделаешь. Она была такой легкой мишенью. Кроме того, он предпочел бы видеть ее какой угодно, только не похожей на офисного робота, как это было когда-то. Ронни проскользнула в оставленную им узкую щель, изловчившись не прикоснуться к нему. Ей это с трудом удалось.

Она направилась прямо на кухню и шлепнула пакет с едой и напитками на стол. Он подошел и стал выкладывать еду.

Она нахмурилась, когда он пододвинул к ней, успевшей сесть на металлический стул в неестественно напряженной позе, тако.

– Я сказала, что не голодна.

– Тогда не ешь. Только моя мама освежевала бы меня живьем, если бы узнала, что я купил себе ленч, оставив девушку, которую пригласил на свидание, голодать.

– Я не на свидании, – процедила она сквозь зубы. Своей настойчивостью в этом вопросе она начинала действовать ему на нервы.

– Разве мы не договорились встретиться за ленчем? Что же у нас, если не свидание?

Ронни освободила соломинку от оберточной бумаги ровно настолько, чтобы проткнуть пластик.

– Именно, договорились – в прошедшем времени. Я разорвала договор.

– Ты ведь здесь, не так ли?

– Чтобы ответить на вопросы следователя – только за этим.

Она сомкнула губы вокруг пластиковой соломинки и втянула в себя немного диетической колы, всем своим видом демонстрируя отвращение.

Маркус никогда раньше не испытывал ревности к соломинкам и надеялся, что этого с ним больше не случится, но этот кусочек пластиковой трубки был куда ближе к губам Ронни, чем ему, по всей вероятности, в ближайшее время удастся пробиться.

– Отлично, давай обсудим расследование.

Она молча смотрела на него, очевидно, ожидая, что он

начнет первым. Он не собирался ее разочаровывать.

– Я не сообщил Клайну о том, что произошло в «Си-ай-эс», и не собираюсь это делать. – Он выдержал паузу, надеясь, что она улыбнется и скажет ему, как она рада.

Он увидел в ее взгляде облегчение, но улыбки так и не дождался.

– Почему?

Ладно, он не мог сказать, что этот вопрос стал для него неожиданным. Его ответ должен ее умиловать.

– Поскольку ты не виновата, ему нет необходимости об этом знать.

Она играла с оберткой тако, опустив глаза. Когда она подняла их, то он почувствовал себя на скамье подсудимых под грозными очами прокурора.

– Но ты бы сказал ему, если бы подумал, что я виновата.

Ему не очень нравился тот оборот, что принимала их дискуссия, но он предпочел не увिलивать.

– Да.

Вместо того чтобы сказать ему, какой он негодяй, если замышлял такое, и предоставив ему возможность оправдаться и объяснить свои добрые намерения, она опустила ресницы, скрыв от него выражение глаз.

– Понятно.

– Но ты не виновата, так что нам не о чем беспокоиться. – Он хотел внести полную ясность.

Он доверял ей.

Она взмахнула ресницами и вперилась в него взглядом. В серых глазах ее застыло отвращение.

– Понятия «мы» в наших отношениях нет и никогда не было. Если бы ты решил, что я виновата, и рассказал Клайну о том, что произошло в «Си-ай-эс», то расплачиваться пришлось бы мне, и только мне. Так что не говори, что «нам» не о чем беспокоиться.

– Ты думаешь, я бы просто так взял и отдал тебя волкам на съедение? – После того вечера в пятницу? После того, как он поделился с ней самым сокровенным, раскрыл перед ней душу?

Его словно током ударило – так он был зол на нее, когда она спокойно кивнула в ответ.

– Почему бы и нет? – спросила она. – Тебя наняли для определенной работы. Обнаружить, что женщина, предавшая тебя, виновна в преступлении, которое тебя наняли расследовать, – двойная удача. Я лично думаю, что ты не только отдал бы меня волкам на съедение, но и сам бы получил от этого немало удовольствия.

Ему словно дали кулаком под дых.

– Ты думаешь, я хотел свести с тобой счеты?

– Что же еще должно означать то гнусное лицедейство, что было тут на днях, если не акт отмщения?

Она сформулировала свое заявление как вопрос. Но у него не было сомнений – про себя она все давно решила. Она сочла, что весь его пыл – лишь для того, чтобы рассчитаться

с ней за ее исчезновение. Как она могла так подумать, когда он открыл для нее свое сердце? Он разозлился еще больше.

– То гнусное лицедейство, как ты его называешь, было вызвано тем, и только тем, что я тебя хотел, и уж точно не имело никакого отношения к желанию отплатить тебе за то, что ты меня полтора года назад бросила.

– В самом деле? – Сколько едкого сарказма она смогла вложить в эту короткую фразу!

– Да, черт возьми! Из мести не может родиться ничего позитивного, и уж тем более того, что между нами возникло. – Разум его отказывался принимать тот факт, что она в этом сомневается.

Она откинулась на стул, забарабанив пальцами по столу.

– У нас был секс. А в сексе нет ничего особенного. Такие вещи происходят постоянно, особенно с тобой.

Ему хотелось ее задушить, но еще лучше – прямо сейчас заняться с ней любовью и заставить ее понять, что это больше, чем секс, сильнее, чем гнев, застывший ей глаза.

Как могла она выдать такое? И после этого еще иметь наглость вести себя так, будто не сказала ничего особенного?

– Если такое происходит постоянно, то почему мы оба хранили целомудрие целых полтора года?

Она пожала плечами:

– Может, потому, что твои сексуальные желания идут на убыль. Тебе почти тридцать.

Он решил не реагировать на эту очевидную пощечину его

мужскому достоинству. Вместо этого он задал встречный вопрос:

– А какое у тебя оправдание?

– Я хранила целомудрие все двадцать три года своей жизни. Секс стал для меня отклонением от обычного курса – секс, а не его отсутствие. Могу тебя заверить, что в этом не было ничего особенного – ни в сексе, ни в воздержании после него.

Он знал, что она на взводе. Сознал, что она придумала черт знает что про него, но все равно ее слова чуть не вывернули его наизнанку. В ее силах было ранить его так, как не мог никто, даже мать.

И поэтому, сам будучи на пределе, он решил отступить.

– Может, нам следует вернуться к изначальной теме, к теме шпионажа в «Клайн технолоджи»? Мы сможем поговорить о наших отношениях потом, когда ты вернешь себе способность мыслить рационально.

– Нам вообще ни к чему обсуждать наши отношения.

Пусть говорит. Он не стал отвечать. А что еще он мог сделать? Если он продолжит прессинговать, а она останется на своих позициях, то боль от такого противостояния может оказаться для него невыносимой.

То, что он чувствовал сейчас, очень походило на страх, испытанный им, одиннадцатилетним мальчишкой. И в тот раз страх оказался более чем оправданным.

Он был в парке в своем родном городе, когда вдруг заме-

тил в толпе зрителей, наблюдавших за бейсбольным поединком, папу.

К тому времени он уже знал, что не является законным сыном, и примирился с тем, что его отца никогда не видели ни с ним, ни с его матерью на людях. Вернее, он научился с этим жить. Но в тот погожий летний денек ему захотелось посидеть с отцом и вместе посмотреть игру. Поэтому он набрался храбрости, забрался на скамью и протиснулся на местечко рядом с ним.

Маркус знал: его поступок разозлит отца. Но он думал, что сможет противостоять его недовольству. Увы, он навлек на себя нечто похуже, чем отцовский гнев. Отец его просидел рядом с ним все оставшиеся шесть подач, делая вид, что его не знает. А одиннадцатилетний паренек рядом глотал слезы и обмирал от унижения.

Когда на следующий вечер отец его появился у них с матерью в доме, Маркус ушел. И отец его рассказал маме, что произошло.

Она пришла к Маркусу и попыталась объяснить, что он, как человек влиятельный, не может подвергать себя риску общественного осуждения. Что отец его не может развестись по религиозным убеждениям. Она все это и раньше ему говорила. Он верил в эту чушь и слушал мать, но только до того бейсбольного матча. С этого момента Маркус перестал верить. И не признавал больше отца.

Ни в следующий его визит, ни через два года, когда Марк

и его мать поженились. Он пять лет прожил в доме Марка, но продолжал держаться на расстоянии, отказываясь воспринимать себя членом семьи, которую создали его отец и его мать. Он не принадлежал к их кругу и никогда об этом не забывал.

Маркус постарался отогнать эти болезненные размышления на второй план.

– Мне придется регулярно проверять твою почту, чтобы попробовать засечь еще одно подобное сообщение. Но буду честен – надежды на это мало.

– Отчего же? – Казалось, ее удивило, что он вновь вернулся к теме расследования.

Может, она хотела продолжать спорить с ним о характере их отношений? Но Маркус не собирался играть с собой в рулетку. Хватит того, что случилось семнадцать лет назад.

– Полагаю, то, что ты снимаешь почту на всю команду, – не такой уж большой секрет, так что скорее всего это сообщение попало к тебе по чьей-то оплошности.

Несколько секунд она сидела молча, разворачивая тако. Потом откусила кусочек – условный рефлекс на вид пищи.

Прожевав и проглотив его, она спросила:

– Итак, ты думаешь, что наш шпион не общается по электронке регулярно?

– О, у него для отправления сообщений существует установленное время – например, полночь, чтобы исключить вероятность просмотра тобой сообщений в это время. Наш шпион мог получать послания через отдаленный доступ с

домашнего компьютера или же он мог приходить в офис пораньше утром. Ты рабыня привычки, и, зная это, ему достаточно получать письма до половины восьмого, чтобы быть уверенным в том, что он успеет удалить сообщение с сервера до того, как ты начнешь просматривать почту.

Маркус рассуждал вслух, но часто это помогало. Так легче нащупать логическую цепочку.

Ронни, кажется, тоже так думала, потому что она кивала, слушая его, и даже откусила еще от тако. Маркус аккуратно отслеживал собственные реакции и подавил желание улыбнуться победной улыбкой. На его вкус, ей ни к чему было ограничивать себя в еде.

– Тогда зачем затруднять себя проверкой моей электронной почты?

– Один раз шпион промахнулся, может ошибиться и во второй.

– Понятно. Маркус?

Он тоже начал есть. Говядина была острой и пряной – как он любил.

Маркус проглотил кусок.

– Да?

– Ты сейчас выглядишь вполне убежденным в моей невиновности.

– Да.

Они несколько минут ели молча.

– Почему? – спросила она, аккуратно сложив в крохотный

квадратик обертку от тако.

Он не знал. Ему все время хотелось верить в ее невиновность. С самого начала. Только выработанный с годами профессионализм помогал ему побороть искушение рассказать ей об истинной причине своего присутствия в компании Клайна. Но он не скажет ей об этом. Она станет, вероятно, обвинять его во лжи. У нее сейчас было довольно сварливое настроение.

Лучше придерживаться прозы, чтобы потом плавно перейти в эмоциональную сферу.

– Ты не отнесла бы это сообщение Клайну, если бы была виновна.

– Может, я просто хотела отвести от себя подозрения.

Да уж, это очень похоже на правду. С тем же успехом он поверит в то, что завтра она начнет показывать стриптиз в соседнем баре.

Маркус нахмурился своим дурацким мыслям.

– Маловероятно.

– Отчего же? У меня есть резон так поступать. Я знаю, что тебе известно о моем прошлом. Может, я решила, что ты не станешь рассказывать о нем Клайну, если поверишь в мою невиновность.

Он не понимал, почему она так говорит, но ему хотелось направить ее на путь истинный.

– Во-первых, ты не знала, что я занимаюсь корпоративным расследованием. У тебя не было никаких оснований

считать, что Клайн сообщит мне о твоём визите к нему. Во-вторых, если бы ты была шпионкой, то не стала бы сейчас копать себе могилу. Никто не знает о расследовании, кроме Клайна, Уоррена, а теперь ещё и Эллисон.

– И меня.

– Да, теперь ты знаешь. Но не тогда, когда пошла к Клайну.

– Ты в этом уверен? Он зло уставился на нее:

– Уверен. Почему ты пытаешься убедить меня в своей виновности?

Лицо у нее посерело.

– Я не пытаюсь. Просто не могу держать язык за зубами, вот и все.

Она выругалась сквозь зубы.

Маркус взял ее руку и пожал. Ему было мало этого пожатия. Он хотел обнять Ронни, но подумал, что она к этому сейчас не готова. Она подняла на него глаза, и он увидел в ее взгляде беспомощность и растерянность. Сердце его дрогнуло.

– Не переживай, детка. Я знаю, что ты невиновна, и не пытайся убедить меня в обратном, болтая всякую чепуху.

Она покачала головой, словно хотела прочистить мозги, и отодвинула от него руку.

– Ты пришел к этому выводу на пять дней позже, чем следовало.

И снова ему не понравилось, как прозвучали ее слова.

– Что ты хочешь сказать? Я знаю, что ты невиновна, и все остальное не имеет значения.

Она встала.

– Ты ошибаешься. Ты воспользовался моим желанием, чтобы завоевать доверие к тебе. Ты занимался со мной любовью с верой в то, что я та самая шпионка, которую тебя наняли разоблачить. Я никогда этого не забуду. И простить тебя тоже не могу.

Глава 16

Раскрытое личное дело Ронни лежало перед ним на столе. Маркус уже два часа сидел за столом как приклеенный, спрашивая себя, как эта пороховая бочка, маскирующаяся под офисный автомат, посмела говорить о прощении.

Восемнадцать месяцев назад она вероломно бросила его, обманула. Ушла, даже не оглянувшись. Ушла с его ребенком в животе.

С сыном.

Маркус сжал кулаки с такой силой, что мышцы предплечий заныли.

Из того, что он прочел в ее личном деле, выходило: их сыну десять месяцев. Столько же, сколько дочери Алекса и Изабел. Все это не укладывалось в его голове. Ронни родила Эрона Маркуса Ричардса во французской больнице, не потрудившись даже позвонить ему и сообщить, что он стал отцом.

Она исключила Маркуса из своей жизни с той же легкостью, с которой сделал это его отец.

Гнев накрыл его, как девятый вал. Никогда в жизни Маркус не испытывал такой ярости. Ронни вычеркнула Маркуса не только из своей жизни, но заодно и из жизни его сына. У его сына прорезался первый зуб, а он, Маркус, ни черта об этом не знал. Он научился переворачиваться. И Маркус не

ведал об этом. Он стал ползать, а Маркус и знать об этом не знал.

Маркус пытался припомнить все то, чему научилась его маленькая крестная за десять месяцев жизни, и жгучая влага защищала глаза. Он видел, как его крестная первый раз улыбнулась с единственным зубом во рту. Как она ползла по полу, чтобы схватить красного плюшевого медведя, которого он подарил ей на Рождество. Как пытается сделать первый шаг и падает на подбитую мягким памперсом попку.

Тогда он подхватил ее с пола и, усадив на колени, стал успокаивать, пока Изабел покатывалась со смеху.

Пытался ли Эрон сделать свой первый шаг? Плачет ли, когда устает, или просто засыпает, и все? Нравится ли ему яблочное пюре, или он выплевывает его с отвращением, как малышка Хоуп?

Непрошенные слезы жгли Маркусу глаза, и он не мог прогнать их, сколько ни мигал. Он даже не знал, как выглядит его сын.

В пятницу вечером Ронни сказала, что любит его.

Короткий сдавленный смешок, больше похожий то ли на лай, то ли на хрип, вырвался у Маркуса, и ему захотелось изо всех сил ударить кулаком по обтянутой тканью стене отсека. Любовь. Да уж!

Ронни испытывала к нему кое-какие чувства, только то была не любовь. Любовь подразумевает доверие. Она предположила, что он затащил ее в постель, чтобы завоевать ее

доверие. Она сама так сказала, меньше двух часов назад. Он подавил нервный смех.

Как будто ему это грозило!

Она не доверяла ему восемнадцать месяцев назад – не рассказала об отчаянном положении, в котором оказалась из-за болезни сестры, о ребенке, которого они зачали, и сейчас она ему тоже ни на грош не верила. Она не стала делиться с ним мыслями, что пришли ей в голову, когда случайно перехватила анонимное сообщение. Она не спешила рассказать ему об их сыне и после того, как призналась ему в любви.

Она хотела его. Он дарил ей телесное наслаждение. Пробудил ее к новому опыту. Сексу. Она сказала, что в этом нет ничего особенного. Он предпочел думать, что она лжет, потому что в тот момент была в ярости, но теперь он знал правду.

Похоть. Теперь он знал слово, которое определяет ее чувства к нему. Они относились к сфере телесного и не распространялись на жизнь духа. Этим все начиналось и заканчивалось. Ей хотелось их как-то приукрасить, притвориться, что за похотью стоит что-то еще, что-то, что ее мелкое ханжеское сознание может принять. Но если бы это что-то еще было, он не сидел бы здесь, в любезно предоставленном офисном отсеке, над папкой, огорошившей его открытием. У него есть сын, а он узнает об этом из личного дела матери своего ребенка.

Маркус резко распрямился, отодвинув стул на несколько

футов от стола. Он с шумом захлопнул папку и швырнул ее в шкаф над компьютером вместе с личными делами прочих сотрудников «Клайн технолоджи», которые вышли из числа подозреваемых. Схватив оставшиеся четыре папки, он выскочил из офиса.

Ему надо убежать. Он не мог слышать нежные обертона ее голоса за тонкой перегородкой. Он не в силах был находиться всего в двух шагах от нее после того, как узнал обо всем. Не мог.

Она больно ранила его, но худшее было не это.

Она приговорила их сына к детству без отца – точно так же, как это сделали родители Маркуса.

В горле его рос тяжелый ком. Тогда он чуть ли не бегом покинул здание, чтобы не разрыдаться при всех.

Ровно в шесть прозвенел звонок в дверь. Вероника опустила на пол маленький пластиковый самолет, которым развлекала сына. Поднявшись с ковра, она расправила просторную хлопчатобумажную рубашку, которую носила дома с удобными джинсами. Они с Эроном были в квартире одни. Дженни, как это планировалось заранее, ушла в библиотеку. Вероника не рассказала ей о событиях в «Клайн технолоджи». Ей не хотелось расстраивать младшую сестру. И болью своей тоже не поделилась – она была слишком личной для того, чтобы поведать о ней даже самому близкому человеку.

Она мечтала о будущем с Маркусом, а он всего лишь шел по следу преступника – по ее следу.

Заглянув в глазок, она увидела ярко-голубую гавайку, и рука ее застыла на полпути к дверной ручке. Она метнула взгляд на сына, мирно игравшего на ковре, и против воли перевела его на голубое пятно в окуляре глазка.

Она не могла видеть его лицо: он стоял слишком близко. Но сомнений относительно того, кто за дверью, у нее не было. Это мог быть только Маркус.

Он стукнул в дверь кулаком:

– Открой, Ронни. Я знаю, что ты дома. Твоя машина на стоянке.

Зачем он здесь? Она лихорадочно перебирала возможности.

Она могла притвориться, что не слышит, но ведь он будет продолжать колотить в дверь и вызовет раздражение соседки. Можно запереть Эрона в спальне и избавиться от Маркуса до того, как он поймет, что в квартире есть ребенок. Или сделать вид, что нянчится с ребенком подруги.

И еще она могла сказать ему правду.

Не важно, каковы ее нынешние отношения с Маркусом. Больше невозможно без мук совести прятать от него их ребенка. Она собиралась рассказать ему обо всем сегодня. Теперь судьба заставляла ее сделать это. Как ни странно, Вероника даже почувствовала облегчение. Ей не по нутру было скрывать правду.

Он снова постучал.

– Открой эту чертову дверь, Ронни! – крикнул он доста-

точно громко, чтобы отвлечь Эрона от игры.

Вытерев о джинсы вспотевшие ладони, Вероника поспешила отворить ему, прежде чем соседка вызовет полицию. И перед ней предстал Маркус – таким, каким она не видела его никогда.

Если бы не его любимая гавайка, она бы вообще его не узнала. Волосы его стояли торчком, лицо – туча тучей.

Глаза у него налились кровью, словно он пил всю ночь. Она видела его всего пять часов назад, так что могла догадаться, что версия с пьянкой исключена. Могло даже показаться, что он плакал, но такое предположение было бы уж совсем фантастичным.

Не может быть, чтобы на него так повлияла их ссора.

– Я хочу видеть своего сына, – с мрачной серьезностью сказал он. В голосе его слышалась неподдельная мука.

Каждое слово его было как вспышка молнии, пробивающая ее сознание. Он знал.

И ему было очень больно. Онемев от чувства вины, Вероника медленно отступила, пропуская Маркуса в квартиру.

Он тут же поймал взглядом Эрона и замер.

– У него светлые волосы.

Он еле выдавил из себя эти слова, и Вероника с испугом посмотрела ему в лицо. Оно было страдальчески перекошено.

– Да. Он очень на тебя похож, – прошептала она, не придумав ничего лучшего. – Как ты узнал?

Может, на работе кто-то ему сообщил? Сэнди? От его взгляда у нее кровь застыла в жилах.

– Уж конечно, не от тебя. Я прочел твоё личное дело.

– Ты... что сделал? – Она не хотела его ни в чём обвинять. Просто не поняла. Он прочел её личное дело? Если бы он сделал это раньше, когда считал её виноватой, он не явился бы в её квартиру сейчас. Зачем ему было читать её дело сегодня?

Он на мгновение перевёл взгляд с Эрона на неё, и она тут же пожалела о своих словах.

Она никогда раньше не видела настоящей ненависти во взгляде Маркуса, даже когда он только приехал в Сиэтл. Она поняла, что глаза лишь отчасти отражают то, что он в настоящий момент чувствует. Бледное отражение куда слабее оригинала.

– Я прочел твоё личное дело. У меня были личные дела всех подозреваемых, но твоё я читать не хотел. Я не желал, чтобы шпионкой оказалась ты, поэтому откладывал знакомление с ним до последнего. – Каждое слово, казалось, нестыковалось с другим. Будто обычно быстрые мозги Маркуса отказывались работать в нормальном режиме.

Он перевёл взгляд на Эрона и больше не отводил от него глаз.

Сын их сидел на ковре и грыз зубное кольцо, не замечая, как накаляются страсти.

Наконец до Вероники дошёл смысл сказанного Маркусом.

Он не хотел, чтобы она оказалась преступницей? Он пытался найти более вероятного подозреваемого?

– Но ты его прочел.

Зачем он прочел ее личное дело, если считал ее невиновной?

В его ярких голубых глазах боль мешалась с презрением, когда он снова удостоил ее своим взглядом.

– Ты сказала сегодня, что не можешь меня простить. Ты настояла на том, чтобы я отвез тебя обратно в офис. Я не знал, позволишь ли ты снова к себе приблизиться. Я взял в руки папку с твоим делом и хотел ее убрать. Но не смог. Я стал читать твое личное дело потому, что, читая его, я словно приближался к тебе. Я стал фетишистом. Тебе не противно меня слушать?

Вероника съежилась от его интонации. Из того, что он говорил и как, выходило, что она ему и вправду была небезразлична, словно ее отказ встречаться с ним действительно задел его чувства. Как будто она причинила ему боль.

– Нет. Ты не фетишист, – сказала она и замолчала. Он все равно ее не слушал.

И смотрел на Эрона.

– Он не боится чужих?

От его вопроса ее передернуло. Ей стало стыдно. Маркус не должен быть посторонним для собственного сына, и в том, что он для Эрона чужой, только ее вина.

Вероника проглотила комок.

– Вообще-то нет.

Маркус медленно двинулся навстречу сыну, и Вероника молча взмолилась о том, чтобы Эрон его не испугался.

Маркус присел на ковер рядом с мальчиком и осторожно прикоснулся пальцем к светлому локону.

– Он красивый.

У Вероники зашлось сердце.

– Да.

– Он уже ходит?

– Нет, но пытается. Я думаю, он должен вот-вот пойти. Он все начинал делать рано. В четыре месяца у него прорезался первый зуб, и он уже говорит «не», «мама» и «Джен-Джен».

Эрон повернулся и с интересом посмотрел на светловолового гиганта, присевшего рядом. Он протянул пухлую ручку и дотронулся до голубого цветка у Маркуса нарубашке. Когда малыш улыбнулся, на глаза у Вероники навернулись слезы.

– Привет, малыш. Я – папа. Ты научишься говорить это слово тоже.

Когда Маркус представился сыну, Вероника чуть не всхлипнула. Как она могла подумать, что Маркус не захочет знать о ребенке?

– Прости, Маркус, – хрипловатым от слез голосом сказала она.

Он покачал головой, словно не хотел ее слышать.

– Не сейчас. Не хочу устраивать перед ним сцену.

– Да. Ладно.

Маркус сел на пол и взял в руки пластиковый самолет, которым Вероника водила над головой Эрона, до того как он пришел. Изображая рев реактивного двигателя, он начал водить самолетиком перед глазами у удивленного мальчугана.

Приземлив самолет на ноги малыша, Маркус предоставил сыну возможность забрать игрушку и засунуть в рот.

– Надо было мне повременить с приходом сюда, пока не возьму себя в руки, но я не выдержал и примчался. Не мог ждать. Я и так пропустил десять месяцев. Наверное, я говорю как сумасшедший, но еще двадцать четыре часа я не выдержал бы.

Она прикусила губу и ощутила солоноватый привкус крови.

– Нет, ты не сумасшедший.

Полтора часа пролетели незаметно. Маркус и Эрон призывали друг к другу. Они играли на ковре, и в один прекрасный момент Маркус улегся на пол, отдав себя в полное распоряжение Эрона, чтобы тот мог поползать по папочке в свое удовольствие, тщательно исследуя все, что найдет на пути.

Вероника приготовила ужин, пока Маркус, наблюдая за ней, качал мальчика на коленке. Потом они вместе поели, и Маркус накормил Эрона. Мальчик едва не уснул на своем высоком стульчике, и Вероника решила, что пора уложить его спать.

Последние полтора часа донельзя утомили Эрона, да и са-

ма Вероника была как выжатый лимон. За сегодняшний день она прошла все круги ада – начиная с утреннего визита к шефу, во время которого она узнала о роли Маркуса в корпоративном расследовании. Но, как выяснилось, этот день готовил для нее еще одно испытание – вот этот вечерний визит.

Всякий раз, когда малыш улыбался отцу, Вероника сжималась под грузом вины – целых десять месяцев она лишала их обоих таких вот счастливых минут.

К ее удивлению, Маркус не стал спорить, когда она сказала ему, что пора укладывать сына спать.

Он помог ей переодеть Эрона в пижаму, после того как ему сменили подгузник. Маркус действительно оказался умелой нянькой. Так что, рассказывая о своем участии в жизни маленькой Хоуп, он не преувеличивал свои заслуги.

Маркус уложил их маленького сына в кроватку и несколько долгих минут стоял рядом, оставив руку на спине Эрона, пока их мальчик крепко не заснул.

Отгоняя глупые, непрошенные слезы, Вероника повела Маркуса в гостиную.

– Нам надо поговорить.

Он кивнул, но при этом спросил:

– Где твоя сестра?

– В библиотеке. Она пишет доклад. Между половиной девятого и девятью она вернется.

Слава Богу, что Дженни не было. Вероника и представить себе не могла, что бы произошло, будь Дженни дома. Скан-

дала бы не миновать.

– Получается, у нас не очень много времени для разговоров.

Вероника прикусила губу и поморщилась – опять она попала на то же место, и снова выступила кровь.

Да. В запасе у них был час, от силы полтора. Сколько бы раз ни повторила она свое «прости, Маркус», этим все равно горю не поможешь. Маркус ее не простит.

– Хочешь кофе? Он сел на диван.

– Нет.

Она устроилась на своем обычном месте, поставив корзинку с вязанием на пол.

– Я понимаю, что мои слова не вернут те десять месяцев, что я молчала, но все равно – прости.

У Маркуса под скулами заходили желваки.

– Почему?

Она не стала делать вид, что не понимает, о чем он спрашивает.

– Я думала, ты не захочешь знать. Ты ведь всегда был против обязательств и ясно дал понять, что у нас не может быть будущего. Я предположила, что так же ты отнесешься и к ребенку.

Он посмотрел на нее недоверчиво, и она вынуждена была выпалить всю правду:

– И я боялась.

– Чего? – грубо спросил он.

Он сидел всего лишь на другом краю дивана, а ей казалось, будто он на другом конце пропасти.

– Что ты попытаешься отнять у меня сына. Я предала тебя, продала секреты компании, и я знала, что ты меня не любишь. Это не оправдание, но я не могла тогда мыслить ясно. Я была слишком расстроена болезнью Дженни, чтобы разумно оценить ситуацию и принять во внимание твои законные права отца. Весь мой мир рушился.

Его взгляд окатил ее холодом.

– Я могу понять твои страхи. Ты действительно не в состоянии была ясно мыслить, если предала Алекса. Я не понимаю одного – моему сыну десять месяцев, а я узнаю об этом из твоего личного дела.

Она почувствовала облегчение. Отчасти. Тут она не была уж так виновата.

– Я собиралась рассказать тебе сегодня. Об этом я говорила в пятницу.

– Я думал...

– Ты предполагал, что я хочу сказать тебе, что я шпионка. – До этого она уже додумалась. – Ну что же... Сюрприз.

– Должен сказать, что твоя невиновность не стала для меня таким уж сюрпризом, как ты выражаешься. Но то, что я вычитал в твоём личном деле... Как ты могла, Ронни?

Боль в его глазах мгновенно заставила ее пожалеть о сделанном ею саркастическом замечании.

– Я знаю. Виновата, – снова сказала она.

– Эрон и был той «визуальной поддержкой», о которой ты говорила?

Схватив корзинку, Вероника вытащила вязание и принялась за работу. Ей надо было чем-то занять руки и глаза. Чтобы не встречаться с ним взглядом.

– Я понимаю, что тебе трудно меня понять. Ты любишь рубить правду в глаза, а я просто не знала, как тебе рассказать. Я не могла подобрать нужные слова.

– «Маркус, у тебя десятимесячный сын». Подойдет? – В тоне его слышалась горькая ирония.

Вероника устала на клубок ярко-голубой шерсти и вздохнула:

– Да, но я уже говорила, что ты человек очень прямой.

– Честный.

Тут она не выдержала и подняла глаза.

– Так ли? Это честность заставляет следователя маскироваться под консультанта, когда он прощупывает меня в качестве самой вероятной подозреваемой?

Синие глаза его потемнели от гнева.

– Это моя работа, и не смей равнять ее с тем, что сделала ты, – лишила меня радостей отцовства в первые десять месяцев жизни моего сына!

Она отмотала немного шерсти.

– Как можешь ты, сидя здесь, выносить свои суждения? Ты собирался разрушить мое благополучие, сломать мне жизнь, которую я так отчаянно собирала по кусочкам ради

сына и сестры! Ты использовал мое желание к тебе как оружие против меня и теперь заявляешь...

Она замолчала, не закончив предложения, потому что он успел соскочить с дивана и грозно нависал над ней.

– Мне надоело слушать твои нападки и всю эту ересь про то, как я будто бы использую секс как оружие против тебя. Ты помнишь, я говорил тебе, что у меня после тебя не было ни одной женщины?

У нее не было иного выхода, и она кивнула. Он действительно это сказал, и она ему поверила. Она все еще верила ему, что свидетельствовало о ее не слишком высоком интеллектуальном уровне.

– Ты помнишь, как я говорил, что хочу заняться с тобой любовью? Что я не желаю, чтобы у нас был просто секс? Что думаю об общем будущем?

Его голос сильно действовал ей на нервы, и на все вопросы она отвечала быстрым кивком.

– Я уложил тебя в постель в пятницу, потому что хотел тебя. Ты была мне нужна.

– Маркус...

Он рубанул ладонью воздух:

– Нет, я сейчас говорю. Ты обвинила меня, что я тебя использую, в то время как я хотел одного – заступиться за тебя. Если бы даже ты оказалась виновной, я собирался пойти к Клайну и от твоего имени молить о прощении, чтобы он защитил твою репутацию в случае необходимости. Я пони-

мал всю отчаянность твоего положения и то давление, что ты испытывала со времени смерти родителей. Я хотел помочь тебе, но ты и сейчас доверяешь мне не больше, чем полтора года назад.

Он прожег ее взглядом, лицо его было предельно напряжено. Он еле сдерживался. В его теперешней ипостаси не было и тени того беспечного «душки», каким она его всегда знала.

– Ты лгал мне, – беспомощно пролепетала она.

– Я себе тоже лгал. Я убеждал себя, что я тебе небезразличен и отсутствие доверия ко мне восемнадцать месяцев назад было вызвано твоим ужасным стрессом.

Она боялась сказать что-то еще. Он был слишком серьезно настроен. И безмерно зол. Он сжал кулаки и отвернулся.

– Мы поженимся как можно быстрее.

Глава 17

– Что мы сделаем?

Не может быть, чтобы он произнес именно эти слова. Ей, наверное, послышалось. После того как он в доступной форме объяснил ей, что считает ее полным ничтожеством. Это невозможно. Не может человек от обвинений перескочить к предложению руки и сердца.

Он резко повернулся к ней. Напряженность его позы говорила – он испытывает нечто похожее на то, что чувствовала она.

– Ты меня слышала? Мы поженимся.

Едва сдерживая слезы, она никак не могла взять в толк, что заставило его сделать такое абсурдное заявление.

– Мы не поженимся.

– Еще как поженимся. И побыстрее.

Он не спрашивал. Он утверждал. Словно ее мнение по этому вопросу ничего не значило.

– Маркус, мы живем не в средние века, и ты не феодал-деспот, который может приказывать женщине. На дворе двадцать первый век, и мужчине приходится спрашивать у женщины, выйдет ли она за него замуж.

– Спрашивать? Как будто ты интересовалась, вправе ли прятать от меня моего сына чуть ли не весь первый год его жизни.

Ей не хотелось развивать эту тему, ей нечем было обороняться. Она решила воспользоваться иной тактикой:

– Не может быть, чтобы ты хотел на мне жениться! Судя по твоему взгляду, ты ненавидишь меня.

– А как я должен на тебя смотреть?

Она не стала отвечать. Безопаснее промолчать. Он скрипил губы в подобие улыбки:

– Так-то. Мой сын будет носить мое имя. Он никогда не станет сомневаться в моем желании признать его публично.

– Ты можешь признать его, не расписываясь с его матерью.

Голубые глаза Маркуса приобрели цвет штормового моря.

– Нет.

Она была беспомощна перед лицом его решимости и не могла не прислушиваться к его аргументам.

– Но, Маркус, мы не можем пожениться только потому, что у нас общий ребенок. Ни один брак не устоит на таком шатком фундаменте.

Он посмотрел на нее так, что она поежилась.

– Мне наплевать, сколько продержится наш брак. Все, что я хочу, – это стать законным отцом своему ребенку, чтобы он никогда не испытывал того ощущения отверженности, через которое в детстве пришлось пройти мне.

– Ни один из нас не живет в маленьком городке, в котором выросли. Никому в Сиэтле нет дела до того, женаты родители Эрона или нет.

– Никому? Ты в этом уверена? Ты абсолютно убеждена,

что Эрон никогда не услышит из чьих-либо уст, что он – ошибка молодости своей матери или, того хуже, ублюдок?

– Конечно, нет, но дело не в этом...

– Именно в этом все дело, Ронни, – перебил ее Маркус.

– Маркус, – сказала она тихо. Она пыталась найти слова, чтобы объяснить ему, что не может за него выйти. – Ты лгал мне.

– Больше не буду. – Он говорил искренне, при этом гнев никуда не делся.

– Почему я должна тебе верить?

– Потому что пора начать мне доверять. У тебя нет иного выхода, – добавил он с сарказмом.

Да, будущее с Маркусом рисовалось весьма беспросветным.

– Ты презираешь меня, – с горечью в голосе сказала она.

– Если бы я тебя презирал, я бы попытался отсудить себе опеку, а не предлагал брак.

Его аргументация была убийственно точна, и перспектива лишиться Эрона была слишком пугающей, чтобы продолжать дискуссию в том же духе.

– Ты не веришь в устойчивые отношения.

– Я изменился. Я хочу иметь сына.

– И чтобы его получить, ты должен жениться на его матери, – сокрушенно заключила она.

Маркус пожал плечами:

– Именно.

Ей хотелось его ударить.

– Это больше, чем дать Эрону свое имя, не так ли? Он сел и взъерошил свои золотистые волосы, послечего бессильно уронил руки.

– Да, я хочу быть полноценным отцом своему ребенку, а это невозможно, если встречаться с Эроном повыходным или забирать его к себе на половину каникул. Я не допущу, чтобы ты вышла замуж за первого встречного и позволила ему занять мое место в жизни Эрона.

– Выходит, когда ты говорил, что тебе все равно, сколько протянет наш брак, ты говорил не вполне искренне?

«Пожалуйста, скажи, что ты сказал так стгоряча», – мысленно взмолилась она.

Он повернулся к ней и протянул руку к ее лицу. Она не отпрянула, но его прикосновение взволновало ее, еще сильнее взвинтило нервы.

– Нет, я зря это сказал. На самом деле я так не думаю. Я все еще страшно зол, и у меня это просто вырвалось. Но я не хочу, чтобы ты думала, что развод – легкая альтернатива жизни со мной.

Вероника поймала себя на том, что у нее готов слететь с языка ответ «да, я выйду за тебя». Она любила его, даже после всего того, что произошло. Она не могла представить себе жизнь без него. Последние восемнадцать месяцев она физически ощущала пустоту в сердце, которая так и оставалась незаполненной, пока он снова ее не обнял.

– Ты в самом деле не испытываешь ко мне ненависти? – Даже любя его, она не могла думать о браке с женщиной, который ее ненавидит.

– Нет, не испытываю.

Он не питал к ней ненависти, но и любви не чувствовал. Сможет ли она с этим жить? Она не знала. Должно быть, он увидел нерешительность на ее лице, потому что снова стал говорить, пытаясь убедить ее в разумности такого решения, как брак.

– Подумай, когда мы поженимся, ты сможешь снова вернуться в Портленд, и Дженни пойдет в свою старую школу.

Она промокнула влагу, собравшуюся в уголках глаз.

– Дженни бы это понравилось.

– Я помогу тебе выучить ее в колледже.

Она едва не рассмеялась горьким смехом. Он готов пойти на подкуп, если иные аргументы не сработают.

– Этого от тебя никто не ждет. Дженни не входит в зону твоей ответственности.

Он поджал губы.

– Когда мы поженимся, твоя сестра станет моей сестрой, и моей подопечной тоже. Ты и так достаточно долго тянула лямку в одиночку.

Вероника подавила всхлип. Как мог он быть таким добрым и одновременно столь жестоким?

– Ты думала о том, чтобы уйти с работы и посидеть с Эрном дома? – спросил он.

Вероника хотела бы посвящать ребенку все свое время, но не могла себе такого позволить. Она понимала, что на следующий год Дженни вернется в школу и надо будет искать Эрону няньку. Перспектива эта ее не слишком вдохновляла, но деваться все равно некуда. Вероника в ответ только пожала плечами.

– Если ты хочешь работать, я не буду возражать. Но при желании сможешь работать полдня или вообще остаться дома. После декретного отпуска Изабел вышла на работу на полдня. И ей, похоже, нравится такой график.

С каждым словом Маркуса перспектива брака с ним все более прояснялась.

Он взял из ее онемевших пальцев голубой плед и внимательно на него посмотрел.

– Красивая вещь. Моей маме нравилось шить лоскутные одеяла. Я до сих пор застилаю кровать одеялом, которое она сшила мне на выпускной.

Вспомнив нарядное изделие в деревенском стиле, выполненное в красновато-коричнево-желтой осенней гамме, что она видела в его спальне в Портленде, Вероника подумала, что мать у Маркуса – настоящая мастерица. Такое одеяло могло бы завоевать первый приз на конкурсе местных талантов и пойти с аукциона за несколько сотен долларов.

И несмотря на все противоречивые и болезненные детские впечатления, Маркус был сильно привязан к матери, если продолжал застилать кровать подаренным ею одеялом.

Вероника кивнула:

– Я вяжу этот плед для новой кровати Эрона – когда он вырастет из колыбельки.

Впервые за вечер Маркус тепло ей улыбнулся.

– Пройдет еще время, пока он выберется из своей кровати, верно?

Она улыбнулась и почувствовала, как то ужасное напряжение, что держало ее в тисках весь вечер, уходит.

– Да, но и мне потребуется немало времени, чтобы его закончить. Я работаю над ним только урывками.

– Я не хочу быть отцом урывками, Ронни. Пожалуйста, выходи за меня замуж.

Она покачала головой. Она не отказывала ему, она была беспомощна в своей растерянности.

Маркус просил ее. Он сказал «пожалуйста». Маркус, который заявил ей в тот самый первый день, когда они легли вместе в постель, чтобы она не путала секс с более нежными чувствами. И этот самый Маркус хотел создать с ней семью, и она не знала, найдет ли в себе мужество ему отказать.

– Мне надо подумать. – Когда она увидела, что он готов привести еще аргументы в пользу своего предложения, она лишь добавила: – Пожалуйста.

– Когда ты станешь думать о том, выходить тебе за меня или нет, подумай об этом.

Он отшвырнул незаконченное одеяло, положил свои широкие ладони ей на талию и одним движением усадил к себе

на колени.

Он страстно прижался губами к ее губам, и все мысли о сопротивлении улетучились из ее сознания, как стайка птиц, летящих на юг в преддверии зимы. Она чувствовала в его поцелуе мужской голод и остатки гнева. Она уперлась ладонями в его грудь, пытаясь оттолкнуть его от себя.

Она не хотела целоваться с ним, пока он все еще был на нее зол.

Но когда кончик его языка раздвинул ее губы, ей уже ничего так не хотелось, как впустить его в себя. Вместо того чтобы его оттолкнуть, она вцепилась в его рубашку, и тогда гнев ее превратился в нечто куда более опасное – в страсть.

Грудь ее ныла, и восставшие соски грозили проткнуть шелковистые оковы бюстгальтера. Она терлась об него, она хотела его ласки, нуждалась в ней. Тихо застонав, он, угадав ее желание, принялся расстегивать пуговицы на ее блузке. Он не стал тратить время на то, чтобы расстегнуть их все, – достаточно было того, что он просунул руку внутрь и накрыл ладонью ее изнемогающую плоть. Он нежно пожал ее грудь, одновременно потирая подушечкой большого пальца набухшие соски.

Бормоча что-то в горячке желания и недовольства от того, что хоть бюстгальтер был и тонок, он все же создавал нежелательный барьер между его рукой и ее грудью, она ерзала у него на коленях, вжимаясь грудью в его ладони.

Смех сотрясал его, но он не перестал ее целовать, что-

бы выпустить его на волю. Она не понимала, что он находил столь чертовски забавным. Она хотела обнять его – голого. Сейчас. С лихорадочной поспешностью она принялась расстегивать его рубашку. Управившись с этой работой, она спустила рубашку с его плеч.

Руки ее жадно ласкали покрытую жесткими завитками грудь Маркуса, и он вздрогнул всем телом, когда пальцы ее отыскивали отвердевшие соски.

Он оторвал губы от ее губ, откинул голову на спинку дивана, но не переставал ласкать ее грудь.

– Ты так быстро меня заводишь, детка.

– Хорошо. – Было бы чертовски обидно, если бы только она так быстро заводилась.

Она провела языком влажную дорожку от его ключицы до подбородка и обратно, осыпала горячечными поцелуями его шею.

Он неожиданно неуклюже расстегнул ее бюстгальтер и мозолистыми ладонями нежно провел по отвердевшим соскам и набухшей груди. Ей было так хорошо, что хотелось плакать.

Она подняла голову и встретила его взгляд, пылавший желанием.

– Маркус. Я хочу тебя прямо сейчас.

– Да!

Одежда полетела во все стороны, и она оказалась на полу возле игрушек Эрона, Маркус стоял над ней, стаскивая

джинсы. Он был так возмутительно мужественен, так сильно возбужден, что Вероника не могла побороть знакомое только женщинам чувство тревоги от того, что он в ней может не уместиться.

Должно быть, он увидел волнение в ее взгляде, потому что, усмехнувшись, сказал:

– Не переживай. Умещусь.

– Да. – Во рту так пересохло, что это короткое слово да-лось ей с трудом.

Он опустился на нее сверху, прижавшись к мягкой плоти всей своей твердостью. Застонал и потерялся об нее. Она всхлипнула и попыталась вобрать его в себя. Он отстранился.

– Подожди, – сказал он и достал что-то из кармана джинсов.

Затем он присел на колени между ее ногами и разорвал пакетик.

– Ты принес с собой презервативы? – спросила она. Даже будучи возбужденной не менее его, она не уставала поражаться его самонадеянности.

Он кивнул и посмотрел ей в глаза.

– Ты знал, что этим кончится, – с укором сказала она, когда он натянул презерватив.

Он не стал отвечать, а просто вновь опустился на нее так, чтобы губы его были вровень с ее грудью. Он захватил губами ее сосок, и куда только делись все ее переживания! Он

втянул в себя один сосок, нежно прокатывая между большим и указательным пальцами другой. Он делал это до тех пор, пока она не взмолилась о пощаде.

– Ты хочешь меня? – требовательно спросил он, лицо его приняло почти жестокое выражение, как это бывает у мужчин, когда они возбуждены.

– Я хочу тебя, Маркус. Сейчас, пожалуйста!

Ей было наплевать на то, что она его умоляет. Она просто хотела как можно скорее утолить это жгучее томление.

Он раскинул ее ноги почти грубо и пристроился у входа. Она приподняла бедра и застонала в тот миг, когда его пенис проник в ее истомившееся тело. Затем со зловещим, оглушившим ее криком он толкнулся вперед и оказался в ней одним долгим толчком.

И после этого она перестала думать. Она могла только ощущать. Жесткий ковер под ней. Уверенные и быстрые толчки его плоти в ней, вкус его губ на ее губах... И вдруг все начало вращаться. Она крикнула, и его губы заглушили ее крик, тело ее сжималось в конвульсиях вокруг него, она одеревенела от наслаждения.

Его мускулистое тело задрожало, и она почувствовала, как он стал еще тверже, длиннее и толще, прежде чем настал и его черед кончить.

Он весь обмяк, и голова его легла к ней на плечо. Несколько секунд они оба не могли отдышаться.

– Я слишком тяжелый для тебя. – Он был предельно из-

мотан.

– Ничего. – И ей действительно было все равно. Эта близость была слишком приятной, чтобы ее лишиться.

Он повернул голову, и она почувствовала легкий поцелуй на виске. Он был таким нежным, лишенным всякой сексуальной подоплеки, хотя их тела были соединены с предельно возможной интимностью, что она почувствовала слезы на глазах. Она заморгала, не желая дать им пролиться.

И тут взгляд ее упал на часы в углу. Она замерла и прижалась к Маркусу.

– Господи! Почти девять. Маркус! Дженни может в любую секунду войти сюда!

Даже осознавая всю неизбежную необходимость разъединения, она не могла не почувствовать, как восстало ее тело против того, чтобы Маркус вышел из нее. Он подскочил, на ходу подбирая одежду. Она последовала за ним и остановилась перед дверью ванной комнаты в коридоре.

– Ты иди сюда, а я воспользуюсь смежной со спальней.

Он кивнул. Выражение лица у него было отсутствующее.

– На этот раз нам не удастся вместе принимать душ.

Порозовев от смущения, навеянного воспоминаниями, она сказала:

– Не сегодня.

Она направилась в спальню.

– Ронни.

– Что?

– Секс – это тоже хорошо.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он протянул руку и обнял ее за шею, потирая большим пальцем нежную кожу под подбородком.

– Что наш брак будет страстным.

Она попыталась сделать строгое лицо, но ей это не удалось.

– Я не сказала, что выйду за тебя.

– Ты выйдешь. – С этими словами он отпустил ее и зашагал в ванную, захлопнув дверь прямо у нее перед носом.

Он и это спланировал? Он соблазнил ее специально, чтобы показать, чего она лишится, отказавшись за него выйти? Он должен понимать, что она никогда этого не забудет. Она помнила эти ощущения все восемнадцать месяцев жизни без него, и едва ли ее тело способно забыть о желании, которое он будил в нем, после того, что случилось сейчас. Она любила его.

Маркус вернулся в гостиную спустя десять минут с еще влажными после душа волосами. Не было видно ни Ронни, ни ее сестры. Гостиная выглядела как после торнадо. Если Дженни войдет сейчас, то Ронни будет стыдно.

Он не сомневался, что маленькая скромница тут же догадается, что беспорядок создан двумя взрослыми, только что страстно совокуплявшимися на полу.

Маркус принялся собирать разбросанные по полу игрушки и бросать их в зеленую пластиковую бельевую корзину,

уже наполовину полную. Он заметил на полу недовязанный плед и убрал его в корзину вместе с крючком, валявшимся под стулом.

Теперь комната выглядела куда лучше. И ему захотелось выпить кофе.

Первый раунд прошел неплохо. Теперь предстоял второй – знакомство с будущей невесткой. Маркус не сомневался, что мнение Дженни по вопросу брака ее сестры с ним повлияет на решение Ронни.

Он мог лишь надеяться, что желание Дженни вернуться в прежнюю школу окажется достаточно сильным, чтобы она сыграла на его стороне.

Маркус прошел на кухню и стал искать в буфете кофе. Он нашел его на полке над кофеваркой. Характерно для Ронни. Он как раз успел заварить кофе, когда услышал, как поворачивается ключ в замке.

Повернув голову, он увидел Дженни. Волосы у нее были того же цвета, что и у Ронни, но только коротко пострижены. Не следствие ли это лечения во Франции?

Дженни бросила рюкзак в коридоре и пошла на кухню. Она остановилась, увидев его возле включенной кофеварки. Карие глаза широко раскрылись. Она ожидала увидеть монстра? Впрочем, он не удивился бы.

Ронни должна как-то объяснить младшей сестре, почему не сказала ему об Эроне. Он мог только предполагать, какая роль ему отводилась в представлении этой юной особы.

– Привет, Дженни. Я Маркус.

Она посмотрела на него в упор, и глаза ее были слишком умными и осведомленными для семнадцатилетней девчонки.

– Это я поняла. Ронни не отличается обилием ухажеров, и за последнее время только один маячил на горизонте – тот самый людоед, которому она так боялась рассказать о сыне.

– Дженни!

И Маркус, и Дженни одновременно обернулись на голос. Ронни стояла в дверях гостиной с выражением досады и смущения на лице.

Он смотрел на Ронни, хотя отвечал Дженни:

– Я и есть людоед. Ронни поджала губы.

– Я не называла тебя людоедом. Ни разу.

– Нет, это я называла, – сказала Дженни довольно развязно.

Маркус поймал себя на том, что смеется. Он подмигнул Дженни.

– Имя Маркус мне нравится больше, но если тебе хочется дать мне прозвище, «людоед» меня вполне устроит.

Неожиданно Дженни улыбнулась:

– Я это запомню.

Он повернулся, чтобы налить себе кофе.

– Кто-нибудь еще хочет?

Ронни зашла на кухню и подала ему сахар и ложку.

– Нет, спасибо.

– Я бы выпила немного, но Вероника считает, что кофе мне вреден. – Дженни улыбнулась сестре. Ронни ответила ей улыбкой, и лицо ее стало таким беззащитно-нежным, что Маркусу захотелось уберечь ее от невзгод.

Ей пришлось пройти через ад, и он не мог позволить, чтобы она и дальше одна справлялась со всеми проблемами.

– Кофе тебе вреден, – сказал Маркус.

– Тогда почему вы его пьете? – спросила Дженни, надменно вскинув подбородок.

Маркус пожал плечами:

– Потому что я его люблю.

– Чашка кофе в день вылечивает астму, говорят. У вас астма? – спросила Дженни, весело поблескивая глазами.

– Нет.

– Очень плохо. Тогда получается, что вы грешите против своего здоровья.

Маркус насыпал сахар в кофе и размешал.

– Пожалуй.

Он глотнул горячую жидкость. Кофе был, наверное, из Пуэрто-Рико и пах божественно.

– Итак, что вы думаете по поводу Эрона? – спросила Дженни.

Вероника уронила ложку в раковину.

Она нарочно это сделала, маленькая негодница.

Он заставил себя проглотить добрый глоток обжигающего напитка и не поперхнуться, после чего развернулся к Джен-

ни всем корпусом и абсолютно честно ей ответил:

– Он просто восхитителен.

Шаловливая дерзость в лице Дженни сменилась серьезностью. Глаза у нее потеплели.

– Да, он чудесный малыш, даже если ночами не спит, когда у него зубы режутся.

Маркус прислонился спиной к кухонной стойке, скрестив ноги, и сделал еще один глоток. Дженни обошла стойку и села на табурет. Ронни не отходила от раковины, оттирая со столешницы несуществующее пятно.

– Итак, вы снова собираетесь быть вместе или как? – спросила Дженни с детской непосредственностью.

Ронни замерла и устремила на Маркуса тревожный взгляд, умоляя его глазами, но о чем? Может, она не хотела, чтобы он что-то говорил о своем предложении? Плохо. Он не собирался дальше играть роль очень плохого парня.

– Я бы хотел, – честно признался он. – Я попросил твою сестру выйти за меня замуж.

Ронни засмеялась:

– Да уж!

– Ты хочешь сказать, что он не просил тебя выйти за него? – с острым интересом к теме спросила у сестры Дженни.

– Да.

– Какого черта?! – взорвался Маркус, но Ронни его перебила:

– Ты не просил. Ты приказал мне выйти за тебя. Между этими вещами существует большая разница, даже если ты ее не видишь.

Черт! Может, из-за этого она заартачилась?

– День выдался трудный. Я был не в романтическом настроении, – несколько смущенно признался он.

Она, вероятно, подумала, что для неандертальца он делает крупные успехи.

– Ты серьезно? – спросила Дженни уже без всякой насмешки. – Людоед хочет на тебе жениться?

Ронни смотрела на него, словно говоря взглядом: «Смотри, какую кашу ты заварил», – но при этом утвердительно кивнула.

– Я думала, что он ни с кем не завязывает прочных отношений, – растерянно сказала Дженни.

На скулах его заиграли желваки.

– Твоя сестра не знает меня так хорошо, как ей кажется.

– Прости, но это не так, – сказала Ронни и шлепнула тряпку для посуды в раковину. – Ты сказал мне, что ты не хочешь никаких обязательств, что это всего лишь секс. Я ведь не ошиблась?

Дженни чуть не вскрикнула, услышав тираду сестры. Это было совсем на нее не похоже. Маркус не удивился. Когда Ронни разойдется, маска чопорного спокойствия начинает с нее сползать.

Он не мог отрицать ее слов. Он наговорил ей весь этот

вздор, в который тогда и сам верил. До Вероники у него никогда не было с женщинами ничего большего, чем просто секс, и его шокировало то, что маленький офисный робот мог зажечь в нем более глубокие чувства.

И вместо того чтобы попытаться объяснить необъяснимое, он сфокусировался на том, что может ухватить.

– Не думаю, что следует обсуждать нашу сексуальную жизнь с твоей младшей сестренкой.

– Почему? Я уже десять месяцев как живу с результатом этой вашей жизни, – саркастически заметила Дженни.

Ронни сжала кулаки, глаза ее стали растерянными. Она отвернулась. Маркусу страшно захотелось обнять ее, притянуть к себе и сказать, что все у нее будет хорошо.

Но он этого не сделал. Он нахмурился и посмотрел на Дженни:

– Я бы все отдал, чтобы разделить с тобой эту привилегию.

Она посмотрела на него с сочувствием:

– Понимаю. Я говорила Веронике: вы можете быть равнодушны к ней, но из этого не следует, что вы не хотите знать о вашем ребенке.

Дженни попала в самую точку. Даже если Вероника была уверена в его нежелании вступить с ней в серьезные отношения, у нее не было причин полагать, что он того же мнения относительно ребенка. Если ею что-то и двигало, так это страх, что он заберет у нее сына. Говорила ли она об этом Дженни? Едва ли.

Черт, он готов был поспорить, что она ничего не сказала Дженни о фиаско с «Хайпертоном» и о том, как ей удалось раздобыть денег на лечение Дженни во Франции. Это очень похоже на Ронни – скрывать грязную правду от сестры и нести весь груз в одиночку.

Он вылил остатки кофе из чашки в раковину и направился к двери. Ронни осталась на кухне в ледяном молчании, а Дженни оценивающе за ним наблюдала.

Он остановился в дверях и, переведя взгляд с одной на другую, сказал:

– Но все дело в том, что я хочу твою сестру.

Глава 18

– Что написано на этой чертовой бумажке? Эллисон скосила взгляд на листок бумаги в руках Джорджа.

– Это заявление об уходе. – Он держал просьбу Эллисон освободить ее от занимаемой должности не позднее чем через две недели, как только будет найдена подходящая замена.

Всю прошлую ночь она провела в размышлениях о том, что ее ждет, и пришла к выводу – присутствие Джорджа Клайна в ее будущем не предвидится. Она слишком себя уважала, чтобы стать сексуальной игрушкой в руках мужчины, даже такого, как Джордж Клайн, и, следовательно, должна уйти из его жизни.

– Ты не можешь уволиться из-за вчерашней дурацкой ссоры.

– Я не из-за этого ухожу. Он задумался.

– Тогда в чем дело?

– В уважении. В твоём уважении ко мне, которого нет, и в моем чувстве собственного достоинства. Продолжать работать на тебя я не стану.

Он подошел к столу Эллисон и рывком поднял ее со стула. Не грубо, но твердо.

– Я тебя не отпускаю.

Находиться с ним в столь опасной близости было для нее сродни самоубийству, но она подавила эмоции, как это дела-

ла всегда в офисе.

– Я понимаю, что поиски и прием на работу нового персонального помощника создадут тебе неудобства, но тут я ничего поделать не могу.

– И я, по-твоему, должен себе подготовить другую любовницу тоже? – язвительно поинтересовался он.

Она поморщилась:

– Да.

Клайн покачал головой:

– Этого не случится. Вы не уйдете от меня, леди. Ты мне принадлежишь, поняла?

– Трудовое соглашение – это не договор о рабстве. Я могу перейти на другую работу, если захочу.

Лицо его сделалось пепельным.

– Речь идет не о твоей работе, дорогая. Речь идет о нас. Он никогда не называл ее «дорогая» в офисе до этого.

Почему, чтобы сделать это, он должен был дожждаться сегодняшнего дня? Это могло бы случиться и раньше.

– Работа секретарши – это единственный аспект моей личности, который имеет для тебя значение. Ты вчера это доказал. Я не останусь, и тебе не уговорить меня изменить решение.

– Почему ты не отвечала на мои звонки вчера вечером?

– Я отключила телефон.

– И домофон тоже?

Она покачала головой. Горло сдавил спазм. Она не отве-

чала вчера на звонки, как сейчас не прореагировала на стук в дверь начальственного кабинета. А ведь Клайн явно ждал посетителя.

– Я обидел тебя вчера.

– Ты полагаешь? – Сарказм не был ее коньком, но иногда без него не обойтись.

– Я не хотел.

– Мне все равно.

Он опустил руки и отошел.

– Я никогда не подозревал тебя в шпионаже.

– Ты не говорил мне об этом.

– Я вел себя как болван.

Джордж признает свои ошибки? Невероятно.

– Это не важно.

Все, что у них было, закончилось.

– Важно, и еще как! Я не позволю тебе уйти из моей жизни. Заставить тебя работать на меня я не могу, но не махну рукой на все, что у нас было, и с этим тебе придется считаться, дорогая.

И затем он поцеловал ее. Прямотам, посреди приемной, где их любой мог увидеть. И это не был мимолетный поцелуй – он был долгим и чувственным.

Когда Клайн отступил, она покачнулась.

Он нежно подхватил ее и усадил на стул.

– Ты принадлежишь мне, и не смей об этом забывать. Он снова ее поцеловал, быстро и крепко, и вернул себя в ка-

бинет.

– Я все еще не могу поверить в это. Ты не сказала мне, что вы с Маркусом – пара. – Сэнди говорила все громче и раздраженнее. Они с Вероникой направлялись в кафетерий.

Вероника не отказалась бы от чашки крепкого кофе. Голова никак не хотела просыпаться. Как могла она работать хотя бы вполсилы, если первой ее мыслью при пробуждении было то, что Маркус ждет от нее ответа? Перспектива стать его женой, рассматриваемая с разных ракурсов, поглотила все ее интеллектуальные ресурсы?

Не мешало бы очнуться. И все же она почти пожалела, что пошла с Сэнди пить кофе. Общаться с Сэнди, когда та не в настроении, – гиблое дело. А Сэнди пребывала в весьма мрачном расположении духа.

– Ты хоть представляешь себе, что я почувствовала, когда он сказал мне, что вы встречаетесь? Как будто я пытаюсь отбить дружка у моей подруги! Мне было так неловко. – Сэнди несколько не казалась смущенной. Она выглядела взвинченной и злой.

– Тебе нечего стыдиться, – примирительно сказала Вероника, но в голосе ее помимо воли прозвучало раздражение.

Сэнди вовсе не нуждалась в очередной победе. Мужчин у нее было столько, сколько другим и не снилось.

– Ты не знала, что Маркус мной интересуется.

– Ты могла бы сказать мне. Я же спрашивала.

Вероника вспомнила о сообщении, которое в понедель-

ник утром оставила ей Сэнди, и почувствовала себя виноватой.

– Я не стала тебе перезванивать, потому что ты спросила, встречается ли он с кем-нибудь. Обо мне речь не шла.

Не слишком логичное объяснение.

– Ах, оставь, – махнула рукой Сэнди.

Ладно, она могла бы перезвонить Сэнди и сказать, что у них с Маркусом все серьезно. Увы, в тот момент Веронику волновали совсем другие проблемы. Она так запуталась в собственных вопросах и сомнениях, что обсуждать тему Маркуса с кем-либо, особенно с подругой, которая явно испытывала к нему интерес, у нее просто не было сил.

– Послушай, Сэнди, Маркус... Он...

– Что? Ты хочешь сказать, что интерес невзаимен? Если он тебе не нужен... – Сэнди оборвала фразу, но выражение ее лица мгновенно изменилось. Стало умильно-созерцательным.

Вероника во многом не была уверена, но одно знала точно: ей совсем не хотелось, чтобы ее соблазнительная подруга обхаживала мужчину, которого она, Вероника, любила. Настало время быть честной. По крайней мере с Сэнди.

– Он отец Эрона, и я думаю выйти за него замуж.

– Ты серьезно? – Сэнди перешла почти на визг. – Отец Эрона? Почему ты мне сразу не сказала? Теперь мне стало еще хуже.

Сэнди действительно почувствовала себя плохо, но у Ве-

роники и тени сомнений не было, что это вызвано не раскаянием в невольной попытке зацепить чужого парня. Веронике нравилась Сэнди, но она не была слепой и знала, что та не любит, когда ей мешают охотиться за приглянувшимся самцом.

– Я не сказала тебе, поскольку не считала это важным.

– Как ты можешь так говорить? – Теперь Сэнди была искренне озадачена. Злости не было.

– Я не знала, захочет ли он снова быть со мной. Считала, он меня ненавидит.

На самом деле Веронике казалось, что он ее презирает и надежды восстановить их отношения попросту нет. Да и восстанавливать-то было особенно нечего. Так она думала. Но, очевидно, заблуждалась.

Он хотел жениться на ней, и если она поверит, что этот брак обернется благом для нее и Эрона, она, вероятнее всего, ответит согласием.

– На него не похоже. Я помню, как он разговаривал в понедельник за ленчем.

Подруги вошли в кафетерий и сразу направились к бару с закусками и напитками.

– Что он сказал? – не удержавшись, спросила Вероника, взяв пластиковый поднос и поставив его на металлические направляющие.

– Я просто спросила его, не хочет ли он заглянуть ко мне домой на ужин. Он мне отказал. Ты меня знаешь, я так про-

сто не сдаюсь. – Сэнди лукаво улыбнулась. – Итак, я спросила, как насчет другого вечера, и он ответил, что пока он тут работает, будет занят. Тобой.

– Вот как? – У нее развивается паранойя, или все же важен тот факт, что он указал конкретный срок, а именно срок его пребывания в Сиэтле?

– Ты сказала, что, возможно, выйдешь за него замуж, – добавила Сэнди и поставила свой поднос рядом с подносом Вероники.

– Еще не решено. – Вероника положила на поднос салфетку и ложку. Она собиралась взять кофе и булочку.

– Но такая возможность есть? – не унималась Сэнди.

– Почти стопроцентная вероятность, – раздался голос Маркуса у Вероники за спиной, прежде чем она успела ответить.

Она так резко обернулась, что очки сползли на нос. Пришлось их поправить.

– Маркус, что ты тут делаешь? Он что, все слышал?

– Тебя ищу.

– А... – То ли недосып так плохо сказывался на ее умственных способностях, то ли она разговаривать разучилась.

Или один вид шести футов двух дюймов убийственно привлекательной мужской плоти расплавил ее мозг. При одном взгляде на него воспоминания вчерашнего вечера накатили с непреложной ясностью. Она почти ощутила себя распятой на полу, на ковре, среди разбросанной одежды. Ей страшно

захотелось сделать скандальную вещь – закинуть ему руки за шею и чмокнуть в губы.

Он, вероятно, и это спланировал. У него просто совести нет.

Маркус нахмурился. Интересно, что сейчас его раздражает?

– Итак, можно вас поздравить или еще нет? – спросила Сэнди, захлопав ресницами. Вероника решила, что флиртует она инстинктивно, не задумываясь о том, что делает.

– Может, Ронни и считает, что праздновать рано, но мы действительно поженимся. – Он улыбнулся, и Веронике показалось, что у нее задергался лицевой нерв.

Какой же он самоуверенный!

Она вытянулась во весь свой рост и сделала каменное лицо.

– Мы еще не решили. Я пока думаю. Помнишь? Вместо ответа он схватил ее поднос и поставил в стопку, а салфетку и ложку смял и бросил в мусор.

И одарил Сэнди победной улыбкой:

– Ты ведь не против, если я утащу Ронни на минутку? Сэнди улыбнулась:

– Конечно, не против, при условии, что мне дается право первой фишки на случай, если Вероника передумает выводить такого классного парня с рынка.

Вероника сжала зубы, с трудом подавив желание сказать Сэнди, что она думает по поводу отличных парней и охотниц

за отборными самцами.

Маркус зажег улыбку на тысячу мегаватт.

– Спасибо. Я позабочусь о том, чтобы она тебе позвонила первой. – Он протянул Ронни руку: – Пошли?

Ей хотелось послать его подальше, но она кивнула.

Сплетен будет больше, чем можно себе представить, после того, что она поведала Сэнди по дороге в буфет, не говоря уже о сцене в кафетерии, которую могли наблюдать все присутствующие. Не замечая его руки, она протиснулась мимо него и выскользнула из кафетерия.

Он нагнал ее двумя шагами.

– Ну, что скажешь? Поедем в кофе-хауз, тот, что в центре, возле залива?

Он сделал ей предложение, от которого она не могла отказаться.

Приняв ее молчание за знак согласия, он проводил ее к своей машине. Она позволила ему открыть для нее пассажирскую дверь и ни слова не сказала, когда он галантно помог ей сесть в «ягуар». Когда он наклонился, чтобы пристегнуть ее ремень, она подумала, что он всегда вел себя с ней на удивление галантно. Он заставлял ее испытывать благодарность к нему за заботу. С ним у нее рождалось ощущение, словно она на самом деле ему дорога. Опасное заблуждение. Решение надо принимать в здравом уме.

Он не сразу отстранился, после того как пристегнул ее ремень, и его запах окутал ее, и губы его были всего в несколь-

ких дюймах от ее губ.

– Ты такая хорошенькая, детка.

Она не нашла что сказать. Да и было ли это важно? Он избавил ее от необходимости подыскивать слова, закрыв ей рот поцелуем. Его поцелуй был краток, но имел разрушительные последствия.

– У тебя такие сладкие губы. – Он подмигнул ей, обошел машину и сел на водительское место.

Сладкие губы? Хорошенькая? У него есть глаза? Неужели он не видит, что в ней нет ничего особенного? Типичная серая курочка.

Но быстрый взгляд, что он метнул на нее, когда вставлял ключ в замок зажигания, напомнил ей, что он видел ее совсем иначе. Если она правильно поняла этот взгляд и явное напряжение во всем его теле, он находит ее чертовски привлекательной.

Внутри у нее разлилось тепло. Она поймала себя на том, что улыбается.

Он что-то пробормотал себе под нос, потом наклонился и поцеловал ее еще раз, на этот раз крепко, но быстро.

– Спасибо тебе.

За что? За то, что его поцеловала? Что пошла с ним, обойдясь без ссоры?

Он погладил ее по щеке.

– За то, что сказала Сэнди – я отец Эрона.

Вероника вздохнула.

– Я бы раньше ей сказала, но прежде должна была сообщить тебе.

– Могу понять твоё чувство неловкости, – сказал он с легкой усмешкой и улыбнулся ей ещё раз, прежде чем нажать на газ. – Я вчера позвонил Алексу. Он нас обоих поздравляет.

– С чем? – нахмурившись, спросила она.

– С тем, что у нас сын. Он хочет знать, когда мы поженимся. Я сказал, что как только тебя уговорю.

– Уже хорошо. Ты не стал говорить ему, что мы поженимся, словно меня об этом и спрашивать не надо.

– Ты хочешь, чтобы я извинился?

– Передо мной или перед Сэнди?

– Зачем мне просить прощения у барракуды? Я хочу извиниться перед тобой.

Он считал Сэнди барракудой?

– Почему?

– Потому что тебя явно бесит, когда я кому-то говорю, что мы поженимся.

– Не затрудняй себя извинениями. Ты всё равно будешь так поступать и дальше.

Он пожал плечами – очевидно, он с ней согласился – и тяжело вздохнул.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но я утащил тебя из «Клайн технолоджи» не затем, чтобы добиться от тебя решения выйти за меня замуж.

Она поморщилась:

– Нуда. По-твоему, тут и решать нечего. Костяшки пальцев у него побелели – с такой силой Маркус вцепился в руль. Он явно куда больше волнуется по поводу ее реакции на его предложение, чем хочет это показать.

– Давай сейчас об этом не будем. Отлично.

– Как скажешь.

– Так о чем ты хотел поговорить? – спросила Вероника, после того как они минут пять проехали в молчании.

– О расследовании. Я подумал, что раз ты знаешь подозреваемых, то могла бы дать им характеристики.

Она понимала, что, с его точки зрения, это разумно, но говорить о своих коллегах в этом ключе ей совсем не хотелось.

– Так кто же они, твои подозреваемые?

Маркус притормозил перед красным сигналом светофора.

– Твой босс, Джек. Сэнди тоже в списке. Инженер-конструктор по имени Кевин Коллинз и стажер Джерри Парке.

– Сэнди и Джек в списке? – Вероника о таком и подумывать не могла.

– Да.

– Но Сэнди – моя подруга.

Глупо. С Маркусом это не пройдет. Он не вычеркнет Сэнди только потому, что Вероника считает ее подругой. Он оставил даже имя Вероники в списке подозреваемых, несмотря на то что их с Маркусом можно считать в определенном смысле весьма близкими друзьями.

– Это не означает, что она не способна приторговывать закрытой информацией. Она вполне подходит по всем статьям на эту роль, и у нее есть доступ к утекающим сведениям.

– Что значит «подходит по всем статьям на эту роль»? – Голос Вероники выдавал напряжение.

Пожалуй, лучше бы они обсуждали тему брака.

– Она водит престижную машину, носит дорогую одежду и имеет контакты с несколькими компаниями-конкурентами. Вполне вероятно, что она по уши в долгах, как и почти все мы, американцы, но с тем же успехом она могла бы регулярно добавлять к своему жалованью инженера отдела маркетинга доход от постороннего приработка, а именно от шпионажа.

Какая фантастическая чушь! Но Вероника понимала, почему в глазах Маркуса Сэнди могла выглядеть подозрительно.

– Но именно Сэнди первой заговорила со мной о том, что у нас в компании, возможно, завелся шпион.

Маркус резко затормозил – на проезжую часть выскочила старушка с большим мешком мусора.

– Возможно, она тебя прощупывала. Хотела посмотреть, оценила ли ты важность для конкурентов той информации о компании, что появилась в прессе.

– Или она ни в чем не виновата.

Маркус терпеливо ждал, пока старушка перейдет улицу, и лишь после этого вновь тронулся с места, не обращая вни-

мания на раздраженные гудки тех, кто ехал следом.

– Возможно, – сказал он без убежденности. – А как насчет Джека?

Вероника не могла представить, чтобы ее начальник занимался продажей закрытой информации.

– Он настоящий командный игрок, Маркус. И он думает о будущем «Клайн технолоджи». Конструктивно думает. Едва ли он станет копать под фирму.

– Его неподдельный интерес к планам расширения «Клайн технолоджи» вполне может именно этим и объясняться. Но возможно и то, что таким образом он создает легальное прикрытие своей заинтересованности в вопросах, напрямую к нему не относящихся.

– Ты циник, – с укором сказала Вероника. Как раз в тот момент, когда Маркус заехал на стоянку перед рынком «Пайк-плейс».

– Клайн отваливает мне большие деньги не за то, чтобы я наивно хлопал глазами.

– Да уж.

Вероника вышла из машины и следом за Маркусом направилась к охраннику стоянки.

Маркус заплатил парню с косичками-дредами и в линялой футболке с изображением танцора, играющего на флейте, за два часа.

Расплатившись, он как бы невзначай взял Веронику за руку, переплетя пальцы, и повел ее к торговому центру. Она

хотела было воспротивиться такой вольности, но идти с ним за руку было приятно, к тому же не глупо настаивать на том, чтобы идти порознь, после того, что она позволила ему делать с собой вчера?

Она не отшатнулась, когда он взял ее за руку. Очень скоро она поймет, что нет смысла противиться и тогда, когда он снова заговорит о браке. Понимает она это или пока нет, но он был ей нужен и будет рядом с ней ради нее и их сына. Он не станет поступать, как его отец, который оставил его мать наедине с нездоровым любопытством соседей, с болью от осознания того, что мужчина, которого любишь, принадлежит другой женщине.

И еще она сказала Сэнди, что он, Маркус, отец Эрона. Ему это понравилось. Она публично заявила об этом и призналась, что рассматривает его предложение руки и сердца всерьез. В целом он узнал немало, бессовестно подслушав женщин.

– Итак, ты считаешь, что Сэнди слишком милая для шпионки, а Джек чересчур увлечен своим делом, – сказал Маркус, возвращаясь к прерванному разговору. Они как раз переходили улицу перед «Пайк-плейс».

Ронни не отвечала довольно долго, и Маркус уже подумал, что она и не собирается этого делать.

– Если рассматривать все под таким углом, то моя позиция адвоката выглядит малоубедительной. Я хочу сказать, что я тоже женщина милая, дорожила своей работой, была

верной и «Си-ай-эс» в целом, и Алексу лично, пока это не вошло в противоречие с моей любовью к сестре.

Его покорило, как она это сказала. Он не хотел от нее самоуничтожения. Он резко остановился, повернул ее к себе лицом и нежно погладил под подбородком.

– Послушай, Ронни. Ты сделала это, потому что считала – иного выхода нет. Твоя сестра вновь здорова, и это обстоятельство не стоит сбрасывать со счетов. Больше ты никогда не окажешься в такой ситуации. – Он об этом позаботится.

Теперь она была не одинока. У нее был он. Нужно внушить ей эту мысль.

Ее красивые серые глаза за черной оправой очков удивленно округлились.

– Ты меня прости?

– Тут и прощать нечего. Ты была права, когда сказала, что если бы Алексу удалось осуществить задуманное и он уничтожил бы «Хайпертон», то брак его оказался бы в серьезной опасности. Я не знаю, бросила бы его после этого Изабел или нет. Она женщина добрая. Однако уверен, что обиделась бы она на Алекса всерьез и ему долго пришлось бы искупать вину перед ней.

Ронни приоткрыла нежные губы и вздохнула:

– Ты прав. Трудно простить себя, когда ты обидел того, кого любишь.

Она его имела в виду? Только позавчера он готов был считать ее признание в любви недействительным. Она буквально

но убила его тем, что скрывала от него сам факт существования их ребенка. Однако Маркус был скорее человеком рас-судочного типа и, проведя бессонную ночь в размышлениях, почти понял ее мотивы.

Все это время она пребывала в страхе. Боялась лишиться сестры, единственной родной души, оставшейся у нее после смерти родителей. Опасалась потерять сына: вдруг его отец из чувства мести лишит ее ребенка? Из-за того, что он, Маркус, так рьяно поддерживал планы своего босса уничтожить человека, который, по мнению Алекса, был виновен в смерти его отца, Ронни вполне могла заключить, что имеет дело с личностью гипертрофированно мстительной и жестокой. Неудивительно, что она не рискнула сообщить Маркусу о своей беременности. Едва ли она ожидала, что эта новость его обрадует.

Маркусу все еще было очень обидно, что она никогда ему не доверяла, но он не допустит, чтобы это чувство встало между ними и помешало наладить хорошие отношения.

Они проходили мимо цветочного киоска. Пожилая китайка собирала цветы в большие букеты. Такие красивые, просто заглядение. Он остановился и притянул к себе Ронни.

Она прикоснулась к белой лилии в центре особенно привлекательного букета.

– Просто чудо, – сказала она улыбающейся цветочнице.

– Всего пятнадцать долларов, мисси. Вам его домой доставят.

Ронни с сожалением отступила. У Маркуса заняло сердце. Сколько раз ей вот так приходилось качать головой, когда она видела что-то красивое, потому что денег хватало лишь на то, чтобы свести концы с концами, купить самое необходимое для Дженни, а потом еще и для Эрона.

Маркус засунул руку в карман и достал двадцатку.

– Я беру его.

Пожилая цветочница понимающе улыбнулась:

– Вы его для мисси берете, верно?

– Да.

– Тебе не надо...

Маркус не дал Ронни договорить:

– Мне не надо, но хочется.

Продавщица обернула стебли мокрой газетой и поверх нее закрепила с помощью упаковочной ленты пластиковый пакет.

– Не обижайте старушку, возьмите цветы, – сказала она Ронни, которая смотрела на все это так, словно не хотела брать подарок.

Ронни взяла букет и обернулась к Маркусу со счастливой улыбкой:

– Спасибо тебе.

– Всегда пожалуйста. – Он произнес эту фразу несколько сдавленным голосом, но что тут удивительного?

Эта улыбка опьянила его. Полувозбужденное состояние, в котором он перманентно пребывал в обществе Ронни, вдруг

превратилось в близкое к критическому. Хорошо еще, что рубаха у него болталась почти до колен, скрывая очевидное свидетельство его возбуждения.

Они пошли прочь от прилавков со свежей рыбой, спасаясь от специфического рыбного запаха.

– Смотри, тут кофе продается, – сказала Ронни, указав букетом в сторону маленького ресторанчика на первом этаже.

Он позволил ей затащить его внутрь. Они заказали кофе и булочки и сели за столик с видом на море. Никого, кроме них, в кафе не было. Ронни положила цветы на свободный стул. Принесли кофе. Ронни сделала глоток дымящегося напитка. Глядя, как ее дразнящие губы складываются в подобие поцелуя, прикасаясь к чашке, Маркус едва не заерзал на стуле.

– Ну а как насчет инженера-конструктора? – спросил он, чтобы отвлечься.

– Ты о Кевине Коллинзе? – спросила она, отломив кусочек от теплой булочки.

– Да. За последние пять лет он успел поработать в четырех разных компаниях, производящих электронику.

Ронни положила кусочек булочки в рот и начала задумчиво жевать.

– Я не знаю. Он тихий. У него всегда серьезный вид, и он очень хорошо умеет предсказать, что пойдет не так в проекте. Но я знаю о нем только это и больше ничего.

Маркус кивнул и отхлебнул свой эспрессо. Кофе обжег

ему горло.

– Как насчет интерна? Джерри Парке, так, кажется, его зовут.

Ронни улыбнулась:

– Он милый.

– В каком смысле? – Маркус даже приподнялся с места, на миг забыв о расследовании.

Ему пришелся не по нраву мечтательный взгляд, появившийся у Ронни, когда он заговорил о Парксе. Она заправила прядь за ухо и снова улыбнулась. У Маркуса возникло острое желание заехать этому интерну по физиономии.

– Не знаю. Он очень услужлив и делает мне комплименты. Пытается флиртовать, но так застенчив, что выглядит как ребенок, впервые оседлавший велосипед.

– Ты хочешь сказать, что он неумелый? И снова эта рассеянная улыбка.

– Да, но его стеснительность так мила...

Маркус был готов тут же вызвать интерна на дуэль. Черт возьми, нельзя быть таким собственником. Рановато.

– Я помню себя в колледже. Всем им одно надо, детка. Ее точенные брови взмыли вверх.

– А ты не такой?

– Я хочу от тебя куда большего, чем просто секс. – Он хотел все и сразу. – И этот интерн слишком для тебя молод.

Она рассмеялась:

– Ты ревнуешь.

Он зло на нее уставился, даже не думая отрицать очевидное.

– Если и так, то что?

А она чего ждала? Она только что ему сообщила, что какой-то студент с ней заигрывает. Конечно, Ронни не упадет в объятия первого встречного, но его задело, что еще один самец считает, будто территория свободна для захвата.

– А ты восприняла перспективу нашего тесного с Сэнди общения с абсолютной безмятежностью?

Она нахмурилась при напоминании о проявлении ревности в тот день, когда Сэнди при ней, на ее, Вероникиной, территории, буквально навязалась сопровождать Маркуса на ленч с Джеком.

– Я знаю Сэнди с первого дня моей работы в «Клайн технолоджи». Она очень настойчива в том, что касается противоположного пола.

– Она барракуда. – Сэнди, очевидно, никогда не слышала о типично женских приемах отказов и уверток, заставляющих мужчину серьезно побороться за свою добычу.

– Чтобы знать предмет, его надо изучить, – сказала она и послала ему через стол совсем не свойственный ей откровенный воздушный поцелуй.

Он был готов сгрести ее в охапку и превратить воздушный поцелуй в настоящий.

– Я барракуда раскаявшаяся. Я больше не охочусь за всеми рыбами подряд, я хочу только тебя.

Джордж названивал Эллисон по домофону, не зная, станет ли она отвечать. Несмотря на то что его поцелуй в офисе не остался без ответа, все остальное рабочее время она держалась от него на расстоянии.

Может, он заслужил такое отношение? Он вел себя как надменный сукин сын. Она была права на все сто, когда на него разозлилась.

Его удивляло, что она так долго мирилась с его трусливой позицией. Он боялся слишком сильных чувств, а расплачиваться за это пришлось ей. Она долго мирилась с тем, что в его жизни ей определялось место где-то на голубятне. Конечно, тут ему гордиться нечем. Но позволить ей уйти он просто не мог – слишком уж было больно, – даже если ее уход всего лишь воздал бы ему по заслугам.

– Слушаю. – Это ее голос.

– Открой, дорогая, это я.

– Сегодня я не настроена принимать гостей, мистер Клайн.

Мистер Клайн? Черта с два! Злость и страх образовали взрывоопасную смесь. Внутреннее давление нарастало, он и впрямь был готов взорваться в любую секунду. Но нет, он достаточно пожил на свете, чтобы не идти на поводу у эмоций. Он не станет вести себя как последний идиот и в этот раз. Он ее обидел, ему и исправлять ситуацию.

– Я виноват, Эллисон. Пожалуйста, позволь мне зайти и давай поговорим. – Предстоял трудный разговор. Он не лю-

бил извиняться, но придется. Если не хочет ее лишиться.

Ответом ему было молчание.

Он наступил на горло собственной гордости и повторил:

– Пожалуйста.

Он слышал, как она вздохнула.

– Нам вообще-то не о чем говорить.

– Между нами существуют определенные отношения, надо их прояснить.

– Наши отношения, как ты их называешь, себя исчерпали.

– Не согласен.

Молодой человек, на вид довольно нахальный (такой, как в его годы был и сам Джордж), подошел к двери, чтобы позвонить по домофону, и Джордж отступил, пропуская его вперед. Ему не хотелось делиться сокровенным перед незнакомцем. Но он не зашел следом за парнем в подъезд, когда открылась дверь.

Пусть Эллисон сама захочет с ним поговорить, и да поможет ему Бог, если она не пожелает этого.

Он снова набрал код.

– Джордж? Я думала, ты ушел.

– Мне пришлось пропустить кое-кого вперед, и ему открыли.

– И ты не вошел следом за этим кем-то? – спросила она, словно громом пораженная.

– Я уже и так наломал дров. Больше не хочу вести себя как самонадеянный осел. Тыпустишь меня, чтобы поговорить,

дорогая?

Она не ответила, и пока дверь не отворилась с характерным гудением, он успел основательно вспотеть. Джордж тут же решительно зашел внутрь. Он взбежал на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки, и мозг его работал так же лихорадочно, как и его ноги, прокручивая все то, что ему предстоит ей сказать.

Она открыла дверь квартиры с первого стука, но он не принял этот жест как сигнал особого желания с ним пообщаться. Достаточно было увидеть ее взгляд. Так встречают налогового инспектора. Глаза ее покраснели, но были сухими. На щеках следов слез тоже не видно.

Но ему она казалась такой хорошенькой, что при одном взгляде на нее у него все внутри заныло от желания.

Она отступила на шаг, давая ему пройти, но он остановился перед ней.

– Ты такая красивая.

– Я ужасно выгляжу. – Она нахмурилась, будто сомневалась, в своем ли он уме.

– Для меня ты всегда изумительная. Каждый раз, когда я на тебя смотрю, возникает ощущение, будто мне дозволено созерцать Мону Лизу без свидетелей.

Она недоверчиво усмехнулась:

– Но только не в офисе. Там ты смотришь на меня как на мебель.

– Если бы я смотрел на тебя по-другому, то не смог бы

удержаться и занимался бы с тобой любовью на каждом из предметов интерьера, включая мебель и пол в пределах досягаемости.

– Секс, – безнадежно вздохнув, заключила она и отвернулась.

Он протянул к ней руки, чтобы не дать ей ускользнуть, и покачал головой:

– Никогда это не было просто сексом. Ты неотъемлемая часть моей жизни, Эллисон.

– Я очень работоспособная секретарша, которой довелось быть неплохой компаньонкой и в постели тоже. Но это не делает меня незаменимой, а лишь весьма удобной.

Ему не понравились эти нотки самоуничужения в ее голосе, и эта боль тоже. И в том, и в другом была его вина. Он только не знал, что сказать. Особенно когда она смотрела на него так, словно скорее бы съела таракана, чем позволила ему к ней прикоснуться.

Но в одном он был уверен. Она продолжала хотеть его как женщина. Иначе она не стала бы отвечать на его поцелуи там, в офисе, особенно после того, как подала заявление об уходе. И это давало ему стратегический перевес.

Он готов был воспользоваться любой возможностью, лишь бы удержать ее возле себя. Он мог бы сделать так, чтобы она забеременела. Его конкуренты не дали бы ему прозвище Безжалостный за то, что у него покладистый нрав и он готов отпустить на все четыре стороны того, кого хотел.

Он тесно прижал ее к себе и одарил обжигающим поцелуем, и хотя тело ее оставалось напряженным, она с ним не боролась. Он поцеловал ее со всей страстной настойчивостью, которой владел в совершенстве, и за этим поцелуем стоял весь набор усвоенных им знаний о том, как вызвать у женщины страстный отклик. И это сработало. Она расслабилась наконец, и губы ее стали мягкими и нежными.

– Нам надо поговорить.

Она наклонила голову. Смотреть ему в глаза она не хотела.

– Ладно.

– Брось стыдиться того невероятного, что происходит между нами.

Она покачала головой и повела его в жилую комнату, ту самую, что всегда дарила ему ощущение тепла и уюта.

Она направилась к креслу, но он опередил ее и затащил к себе на колени, не дав ускользнуть. Взял за руку и сжал ее пальцы. Он должен был чем-то занять руки, не то раздел бы ее прямо сейчас, а потом бросился на нее и стал бы любить так, чтобы она закричала в беспамятстве.

Но к этой тактике прибегать было рано. Вначале надо поговорить.

– Посмотри на меня. Пожалуйста. – За сегодняшний день он произносил это слово чаще, чем за тридцать воскресений.

Она тревожно и с опаской вскинула голову. Он поднял руку и накрыл ладонью ее щеку.

– Ты для меня значишь куда больше, чем просто женское тело или ценный личный помощник.

В ее взгляде мелькнуло мучительное недоверие, и он возненавидел себя за то, что с ней сделал.

– Это так, – настойчиво сказал он. – Ты женщина, заставившая меня поверить, что есть что-то более ценное, чем мой бизнес. То, ради чего стоит жить.

– У тебя есть дети.

– Когда умерла Элли, я дистанцировался от всего на свете, включая детей. Я сказал себе, что они выросли и у них своя жизнь. Никто из них не жил поблизости, и если бы не ты, я окончательно разорвал бы с ними отношения. Ты помогла мне увидеть, что моим детям нелегко, они скорбят о смерти матери и надо им дать понять, как они важны для меня – гораздо больше, чем «Клайн технолоджи». Я люблю их, Эллисон, а ты уберегла меня от того, чтобы я нанес им еще большую травму, чем смерть матери. Ты мне необходима – это абсолютно очевидно.

– Ты меня не любишь.

– Да, я не хотел этого, но я тебя люблю.

Она смотрела на него во все глаза. Почему его признание так удивило ее? После всего, что между ними было, она и сама могла бы догадаться. В этом есть и его вина. Он хорошо потрудился, убеждая себя, а заодно и ее, в том, что их отношения занимают в его жизни довольно скромное место. Но ведь только ради них и стоило жить.

– Что? – растерянно переспросила она.

– Когда Элли умерла, мне было невыносимо больно, – признался он. Джордж Клайн не любил говорить о своих чувствах и мог лишь надеяться, что она не потребует от него исповеди каждую вторую субботу месяца. – Я пообещал себе, что больше не допущу такой муки. А для этого все личное надо искоренить. Единственное, что не потеряло для меня смысла, – это мое дело, моя компания. Я начал отталкивать от себя детей. Но тут появилась ты и стала напоминать мне о важных датах...

– Я хорошая секретарша.

– Ты гораздо больше, чем секретарша. Ты женщина, которая понимает, как важно ощущать себя частью семьи. И я, и мои дети тебе обязаны тем, что мы все еще можем называть себя одной семьей.

– Ты бы и сам к этому пришел.

– Не уверен. Когда что-нибудь засядет у меня в голове, я становлюсь чертовски упрямым.

Эллисон опустила глаза. Она сидела у Джорджа на коленях, хотя даже не собиралась впускать его в свою квартиру, а потому не могла не признать в нем человека настойчивого.

– Про это твое качество я и так уже знаю.

– Тогда ты должна понимать и то, что я тебя не отпущу.

– Ты не можешь меня удержать, если я не захочу.

– Мне остается лишь молиться. Хочется верить, что я не все успел разрушить, что было между нами.

– Между нами – это между кем? Твои дети несколько раз приезжали к тебе, с тех пор как я пришла работать в компанию, и раза три или четыре – уже когда мы стали любовниками, ноты никогда не высказывал желания им меня представить.

– Я был эгоистом. Я хотел, чтобы ты принадлежала только мне. Но я тогда не понимал, как тебя этим обижал...

– Ты хотел держать меня в рамках, – сказала она чуть хрипло, и глаза ее влажно заблестели. – К той, самой главной, части твоей жизни я не имела отношения.

– Черт возьми! Ты и есть часть моей жизни. Ты и дети. Она покачала головой, и слезы потекли из глаз.

– Пожалуйста, не плачь, дорогая.

– Не могу удержаться. Теперь можно говорить что угодно, но прошлого не изменить.

Сейчас делу могла помочь только абсолютная честность.

– Ладно. Ты права. Я действительно пытался удержать тебя в заданных рамках, оставить в неприкосновенности сердце, но у меня ничего не вышло. Я люблю тебя, Эллисон, и если ты меня бросишь, то причинишь мне еще больше страданий, чем смерть Элли.

– Я не верю тебе.

– Я знаю, о чем говорю. Я сделаю все, чтобы тебя удержать. Стоит тебе лишь сказать, чего ты хочешь, и ты это получишь.

– Все, что я от тебя хотела и хочу – это стать частью всей

твоей жизни, без купюр. Быть с тобой всегда, а не только во рабочие часы в офисе и в постели украдкой.

– Мне и самому это надо, дорогая. Ты дашь мне еще один шанс? Ты готова познакомиться с моими детьми, разделить со мной мои тайны? Клянусь, я впредь не стану от тебя ничего скрывать – вроде этого расследования. Я никогда тебя не подозревал. И мне очень нужно, чтобы ты мне поверила.

Она кивнула – слезы текли по щекам.

– Позволишь ли ты мне искупить свою вину перед тобой? И снова она коротко кивнула, всхлипнула и отвернулась.

Ладонь его скользнула по ее ключице и дальше вниз, накрыла грудь.

– Мы больше не будем держаться отчужденно на работе. Я больше так не могу. После того как я понял, что чувствую по отношению к тебе, продолжать вести себя так, словно мы чужие, невозможно.

– Это уже не имеет значения. Я подала заявление об уходе, – пробормотала она, уткнувшись ему в шею.

– Я не хочу, чтобы ты уходила. – При одной мысли о том, что он придет на работу, а там не будет Эллисон, его кинуло в холодный пот. – Но если ты уволишься, что ж, ничего не поделаешь. Только не оставляй меня. Пожалуйста, Эллисон.

– Я не хочу ни уходить от тебя, ни увольняться из «Клайн технолоджи». Но я не вынесу, если ты будешь обращаться со мной как с мебелью или даже как с секретаршей.

– Обещаю, что не буду.

Она подняла голову и с улыбкой посмотрела ему в глаза:
– О, Джордж! Я тоже тебя люблю.

Затем она поцеловала его, и та узда, в которой он держал себя все это время, внезапно лопнула.

Несколько часов спустя он прижимал ее, спящую, к себе и благодарил Бога за то, что наделил эту женщину добротой и способностью прощать.

Глава 19

Вероника пыталась сосредоточиться на составлении доклада для Джека, но мысль все время соскальзывала в мутные воды ее личной жизни. Удерживать слова Маркуса в подсознании было ей не по силам.

«Я хочу только тебя». Эти слова повторялись рефреном, складывались в сладчайшую из мелодий.

Мистер Ни-уз-ни-обязательств хотел ее, и только ее одну. До конца жизни.

Брак.

Как-то все это не вязалось с логикой поступков человека, который заманил ее в постель только в интересах расследования. Он обвинил ее в том, что она ему не доверяет и никогда не доверяла. И он прав.

Она не верила еще во времена болезни Дженни, что ему нужно от нее что-то, помимо секса.

Но по справедливости он должен хотя бы отчасти взять на себя ответственность за ее недоверие к нему. В конце концов, он сам сказал, что хочет только секса. Но теперь получается, что он и тогда думал дать их отношениям какую-то прочную базу. Задолго до появления Эрона.

Могла ли она ему поверить?

Если не считать легенды-маскировки о работе консультанта, он всегда был с ней честен. Так откуда ее убежден-

ность, что сейчас он ей лжет?

Что, если все им сказанное – правда? Если он действительно хотел ее ради нее самой? Уже тогда, полтора года назад? Если совсем не для успеха расследования он попытался прояснить отношения с ней? Вдруг он действительно меньше всего хотел, чтобы шпионкой оказалась она, Вероника?

Вероника постаралась подойти к ситуации беспристрастно. Сопоставив поступки Маркуса с его же словами, она пришла к неожиданному и радостному открытию. Сердце вспорхнуло как птица. Если бы он действительно был уверен в ее виновности, он не стал бы проводить расследование в отношении других людей, но ведь в его списке была не она одна! Он немедленно рассказал бы мистеру Клайну о ее прошлом, и Веронику уволили бы в тот же день. Но он этого не сделал.

Итак, если он спал с ней не затем, чтобы выудить признание, значит, он лег с ней в постель, потому что она ему нужна. Нуждаться в ком-то – это еще не любить, но испытывать потребность в другом человеке все равно значит больше, чем просто влечение. За полтора года он нашел бы, с кем его удовлетворить. И, зачем далеко ходить, он мог бы при желании переспать с Сэнди. Но он этого не захотел.

Куда ни глянь, его поступки говорили о более глубоких чувствах к ней, чем она могла представить в самых радужных снах. Так почему она не увидела этого отношения к себе, не провела раньше тот же анализ? В этом была ее ошибка.

Маркус никогда не называл ее серой мышкой. Это она сама себя считала такой.

Он-то как раз вел себя так, словно женщины сексуальнее, чем она, и на свете не было. Но она никогда не брала в расчет это его отношение. Почему?

Он мог бы иметь любую женщину, но он хотел ее.

Но ведь он ее не любил, так ведь?

Возможно, Маркус, глубоко травмированный в детстве, отказывался признавать свою любовь к женщине, подобно тому как она не смела поверить, что стала предметом страсти красивого мужчины? Вдруг он ее любит, сам того не сознавая?

Подобное допущение было весьма спорным, но с учетом того, что сделали родители Маркуса именем любви, можно понять, отчего Маркус не торопился называть то чувство, что испытывал к ней, сокровенным словом.

Любовь подразумевает не одну лишь боль и жертвенность. Это еще и радость заботиться друг о друге, познавать любимого, счастье единения душ.

И кто может стать ему лучшим учителем, чем та женщина, что любит его до безумия?

Веронике определенно не хотелось, чтобы первый инструктаж в этом вопросе он получил от одной из сексуальных блондинок, на которых она успела насмотреться за время их с Маркусом совместной работы в Портленде.

Брак давал им целую жизнь для постижения базовых по-

нятий любви. А жизнь свою она с великой радостью разделит с ним.

Почему это решение не давалось ей так долго? Ведь будущее без него представлялось совершенно безрадостным.

Отложив в сторону доклад, Вероника встала. Она пойдет и скажет ему обо всем, а затем, возможно, сможет сосредоточиться на работе.

Телефон зазвонил в тот момент, когда она была уже в дверях.

Несколько раздосадованная, Вероника взяла трубку.

– Мисс Ричардс, это Эллисон. Мистер Клайн желает видеть вас у себя в кабинете немедленно.

Придется отложить разговор с Маркусом.

Не успела Вероника выйти из лифта на верхнем этаже здания, как ее любезно проводили в кабинет мистера Клайна. Вероника невольно сравнивала этот свой визит с предыдущим. И тот факт, что она оказалась вовлеченной в корпоративное расследование, причем числилась в списке подозреваемых в шпионаже, не мог не оказывать на нее влияния.

Мистер Клайн встретил ее без улыбки. Он даже не встал с кресла, не предложил ей сесть.

Глядя на нее своими прозрачными, ничего не выражающими зелеными глазами, он процедил:

– Мисс Ричардс, мне стала известна весьма неприятная информация, касающаяся вашего прошлого.

Мисс Ричардс? А почему не Вероника? И тут до нее до-

шел смысл всего остального.

– Мое прошлое? – спросила она еле слышно.

– Да. До меня дошли сведения о том, что вы уволились из «Си-ай-эс» при туманных, я бы даже сказал, довольно скандальных обстоятельствах. Короче, говорят, что вы продали секретную информацию о той компании, на которую работали, руководству «Хайпертона».

Вероника враз смертельно побледнела. Теперь главное было – не грохнуться в обморок прямо в кабинете босса.

– Я...

Что тут скажешь? Она не могла ничего возразить. Лгать она не хотела и не могла – она дала себе слово больше не терзать собственную совесть.

Цена была слишком высока.

– Как вы об этом узнали? – спросила она. Клайн стал еще мрачнее.

– То есть вы хотите сказать, что это правда?

– Да, – еле слышно пробормотала она.

Если бы только она могла произнести это «да» громко, с гордо поднятой головой. Но только не умела она гордиться тем, что побывала в шпионках.

– Я уверен, что вы поймете меня. У меня нет иного выхода, кроме как прервать ваш договор с «Клайн технолоджи». Если вы обещаете уйти, не поднимая шума, мы дадим вам возможность уволиться, сохранив за собой право на весь социальный пакет.

А что, если она все же поднимет шум? Тогда он прогонит ее без выходного пособия? Но стоило лишь взглянуть на него, как ответ пришел сам собой. Прогонит и глазом не моргнет.

– Я действительно хочу знать, кто вам об этом сказал.

– Я не имею права назвать вам имя.

Вот так. Но разве и без того непонятно? Маркус и Алекс – только они на всей планете знали об этом. И Вероника не могла представить, что Алекс вдруг взял да и позвонил Клайну, чтобы рассказать о содеянном ею.

Вероника уже направилась было к выходу, но вдруг замерла и вновь повернулась к Клайну:

– Я не шпионка, мистер Клайн. Если вы по ошибке поверите в это, вы подвергнете свою компанию еще большему риску.

– Разумеется, я поставлю приглашенного специалиста по корпоративным расследованиям в известность, что вы отрицаете свое участие в теперешней утечке информации.

– Вы уволили Ронни? – Маркус повысил голос. Он никак не мог поверить в то, о чем ему только что сообщил Джордж Клайн. – Какого черта вы так поступили?

Клайн глубоко вздохнул.

– Я знаю, что это довольно безжалостный ход, но раз она призналась в том, что продавала корпоративные секреты, я не мог держать ее у себя.

Маркус вскочил с места и, перегнувшись через стол, опер-

ся ладонями о стеклянную столешницу.

– Хватит пудрить мне мозги. Вы хотите, чтобы наш шпион успокоился и поверил, что вы его не подозреваете.

Клайн не стал вскакивать с места. Он спокойно встретил яростный взгляд приглашенного Маркуса.

– Да, черт возьми. Я хочу внушить ему, что он в безопасности. Я не желаю, чтобы он сбежал до того, как мы соберем веские улики, которые имели бы цену в суде. Я уничтожу этого ублюдка.

– И ради этого вы принесли в жертву невинного работника.

– Не такая уж она невинная. Она подтвердила, что продавала секретные сведения.

Маркус стремительно развернулся в кресле.

– Это случилось всего один раз, черт возьми! Ей были нужны деньги, чтобы спасти жизнь сестры.

– Вы хотите сказать, что она не могла раздобыть деньги иным путем?

– Она думала, что не может. – В данный момент только это имело значение.

– Я не даю работу корпоративным шпионам, бывшим или действующим.

Маркус снова повернулся к Клайну. Он был готов защищать Ронни до последнего, он бы дорого дал за то, чтобы заставить Клайна пожалеть о своем поступке.

– Расследование здесь веду я. Вам надо было сначала со

мною поговорить.

Клайн рассмеялся, и Маркус был поражен произошедшей в нем переменой. Глаза Клайна излучали дружелюбие.

– Ты напоминаешь мне ковбоя из старого вестерна. Те тоже не признавали ничьих авторитетов, в том числе и тех, кто нанимал их на службу.

– Я не пытаюсь умалить ваш авторитет. Клайн улыбался.

– Это инстинкт. Я понял это буквально с первого момента, как тебя увидел. Ты, вероятно, считал оправданным свое нежелание сообщать мне о прошлом Вероники.

– Я бы рассказал вам, если бы этот факт стал существенным фактором в расследовании.

– Другими словами, ты бы сказал, если бы посчитал нужным. А я-то думал, что только ФБР так работает.

Маркус поймал себя на том, что невольно улыбнулся, и сел. Клайн был прав. Маркус и сам знал за собой эту черту – поступать так, как считал нужным, и доверять только собственной интуиции. Впрочем, эти качества делали его неплохим работником в своей области.

– Я пытался помочь ей сохранить работу. За последние два года ей чертовски много пришлось пережить.

Клайн вздохнул. По его опущенным плечам было видно, что он сожалеет о том, что так поступил со своей сотрудницей.

– Я знаю. Родители ее погибли, оставив на ее попечении младшую сестру, а теперь у нее еще и ребенок.

– Откуда, черт возьми, вам все это известно? – Клайн сам как-то сказал Маркусу, что у него нет времени читать личные дела сотрудников.

– Я прочел ее личное дело, после того как Джек Брансон пришел ко мне со своей озабоченностью.

Вот ублюдок! Маркус готов был согласиться с Клайном по крайней мере в одном вопросе: он тоже хотел прижать Джека к стенке, после того, разумеется, как ему будет дан шанс совершить ошибку.

– И еще я поговорил о ней с Эллисон. – Клайн пристально посмотрел на Маркуса. – Эллисон на удивление хорошо знает все местные сплетни.

– И что? – Что же могла личная помощница Клайна пове­дать ему о Ронни?

– Да ничего особенного. Можете представить мой шок, когда она сообщила мне, что услышала от одной из сослужив­ниц: ребенок Вероники был зачат приглашенным мною горя­чим парнем и этот мой консультант сделал ей предложение.

Сэнди ни минуты не теряла, разнося по фирме свежие но­вости. Интересно, как она это сделала: разослала каждому по электронному сообщению?

– Ронни еще не решила.

– Ну, тогда я оказал тебе услугу, разве нет? Не имея ра­боты в Сиэтле, она быстрее придет к верному решению.

Клайн был прав, но только Маркусу от этого было не лег­че. Он не хотел ставить Ронни в безвыходное положение. У

нее должен быть выбор. Каким будет их брак, если выйти за него ее вынудят обстоятельства?

– Не пытайтесь оправдать ваше беспардонное обращение с преданной вам, исполнительной и трудолюбивой служащей.

Клайн снова засмеялся.

– У тебя есть свой кодекс чести, да? О чем это он?

– Какой кодекс?

– Ну, такой, который был принят на старом добром Западе. Не просто жить по законам, которые спускаются сверху, но и собственные правила поведения чтить. Ты, может, полагаешь, что несправедливо пользоваться финансовой беспомощностью женщины для решения насущных задач?

– А вы так не считаете? Клайн пожал плечами:

– Черт, я не знаю. Но если все делается для ее же блага, то не все ли равно, какими методами этого добиваешься?

Маркус не стал вступать в дискуссию о цели и средствах, которые ее оправдывают или нет. Если бы речь шла о любой другой женщине, кроме Ронни, он, пожалуй, согласился бы с Клайном. Не важно, каким образом заставить мать своего ребенка выйти за тебя замуж. Главное, что она – мать твоего ребенка. Но если женщину любишь, то получить ее согласие любой ценой не значит чего-то добиться.

Любишь?

Да, черт возьми! А что же еще, если не любовь, он питает к ней уже почти два года?

Ронни нужна ему больше, чем любимая работа, чем привычный образ жизни, чем друзья, включая Алекса.

Только любовью можно объяснить непреодолимое желание соединить судьбу с женщиной, которая однажды его бросила и причинила ему больше мук, чем кто-либо другой, не считая родителей.

Одно ясно – он не станет использовать эту ситуацию, чтобы заставить ее выйти за него замуж.

– Когда Джек поделился с вами информацией о Ронни?

– Сегодня утром.

– А он откуда узнал?

Маркусу было известно, что от сотрудников «Си-ай-эс» он таких сведений получить не мог. Оставался «Хайпертон» – та компания, куда Ронни продала секреты. Но, откровенно говоря, Маркус не видел, в чем смысл парням из «Хайпертона» разглашать подобное. Таким образом они ставили под удар собственную репутацию.

– Он сказал, что ему об этом поведал старый друг из Портленда. Он работал там на одной компьютерной фирме, перед тем как прийти на работу ко мне.

Маркус в это не поверил, но он должен был подождать, пока они с Клайном не соберут достаточно улик против Джека. И лишь потом можно будет выколотить из него сведения о том, кто сдал ему Ронни.

– Послушай, Маркус. То, что я узнал сегодня, дальше никуда не пойдет. Я даже Эллисон ничего не сказал. Она ду-

мает, что Вероника увольняется, потому что переезжает в Портленд. Я также наказал Джеку не разглашать эту информацию, поскольку сам по себе факт, что на нас работал человек с запятнанной репутацией, плохо отразится на имидже компании. – Клайн хищно усмехнулся. – Так что тебе только остается сострять против него дело.

– Я уже над этим работаю. Я установил на его компьютере программу слежения, так что все IP-адреса входящих и отправленных сообщений стекаются ко мне. Я дал задание и службе внутренней безопасности отслеживать его звонки по мобильному.

Алекс также уже вел тайное расследование деятельности Джека на его прежнем рабочем месте в Портленде.

– Очень скоро мы узнаем, кому он продает сведения. А дальше посадить его в лужу – уже дело техники.

– Хорошо, – смачно произнес Клайн в предчувствии глубокого удовлетворения.

У Клайна тоже был свой кодекс чести, и согласно ему он сделает так, что предателю не поздоровится.

Маркус гнал «ягуар» на полной скорости. С работы он сразу помчался к Ронни. Когда Клайн сообщил ему о ее увольнении, у Маркуса словно все внутри оборвалось. Можно представить, что чувствовала сейчас Ронни. Черт, он надеялся, что не застанет ее в слезах. Он не вынесет этой пытки.

Она не могла знать о том, что та экзекуция, что устроил ей

Клайн, на его языке называлась «сделать так, чтобы плохой парень почувствовал себя в безопасности».

На стоянке перед домом Ронни Маркус пренебрег привычным ритуалом и, вместо того чтобы спокойно выключить машину, просто переставил «ягуар» на первую передачу, чтобы с места не уехал, и выскочил из него не оглядываясь. Он не старался придать себе уверенности и спокойствия, не стал дожидаться лифта, а бросился к ней по лестнице.

Маркус позвонил. Тишина. Проклятие, она должна быть дома! Даже если ее не было, то в квартире Дженни и Эрон. Маркус ударил по двери кулаком:

– Ронни, детка, открой.

Дверь отворилась. На пороге стояла Ронни с опухшими глазами и мокрыми щеками. Она все же плакала.

– Маркус...

Чему же тут удивляться? Разве могла она ожидать от него иного? Конечно, он должен был прийти и поддержать ее после того, что с ней случилось. Возможно, она не уверена, что он ее любит. Черт возьми, он и сам понял это только сегодня. Но она знала, что дорога ему. Очень.

Маркус вошел, прикрыл дверь и одним рывком привлек ее к себе.

– Все будет хорошо, детка. Доверься мне, – сказал он, согревая дыханием ее волосы и целуя в макушку.

– Доверять тебе? – срывающимся от всхлипов голосом спросила она.

Он прижал ее к себе еще теснее и застонал. Она вздрагивала от рыданий.

– Да, детка. Ты больше не одна. Я всегда буду рядом. Она напряглась и попыталась высвободиться. Как этона нее похоже. Она дьявольски независима, но все равно он не допустит, чтобы она осталась наедине со своей бедой.

– Все будет хорошо. Клайн пообещал, что он никому ничего не скажет. Никакие призраки не последуют за тобой в Портленд.

– В Портленд?

Маркус вздохнул.

– Сладкая моя, я вижу, ты расстроена. Но надо ли повторять все, что я говорю?

Она сделала настойчивую попытку оттолкнуть его, и на этот раз он отступил ровно настолько, чтобы, обнимая ее, видеть ее лицо.

– Тебе бы это понравилось, верно? – спросила она, сверля его серыми глазами.

Он не собирался лгать и не понимал, почему его желание, чтобы она переехала в Портленд, так ее расстраивает.

– Да. Мне хочется жить с собственной женой в одном городе.

Она буквально вогнала его взглядом в землю.

– Я тебе не верю!

– Оставь это, крошка. Я думал, ты все понимаешь. Я хочу быть твоим мужем. Хочу, чтобы Эрон звал меня папой. – По

тому, как она вела себя с ним в первой половине дня, Маркус сделал заключение, что она тоже начинает смотреть на жизнь его глазами. Она сказала, что любит его, черт побери!

Ронни вырвалась из его объятий и начала пятиться от него, пока не оказалась в другом конце комнаты.

– Как у тебя хватило наглости прийти в мой дом после того, как сломал мне жизнь?

Маркус не понимал причину такого к себе отношения. Однако он не стал давать волю эмоциям.

Она сейчас не способна мыслить рационально. Она все еще под впечатлением оттого, что случилось в «Клайн технолоджи».

Маркус попытался ободрить ее улыбкой.

– Жизнь твоя вовсе не сломана. Тебе придется поверить мне, сладкая.

– Тебе легко говорить. – Сняв очки, она начала яростно тереть щеки. – Ты получаешь все, что хочешь. И не стесняешься в средствах. Я лишилась работы, и ты думаешь, что теперь у меня нет иного выбора, кроме как выйти за тебя и уехать в Портленд.

Маркус приложил все силы к тому, чтобы ее обвинения не задели его за живое. Однако говорить, что он рад ее увольнению, – это слишком.

– Я не рад тому, что тебя уволили.

– Верно, – с ядовитым сарказмом сказала она. Тело его налилось свинцом от гнева, но он взял себя в руки.

– Не буду отрицать, что хочу, чтобы ты переехала ко мне в Портленд. Но лучше бы ты сделала это по своей воле, а не в силу обстоятельств, – честно сказал он.

Ни один мужчина не хочет чувствовать себя единственным портом, готовым принять истерзаный бурей корабль – его возлюбленную.

– Если у тебя такие высокие принципы, то зачем ты рассказал мистеру Клайну о том, что произошло в «Си-ай-эс»? – спросила она и всхлипнула.

Она отвернулась от него. Его словно с размаху ударили по голове. Нет, хуже – будто смерть пришла за ним и отняла все его мечты и надежды.

– Ты думаешь, что это я сказал Клайну о «Хайпертоне»? – Голос его звучал хрипло.

Она даже не потрудилась обернуться.

– А разве не ты?

Раньше он мог бы подумать, что в голосе ее звучала надежда, но теперь уже был научен горьким опытом. Она все еще не верила ему. И никогда не позволит себе на него положиться. Как же строить совместную жизнь без взаимного доверия? Боль от осознания потери надрывала ему душу.

Он любит ее. И что?

Она, возможно, тоже его любит, но едва ли станет доверять ему настолько, насколько это необходимо для брака. Даже если она выйдет за него, то ее недоверие способно разрушить любое счастье. Он увидел череду блеклых лет, мая-

чивших впереди, в роли «папы на воскресенье», себя в роли стороннего наблюдателя, когда Ронни влюбится в другого и выйдет за него замуж. Он будет беспомощным свидетелем того, как другой мужчина займет его место в сердце Эрона. И папой он будет называть другого.

Маркус отвернулся и пошел прочь. Если ей и был кто-то нужен сейчас, то совсем не он, Маркус. Он пришел, чтобы ее успокоить, побыть рядом, но его присутствие лишь причиняло ей боль. Он был как альпинист, решившийся на свободный прыжок на страховочном тросе с высоты ста футов и вдруг обнаруживший, что его трос перетерся.

Он положил руку на ручку двери.

– К чему говорить, что я этого не делал? – спросил он с горечью. – Ты все равно не поверишь.

Глава 20

Вероника смотрела на руку Маркуса. Дверная ручка повернулась, как при замедленной съемке. Он говорил «доверься мне», повторяя эту фразу раз за разом, но она словно и не слышала. Она обвиняла. Она требовала его к ответу, но ни на грош ему не доверяла.

Она любила его. И это чувство вдруг высветило ее мысли и представления с предельной ясностью, как в лучах рентгена. Она не имела представления, кто, кроме Маркуса, мог сообщить о ее прошлом Клайну. Ну и что? Доверие по своей природе подразумевает безоговорочную веру, а также риск – риск вручить свою жизнь другому человеку.

Как могла она говорить, что любит Маркуса, и при этом ему не доверять?

Щелчок замка словно запустил в ней скрытый механизм. Она бросилась к двери и буквально упала Маркусу на спину.

– Ты прав. Все это не имеет значения. Я уже знаю правду.

Он был напряжен. Она обвила его руками, словно могла удержать силой.

– Не надо, Ронни. Мы подумаем, как нам быть с визитами к Эрону по выходным, и я помогу тебе найти работу здесь, в Сиэтле, если ты позволишь мне это сделать, но сейчас я должен уйти.

Он больше не хочет на ней жениться? Но почему ее это

должно удивлять? Только безумец женился бы на женщине, которая не верит ни одному его слову.

Вероника крепко обняла Маркуса.

– Нет, ты не можешь уйти. Я тебя не отпущу. Я знаю, что ты не говорил мистеру Клайну о моем прошлом. Прости, что посмела так о тебе подумать. Но тогда я думала головой. А не сердцем.

Он замер. Никакой реакции.

– Я верю тебе, Маркус. Все мои тайны, мое прошлое, настоящее и будущее – я все готова разделить с тобой.

Он наклонил голову к двери, мышцы по-прежнему оставались напряженными, как будто готовились принять удар.

– Пять минут назад ты говорила обратное, Ронни. Тебе не нужно мне лгать.

К глазам ее вновь подступили слезы.

– Я не лгу, Маркус. Я люблю тебя и не могу тебя потерять. Я этого не перенесу.

Прижавшись щекой к его спине, она впитывала в себя тепло его тела. Она иссохнет и умрет, если ей больше никогда не суждено почувствовать это тепло.

– Пожалуйста, прости меня, Маркус. Я больше не могу жить без тебя.

Грудь его поднялась, как будто он глубоко вдохнул. Он на несколько секунд задержал дыхание.

– Полтора года ты прекрасно без меня жила.

– Это была не жизнь, а существование. Он нежно, но твер-

до отвел ее руки.

Он сейчас уйдет. Он не простит ее. Она во второй раз, теперь навсегда, потеряла человека, которого любила, потому что ему не доверяла. Давясь рыданиями, она отступила на шаг. По телу пополз холод от осознания неотвратимой беды.

И вдруг весь мир перевернулся, когда Маркус внезапно подхватил ее на руки и прижал к своей груди. Синие глаза с нежностью смотрели на нее сверху вниз.

– Перестань плакать, детка. Я не выношу твоих слез. Она судорожно вздохнула, все еще не слишком ясновоспринимающая окружающую действительность. На глаза опять набежал и слезы. Она закинула руки ему за шею.

– Я решила выйти за тебя сегодня днем, как раз перед тем, как Эллисон вызвала меня к Клайну в кабинет. А теперь ты меня не хочешь, и я не вправе тебя за это винить, – проговорила она в паузах между всхлипываниями и зарылась лицом ему в шею. Она почувствовала быстрый и нежный поцелуй в висок.

– Где Дженни и Эрон?

– Эрон в детской игровой группе, а Дженни в кино с подружкой. Сегодня у нее выходной, иначе я бы не пришла домой плакать, – призналась Вероника.

Маркус ничего не сказал. Просто пронес ее через гостиную в коридор и оттуда в спальню. Он уложил ее на кровать так, словно она была хрупкой фарфоровой статуэткой. Очень ценной.

Встав рядом с кроватью, он прижал ее ладонь к тому месту на своем теле, которое явно свидетельствовало о его возбуждении.

– Похоже, чтобы я тебя не хотел? Она почувствовала, что краснеет.

– Я не имела в виду постель.

Он снова улыбнулся, и ей показалось, что сердце перестало биться, такая нежная и теплая была у него улыбка.

– И я тоже не только это имел в виду. Мое желание – лишь одна из составляющих того, что делает твое присутствие в моей жизни необходимым. Как воздух, которым я дышу.

Она села на кровати и посмотрела на него глазами, в которых, как она знала, отражалась ее надежда.

– Значит ли это, что ты все еще хочешь на мне жениться?

Опустившись на колени на ковер перед кроватью, он взял ее левую руку в свою. От этого вида у нее дыхание перехватило – ее любовник, некогда бежавший от прочных отношений как от чумы, стоял перед ней, опустившись на одно колено.

– Я люблю тебя, Ронни. Ты выйдешь за меня замуж? Никаких цветистых слов не было, да и нужны ли они?

В этом простом вопросе было столько романтики, сколько ей и не снилось.

– Ты любишь меня? – Она хотела подтверждения. Может, у нее слуховые галлюцинации?

– Да. Я не понимал, насколько сильно ты мне нужна, не

сознавал, что это значит для меня, пока Клайн не рассказал мне, что уволил тебя, и не объяснил почему. Я сразу увидел, что его поступок сыграет мне на руку – что теперь мне будет легче убедить тебя выйти за меня замуж и уехать со мной.

– Но ты сказал, что тебе бы не хотелось, чтобы к браку с тобой меня вынудили обстоятельства.

– К этому выводу я пришел и тотчас же понял, что люблю тебя и не хочу твоего согласия на иных условиях, кроме свободного выбора. Итак, ты согласна?

Ей пришлось дважды сглотнуть, чтобы не сорваться на плач.

– Для меня будет честью стать твоей женой.

Он надел на ее безымянный палец очень изысканное обручальное кольцо, сгреб ее в охапку и расцеловал. После чего принялся выражать свою радость по поводу ее согласия самым доступным ему образом – без слов.

По прошествии длительного времени, счастливая и довольная, она зарылась головой ему под мышку, наслаждаясь теплотой его обнаженного тела.

– Итак, ты хочешь узнать, кто настучал на тебя Клайну?

Вопрос оказался неожиданным, потому что, приняв для себя как факт то, что это не Маркус, Вероника больше мысленно к этой теме не возвращалась.

– Пожалуй. А это важно? Маркус поцеловал ее.

– Да. Видишь ли, когда этот человек пришел к Клайну с доносом, стало абсолютно ясно, что шпион именно он.

Вероника рывком села.

– Ты знаешь, кто шпион? Правда? Кто же он? Это Джерри? – Джерри – славный паренек. Не хотелось бы, чтобы это был он.

Маркус закинул руки за голову.

– Нет.

– Кевин?

– Опять нет.

– Джек? Отличный командный игрок и душа компании?

Я не могу в это поверить.

– Придется. Этот ублюдок пришел к Клайну сегодня утром и рассказал ему, что узнал, как ты уходила из «Си-ай-эс», потом он намекнул на утечку информации и высказал предположение, что сведения начали утекать с тех пор, как ты пришла работать в компанию.

– И мистер Клайн считает меня невиновной?

Вероника не понимала, с чего бы ее бывшему нанимателю доверять ей больше, чем Джеку. А если это действительно так, тогда зачем он ее уволил?

Когда она задала этот вопрос Маркусу, все тело ее напряглось от ярости.

– Ты стала жертвенным ягненком, любовь моя. Клайну нужно время, чтобы собрать веские улики против Джека. После твоего увольнения Джек решит, что его руки развязаны, и, потеряв бдительность, заглочит приготовленную для него наживку.

Она смотрела на Маркуса во все глаза.

– Ты шутишь...

– Клянусь жизнью, нет. Я осуждаю его за это, но факты – упрямая вещь. Он хозяин «Клайн технолоджи» и имеет право поступать так, как считает нужным.

– Ты с ним спорил?

– Из-за нее?

Маркус опустил глаза. Он смотрел на ее грудь, и она почувствовала, как под его взглядом твердеют соски. Она закрыла грудь руками:

– Перестань. Отвечай на мой вопрос. Маркус помрачнел.

– Да. Я, можно сказать, на него напал. Ему еще повезло, что я не дал рукам волю. Я не мог не думать о том, что должна была чувствовать ты, и готов был его убить.

– А потом ты приехал ко мне, и я обвинила тебя в том, что ты ему обо мне рассказал, – подавленно произнесла она.

Он взял ее за руки и потянул на себя. Она буквально упала на него.

– Но в конечном счете ты мне поверила. Еще до того, как узнала о Джеке. Я этого не забуду.

Она прижалась грудью к его груди.

– Я так сильно тебя люблю, Маркус.

– И я тебя люблю, крошка. Навсегда.

Он крепко поцеловал ее, но, покуда она еще окончательно не потеряла способность думать, Вероника спросила:

– Когда мы поженимся?

Он погладил ее по бедру.

– Если бы ты согласилась подождать, пока не кончится расследование, мы могли бы сыграть свадьбу в Портленде, и на ней смогли бы присутствовать Алекс и Иза-бел. Я бы этого хотел.

Она не знала, на какое время затянется это расследование, и хотела, чтобы он стал ее мужем как можно скорее.

– Они могли бы приехать сюда. Маркус засмеялся:

– Не терпится прибрать меня к рукам?

– Нуда.

– И мне тоже невтерпеж. Я завтра позвоню Алексу. Не знаю, сколько положено ждать после подачи заявления в Вашингтоне, но я не думаю, что дольше недели. Так что свадьбу сыграем через неделю от завтрашнего дня.

Вероника прикусила губу.

– Я бы хотела венчаться в церкви.

– То же самое говорила Изабел.

– Я не очень хорошо знаю пастора церкви, куда ходим мы с Дженни и Эроном, но, возможно, он мог бы нас обвенчать.

– Мы завтра посмотрим. Ладно?

Почувствовав облегчение от того, что он не стал разыгрывать мачо и, как настоящий мужчина, настаивать на том, что гражданский брак – более эффективная вещь, она благодарно погладила его по щеке.

– Ладно. Маркус?

Рука его опустилась ниже, легла на ягодицу, пальцы нача-

ли подбираться к опасным местам.

– М-м?..

– Я не хочу, чтобы Эрон рос единственным ребенком.

Рука его внезапно замерла.

– Ты еще хочешь от меня детей?

– По крайней мере еще одного. Ну, может быть, двоих. Ты не против?

Внезапно она оказалась на спине, прижатой к матрасу. Маркус нависал над ней. В глазах его была смесь желания и удовлетворенности.

– Это не проблема.

Она засмеялась над его энтузиазмом. Но следующие сорок пять минут ей было уже не до смеха – она могла лишь стонать и вскрикивать.

И снова она заерзала, прижимаясь к нему. На этот раз она оказалась распростертой на нем.

– Ты официально складываешь с себя полномочия барракуды в мужском обличе?

– Мне забрать назад заявление об отставке?

– Я серьезно. Никаких больше свиданий за ленчем, даже ради работы, – сказала она на случай, если до него не дошел смысл ее слов.

Он потер ей копчик массирующими круговыми движениями.

– К тебе это тоже относится, крошка. Вероника засмеялась. Она не считала себя роковой женщиной и никогда та-

ковой не была.

– Это не проблема, – повторила она его же слова, сказанные, правда, по другому поводу.

– Больше никаких заигрываний с интернами. – Он, похоже, был счастлив, что может диктовать такие условия.

– Я теперь ведь не работаю в «Клайн технолоджи», – веско напомнила ему Вероника. – Так что никаких интернов нет на моем горизонте.

– Ну, в университете будет полно симпатичных студентов. Пусть они и не интерны, и мне все равно, насколько они милые. Твои товарищи по учебе все должны быть только женского пола.

– При чем здесь университет?

– Я подумал, что, возможно, ты захочешь вернуться туда и получить степень. Вначале ты могла бы учиться на вечернем отделении – чтобы снова привыкнуть к студенческой жизни.

Так она могла бы проводить больше времени с Эроном, и это тоже важно.

Со слезами на глазах она крепко обняла его.

– Ты самый лучший мужчина на свете.

– Если, чтобы это усвоить, тебе понадобилось восемнадцать месяцев, то, конечно, это верная мысль, – поддразнил ее Маркус.

Она не засмеялась. Она была с ним согласна. Ей и вправду потребовалось время, чтобы выстрадать эту истину. Но в итоге она получила то, что хотела. Маркуса.

– Ты мог бы надеть что-то более консервативное? В конце концов, у тебя сегодня свадьба.

Маркус неприязненно взглянул на Алекса Трахерна, свидетеля и партнера на «Си-ай-эс»:

– Да ты что, на мне же смокинг!

Он даже решился сменить свои привычные мокасины на пару дорогих черных бальных туфель. Чего еще от него хочет Алекс?

– Как тебе сказать? Кушак и галстук у тебя такого кричащего цвета, что при виде их Веронике захочется надеть солнечные очки.

Маркус опустил глаза на тропических птиц, игриво покрывавших кушак, на галстук в тон и ничего плохого в них не нашел. Он увидел эти аксессуары в том же ателье, где шил смокинг, и тут же подумал, что Ронни это должно понравиться. Так же, как и ему. И он оказался прав. Увидев Маркуса рядом со священником, Ронни улыбнулась.

Ему хотелось поцеловать ее, но он был вынужден подождать, когда обмен клятвами закончится и ее назовут его женой.

Они обвенчались в Сиэтле, как и планировали. Но мать Маркуса настояла на том, чтобы устроить прием в одном из хороших отелей в центре города. И из-за этого им пришлось подождать еще неделю. Маркус нехотя сдался на ее уговоры. Он не хотел обижать мать.

И она, и Марк были одновременно шокированы и прият-

но удивлены тем, что уже почти год как стали бабушкой и дедушкой. Маркус, честно говоря, думал, что потомства от сводного брата и сестры им хватит сполна.

Ронни засмеялась, когда он изложил ей свои соображения, и сказала, что бабушке с дедушкой всегда хочется, чтобы у них было еще больше внуков. Маркус подозревал, что теперь ему чаще придется приезжать к матери с Марком, чтобы они получше узнали Эрона. Но такая перспектива больше не казалась ему неприятной и обременительной. Теперь рядом с ним была Ронни.

Марк дискредитировал себя как отец, но вдруг из него получится отличный дед? И Маркус внезапно почувствовал, что может с этим жить.

– Ронни нравится моя манера одеваться, – с надменным видом проинформировал он Алекса.

В глазах молодой жены он был во всем само совершенство.

Алекс улыбнулся, поискал глазами свою жену. Она стояла рядом с персональным помощником Джорджа Клайна – с Эллисон.

– А я-то всегда думал, что у нее более изысканный вкус.

– Да она же без ума от меня. Что тут скажешь? Маркус глотнул шампанского и встретился взглядом со своей женой, в этот момент бывшей на другом конце зала. Она улыбнулась и послала Маркусу воздушный поцелуй, после чего продолжила разговаривать с сестрой.

Дженни, свидетельница со стороны невесты, явно была счастлива оттого, что Маркус и Ронни снова оказались вместе. С подростковым энтузиазмом она уже строила грандиозные планы на будущее – как они все заживут в Портленде.

– Вкус ее всегда был безупречен. В отличие от Изабел она никогда не испытывала влечения к мужчине, для которого в мужской одежде существует только черный и разные оттенки серого.

Серые глаза Алекса искрились смехом.

– Изабел никогда не жаловалась.

– Но она купила тебе ярко-розовую рубашку-поло. – Алекс несколько раз ее надевал.

– Ей нравится испытывать на мне все новое.

Зная и Алекса, и Изабел, которые не раз появлялись в офисе с корзинкой для пикника и многозначительными двусмысленными улыбочками, Маркус не сомневался в том, что Алекс говорит не об одежде.

– Отличная вечеринка, – заметил Джордж Клайн, остановившись рядом с Алексом и Маркусом.

– Моя мама умеет быть хорошей хозяйкой. – Из нее, по мнению Ронни, должна получиться еще и отличная свекровь.

И все же Маркус был бы не против удрать с этой вечеринки. Ему хотелось поскорей остаться с Ронни наедине. Такая перспектива виделась ему в куда более радужных тонах, чем празднование с шампанским, закуской и болтовней.

– Ты отлично справился с расследованием. Мои адвокаты уверяют, что Джек уже практически за решеткой.

Маркус закончил расследование два дня назад и написал отчет, в котором привел такие улики, что Джеку не отвертеться. Едва ли Джека Брансона посадят – такого рода преступники редко оказываются за решеткой, – но Маркус готов был биться об заклад, что все несправедливо добытые Джеком деньги уйдут на оплату адвокатов и судебные издержки.

– И это принесло мне большое личное удовлетворение.

Взгляд Алекса вдруг стал серьезным. Он понимающе кивнул. Джек обидел Ронни, и по одной этой причине Маркус загнал бы его в угол, даже если бы Клайн прекратил финансировать расследование.

– Ты, случайно, не узнал, кто сообщил ему о прошлом Ронни? – спросил Алекс.

– Харрисон рассказал своей персональной помощнице. Джек знал, как подмазать колеса мельницы сплетен, и получил от нее нужные сведения. А уж сложить два и два – в этом он мастер. Эта способность всегда помогала ему найти лучшего покупателя для своей информации.

– Только зачем ему было компрометировать Ронни? – спросил Клайн.

Маркус глотнул еще шампанского.

– Он не доверял мне. Он сразу заподозрил, что я не тот, за кого себя выдаю. Сама мысль о том, чтобы «Клайн технолоджи» расширялась за счет инвестиций, не вязалась с тем,

что он узнал о вашем деловом стиле.

Клайн нахмурился:

– Этот парень слишком прозорлив, но я все равно не понимаю, почему он стал наводить справки о Веронике.

– Он был ее начальником, и ему стало известно, что она работала в моей компании, а потом уволилась. Он, вероятно, заметил, что она не просила никого из «Си-ай-эс» дать ей рекомендации. Поэтому он решил, что тут есть повод для расследования.

Алекс кивнул:

– Шли разговоры о недружественном захвате «Хайпертона» после того, как Харрисон и Сент-Клер заключили сделку. Я не знаю, как Джек додумался, что к этому имел отношение «Си-ай-эс». Хотя он мог узнать, что яженат на дочери Харрисона. До остального додуматься не составило труда.

– Каковы бы ни были причины, он понял, что там что-то произошло, и стал выяснять подробности. – Еще не скоро сможет Маркус забыть отчаяние в глазах Ронни, когда он приехал к ней после ее увольнения.

– Похоже, Вероника пытается привлечь твое внимание.

Маркус от волнения не сразу понял, куда указывает Клайн. Ронни балансировала на стуле с лучистой улыбкой на губах, ее платье цвета слоновой кости изящно подчеркивало формы ее миниатюрного тела. Она была готова бросить букет.

После этого от Маркуса требовалось снять с нее подвяз-

ку и бросить ее в толпу, чтобы ее поймал какой-нибудь холостяк.

Ему не надо было напоминать об этом дважды. Ощутить ладонями ее затянутое в шелк бедро, пусть на краткое время, – вот оно, настоящее блаженство. Предвкушение операции с подвязкой заставило его пожалеть о том, что на нем смокинг, а не гавайка, которая более эффективно скрыла бы свидетельство неизбежного телесного возбуждения.

Он успел подойти к Ронни как раз в тот момент, когда она швырнула букет через плечо.

Эллисон поймала его с ошеломленным лицом. Джордж Клайн поспешил к ней и крепко обнял и поцеловал – так что ни у кого из присутствующих не осталось сомнений относительно характера отношений этих двоих.

И затем Маркус испытал не меньший шок при виде того, как Джордж надел Эллисон кольцо с бриллиантом на левую руку. Персональная помощница ударилась в счастливые слезы.

Маркус широко улыбался, когда повернулся лицом к своей хорошенькой жене. Он встал перед Ронни на колени – теперь она уже сидела на стуле, на котором только что стояла.

Улыбка ее растопила его сердце, и он забыл и об Эллисон, и об удачно разрешившейся любовной истории Джорджа Клайна.

– Готов?

Он скользнул руками под свадебное платье жены и нашу-

пал атласную подвязку.

– Больше, чем ты думаешь.

Взгляд ее скользнул вниз – на область чуть пониже кушака – и снова вверх.

– Пожалуй, – сказала она, глядя ему в глаза.

Все стало размытым и мутным, когда он спускал подвязку с ее ноги, все ниже и ниже. К тому времени как он снял с нее тифельку и стащил подвязку через аккуратную сексапильную ступню, она уже часто дышала, и крики гостей, выражавших свое одобрение, смешались в глухой гул, с трудом проникая в одурманенный желанием мозг.

Он наклонился вперед и подарил ей поцелуй, полный обещания. Все скоро наступит. После того как он распрямится и швырнет эту вещицу через плечо. Ему было все равно, кто ее поймает.

Он и так долго ждал.

Маркус подхватил невесту на руки и понес из зала приемов. Мать его попыталась его остановить и спросить о чем-то, но он прошел мимо, пообещав потом позвонить.

Алекс присвистнул, и кто-то еще крикнул, что молодые ждут не дождутся, чтобы остаться наедине. Маркус не счел нужным возражать – его поступки говорили сами за себя.

Он нажал кнопку лифта. Молодец все же его мама, догадавшаяся зарезервировать номер в том же отеле, в котором устраивался прием. Это сэкономило время на переезд.

Наутро они уезжали в свадебное путешествие. Он вез Рон-

ни в Париж. Франция ассоциировалась у нее с горькими переживаниями, и он хотел, чтобы их стерли другие – праздничные, светлые.

Дженни и Эрон останутся с Алексом и Изабел, пока они с Ронни не вернутся. Дети уже играли вместе так, словно знали друг друга с рождения.

Ронни обняла его за шею, когда он шагнул в лифт.

Не успели они зайти в люкс, как Маркус опрокинул ее на кровать, а сам встал над ней. Она принадлежала ему – эта красивая, завораживающая, волевая женщина с большим сердцем. Он не мог поверить своему счастью.

– Я люблю тебя, Вероника Данверс.

Глаза ее заблестели, и губы сложились в улыбку.

– Я люблю тебя, Маркус Данверс. На все времена.

Он всегда считал, что нежные чувства делают человека слабым. Но теперь понял, что ошибался. Его любовь к Ронни придала ему силы. Перед ним простиралась жизнь, полная любви, радости и временами упорного стремления его плутовки-жены настоять на своем.

И ничто на свете не могло быть лучше этого.